

Р. С. Белкин

Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня

**Злободневные вопросы
русской криминалистики**

}

Издательство Норма
(Издательская группа НОРМА—ИНФРА • М)
Москва, 2001

ББК 67.52

Б 43

Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. — М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА—ИНФРА • М), 2001. — 240 с.

ISBN 5-89123-493-9 (НОРМА)

ISBN 5-16-000470-X (ИНФРА • М)

К настоящему времени в криминалистической науке накопилось значительное число многообразных умозрительных конструкций, не имеющих серьезных теоретических или практических обоснований. Их авторы, пропагандируя свои идеи, находят иногда сочувственный отклик у читателей. Это побудило автора данной книги — известного ученого-криминалиста, доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки России — критически проанализировать криминалистические "фантомы", наносящие ущерб науке и практике борьбы с преступностью.

Книга адресована специалистам-криминалистам, студентам, аспирантам и преподавателям юридических вузов и факультетов, а также всем интересующимся проблемами криминалистики.

ISBN 5-89123-493-9 (НОРМА)

© Белкин Р. С., 2001

ISBN 5-16-000470-X (ИНФРА • М)

© Издательство НОРМА, 2001

Содержание

От автора.....	7
Глава I. Криминалистика на пороге XXI века.....	9
1. Научно-технический прогресс и криминалистика.....	9
2. Проблема классификации наук и природа криминалистики.....	32
Глава II. Три "кита" современной криминалистики.....	47
1. Философский смысл понятия отражения.....	49
2. Криминалистический смысл понятия отражения.....	52
3. Уголовно-процессуальный смысл понятия отражения.....	58
4. След.....	60
5. Образ.....	64
6. Отражение как научная абстракция.....	66
Глава III. Традиции и новации в системе и языке криминалистики.....	68
1. Новации в системе криминалистики.....	68
2. Новации в языке криминалистики.....	81
Глава IV. Нравственные начала деятельности следователя.....	91
1. Мораль и этическая теория. Проблема профессиональной этики следователя.....	91
2. Нравственные основы воздействия следователя на участвующих в деле лиц.....	97
3. Может ли обман быть нравственным?.....	107

Глава V. Теория и практика: извечные проблемы связи.....	116
Глава VI. Криминалистическая диагностика как предмет дискуссии.....	130
Глава VII. Научный прогноз и эмпирическое предвидение.....	145
1. Понятие эмпирического предвидения.....	145
2. Основания эмпирического предвидения.....	148
3. Объекты и содержание эмпирического предвидения.....	151
4. "Инструменты" формирования эмпирического прогноза.....	154
5. Эмпирическое предвидение и тактическое решение.....	160
Глава VIII. Ошибки в уголовном судопроизводстве.....	163
1. Понятие ошибки в уголовном судопроизводстве.....	164
2. Классификация ошибок в уголовном судопроизводстве.....	169
3. Следственные ошибки.....	175
4. Экспертные ошибки.....	186
5. Судебные ошибки.....	191
Глава IX. "Санитары" судопроизводства.....	195
Глава X. Процессуальные ловушки и криминалистические хитрости.....	203
1. Когда форма стесняет содержание.....	204
2. Когда форма бессодержательна.....	208
Глава XI. Фантомы криминалистики.....	219
1. Криминалистическая характеристика преступления — реальность или иллюзия?.....	220
2. Иллюзорные криминалистические концепции и теории.....	224

От автора

В "Курсе криминалистики", третье издание которого выходит в свет в этом году, в силу хотя и значительного, но все же ограниченного объема работы, не удалось исчерпывающе осветить все новации и процессы, характерные для современного состояния отечественной криминалистической науки. Так, в нем нет ответа на вопрос: почему некоторые явно актуальные и значимые для практики достижения и рекомендации криминалистики не привлекают внимания практиков и не используются ими в своей деятельности? Не рассмотрен и ряд существенных направлений теоретических исследований, отражающих современные последствия влияния на криминалистику научно-технического прогресса.

Есть и еще одна проблема, о которой до сих пор упоминалось лишь вскользь, но которая требует сейчас обстоятельного обсуждения. Дело в том, что в криминалистической науке к настоящему времени накопилось значительное число различных умозрительных конструкций и "открытий", которые не имеют ни теоретических, ни практических обоснований. Их авторы, одержимые либо беспочвенными иллюзиями, либо амбициями, настойчиво пропагандируют свои идеи и, что особенно тревожно, находят сочувственный отклик у недостаточно компетентных

или простодушных читателей и участников конференций, загипнотизированных подчас громкими именами "первооткрывателей". Думаю, что наступил момент серьезно разобраться с этими криминалистическими "фантамами", наносящими явный ущерб и науке, и практике борьбы с преступностью.

Все эти и некоторые иные мотивы и побуждают меня выступить с предлагаемой читателю книгой. Ему и судить, достиг ли автор поставленных целей.

Глава I. Криминалистика на пороге XXI века

1. Научно-технический прогресс и криминалистика

Середина XX в. ознаменовалась качественным скачком во всех областях жизни общества, в сфере материального производства, в образе жизни человечества. Эти совершенно новые явления связаны с "лавинообразным процессом инноваций, материализованных научных идей, научных открытий, технических изобретений и разработок, с принципиально новыми технологическими процессами, которые в совокупности, в свою очередь, порождают стремительные, динамичные изменения в социальной структуре общества"¹. Резко ускорился научный прогресс, изменились взаимоотношения науки и общества, проявились новые социальные функции и возможности науки. Корни этого качественного скачка, его причины и последствия стали обозначать понятием "научно-техническая революция", впоследствии уступившим место понятию "научно-технический прогресс".

Прошрое человечества свидетельствует, что технические революции случались и ранее. Они были связаны с появлением принципиально новой системы труда или технологии, кардинально менявших характер труда, его производительность, вызывавших в

¹ Лазар М. Г., Лейман И. И. НТР и нравственные факторы научной деятельности. Л., 1978. С. 7—8.

конечном счете значимые социальные последствия. Так, техническая революция XVIII—XIX вв., породившая машину и системы машин, которые заменили непосредственный физический труд человека, вооруженного инструментом, повлекла промышленную революцию, т.е. переворот во всем общественном производстве, что ознаменовало окончательную победу капитализма над феодализмом. Истории известны и разнообразные революции в науке, затрагивающие либо одну отрасль, либо всю систему знаний, когда изменяется научная картина мира.

Проблема сущности и содержания НТР, несмотря на обилие концептуальных объяснений, остается дискуссионной. Иногда полагают, что НТР — соединение научной и технической революций. Например, Э. Ольшевский считает, что научная революция протекает под непосредственным влиянием как внутренних законов развития науки, так и технической революции, а техническая — под воздействием как внутренних законов развития техники, так и научной революции. Именно соединение этих двух революций и именуется научно-технической революцией¹. Однако зачастую эти революции разделены во времени, и поэтому нет оснований говорить об их совпадении и объединении.

Очевидно, суть НТР заключается в качественном преобразовании производительных сил общества под влиянием коренного изменения роли науки как фактора общественного развития. "НТР изменяет всю структуру и элементы производительных сил, а также условия, характер и содержание труда. Воплощая растущее взаимопроникновение науки, техники и производства, она вместе с тем влияет на все стороны жизни современного общества, включая управление производством, образование, быт, культуру, психологию людей, взаимоотношения между природой и обще-

¹ См.: *Ольшевский Э.* От революций научных и технических к революции научно-технической. Варшава, 1972. С. 89 (на польск. яз.).

ством. НТР представляет собой всемирно-историческое явление"¹.

В отечественной литературе определились три основных пути изучения НТР: описательный подход; сравнительно-исторический подход; системный подход. Хронологических границ между ними провести нельзя; нередко к тому же они дополняют друг друга.

Описательный подход был характерен для начального этапа изучения НТР и обычно сводился к перечислению многих признаков НТР, преимущественно технических: новые источники энергии и рост технической и энергетической вооруженности труда, автоматизация, облегчающая техническую и умственную деятельность, и т.п.

Сторонники описательного подхода связывали НТР то с автоматизацией производства, то с применением атомной энергии², то с превращением науки в непосредственную производительную силу общества³; но уже с начала 1970-х гг. стало ясно, что описательный подход лишь иллюстрирует проявления НТР, не вскрывая ее сущности.

Сравнительно-исторический подход стал доминировать в исследовании НТР со второй половины 1960-х гг. Он заключался в анализе изменений производительных сил общества путем сравнения прошлых технических и промышленных революций с современной НТР. Этот подход позволил обнаружить общее у разных типов революций, дать их типологию (техническая революция, научная революция, социальная революция, научно-техническая революция), позволил определить тенденции развития изучаемого явления. Важным этапом в подобного рода исследованиях стала монография коллектива авторов под руководством С.В. Шухардина "Современная научно-техническая революция", в которой содержались следующие принципиальные положения: техническая революция подготавливает промышлен-

¹ Лазар М. Г., Лейман И. И. Указ. соч. С. 14.

² См., напр.: Доброе Г. М., Голян-Никольский А. М. Век больших надежд. Киев, 1964.

См.: Осипов Г. В. Техника и общественный прогресс. М., 1959.

ную революцию; промышленная революция может завершиться социальной революцией; НТР есть слияние научной и технической революций; завершение НТР происходит при ее перерастании в новую промышленную революцию¹.

Системный подход распространился также с конца 1960-х гг. и нередко дополнялся сравнительно-историческим методом исследования. В рамках этого подхода НТР анализировалась как сложная динамическая система, изучались ее состав и взаимозависимость входящих в нее элементов, выявлялась как функциональная зависимость отдельных элементов НТР, так и НТР и общества в целом².

Завершая обзор исследований природы и сущности НТР, М.Г. Лазар и И.И. Лейман приходят к следующим выводам:

1. НТР — всемирно-историческое явление. Оно наступило под влиянием ряда глубинных противоречий в производительных силах, между производством и потреблением, противоречий из-за территориального и структурного перераспределения населения, урбанизации и др. Разрешение этих противоречий старыми способами стало невозможным. Потребовались иные средства, которыми и стали новые производительные силы, опирающиеся на широкое использование науки.

2. Сущность НТР в том, что сложилось новое соотношение науки, техники и производства, возникла система наука — техника — производство.

3. НТР — современная форма научно-технического прогресса. Научно-технический прогресс, обеспечивая создание новой техники (как производственной, так и непроизводственной), проявляется прежде всего во всей структуре производительных сил. В то же время научно-технический прогресс охватывает и не-

¹ См.: Современная научно-техническая революция. М., 1970. С. 224.

² См., напр.: Мелещенко Ю. С. Техника и закономерности ее развития. Л., 1970.

производственную сферу, и быт, проникает во все "поры" общества, отражаясь во всех его структурах.

4. Научно-технический прогресс в его современной форме — НТР — является процессом целенаправленным, организованным, планируемым и управляемым, формы этого управления многообразны и динамичны. В их основе лежит социальный заказ, т.е. система социальных целей, одним из средств достижения которых и выступает научно-технический прогресс наряду с политическими средствами и средствами экономического характера¹. Помимо сказанного следует учитывать и социальный эффект научно-технического прогресса. Он влечет изменение социальных компонентов общества, в том числе его социальной структуры, общественной безопасности, социальной активности, морально-психологического климата общества и др.

Цель нашего исследования диктует необходимость выяснить содержание и формы влияния научно-технического прогресса на науку как социальный феномен, играющий, как следует из сказанного, одну из ключевых ролей в развитии общества. В литературе последствия этого влияния нередко толкуются по-разному, но в этом разном можно выделить и нечто общее:

1) ускорение темпов развития науки в целом ("информационный взрыв"), особенно в "точках роста", т.е. в точках взаимодействия наук;

2) математизация и формализация знаний;

3) проникновение математики во все новые области знаний;

4) тенденция перехода от анализа к синтезу, системному анализу — отсюда интерес к моделированию, структурно-функциональному методу, принципу дополнительности;

5) рост научного потенциала общества;

6) возрастание роли и эффективности науки;

7) интеграция наук;

<-м., напр.: Мелешенко Ю. С. Техника и закономерности ее развития. Л., 1970.

- 8) появление комплексных наук;
- 9) всеобщий интерес к методологии, логике и философии науки;
- 10) кибернетизация научных исследований.

Рассмотрим некоторые из этих следствий, имеющих, как будет показано далее, прямое отношение к развитию криминалистики, более подробно, обратив особое внимание на одно из них, явно отражающее субъективный характер влияния научно-технического прогресса на науку. Речь идет о всеобщем интересе ученых к вопросам методологии, логики и философии науки.

Рассматривая процесс развития науки, Т. Кун отмечает его цикличность. В границах каждого цикла кумулятивное развитие науки, т.е. накопление знаний, происходит на основе исходной для данного цикла парадигмы и до тех пор, пока эта парадигма не противоречит приобретаемым знаниям. После того как исходная парадигма перестает играть роль универсального объяснения новых явлений, возникает необходимость ее разрушения и перехода к новой парадигме, удовлетворяющей условиям развивающейся науки¹. Замена научной парадигмы и составляет сущность научной революции. Размах этой революции бывает различным: он может относиться к изменению всей научной картины мира, но может проявляться лишь в рамках какой-либо одной области научного знания. Предвестником революции и ее существенным признаком и служит повышение интереса к методологии, логике и философии науки. Пик подобного повышенного интереса наблюдался в конце 1960-х и в 70-х гг., что знаменовало повсеместную замену научных парадигм конкретных наук. Это не было изменением научной картины мира, но привело к существенному изменению роли и места конкретных наук в объяснении этой картины, что получило выражение в повсеместном изменении взглядов на их предметы. Конста-

¹ См.: Кун Т. Структура научных революций. М., 1977 С. 129–131, 133 и др.

тируя всеобщность этого процесса, П. Копнин писал, что "предмет самых различных наук непрерывно подвергается изменению в связи с ростом знания, прогрессом общественного развития в целом. Во многих областях современной науки происходят самые жаркие дискуссии о предмете и содержании этих наук. Такой процесс не случаен и касается он не только новых областей вроде кибернетики, но и давно сложившихся, таких как математика, физика химия, биология и другие"¹. Сущность этого процесса и заключалась в повсеместной смене научных парадигм, что свидетельствовало о его революционности. Совершенно естественно и то, что он не мог не коснуться и криминалистики, бурно развивавшейся в эти годы. Та исходная парадигма, которая лежала в основе криминалистических исследований в предшествующие указанному моменту годы и которая выражалась в общепринятом, "традиционном" определении предмета криминалистики как науки о приемах, средствах и рекомендациях в области борьбы с преступностью, изжила себя и нуждалась в замене.

Определение предмета криминалистики (как выражение принятой научной парадигмы) требовало принципиального пересмотра, во-первых, потому, что было неполным, не отражало ряда сторон криминалистики, новых объектов исследования, новых задач науки. Определение предмета нуждалось в пересмотре, во-вторых, — и это главное — потому, что оно не соответствовало современным представлениям о предмете частной науки как формы отражения человеком объективной действительности, как области знания. Наконец, оно требовало изменения потому, что представляло криминалистику не как самостоятельную науку, несмотря на декларирование этого, а как некий прикладной придаток других наук в области судопроизводства, поскольку не давало четкого

ответа, в чем заключается ее оригинальность, самостоятельность.

Изложенные причины и повлекли действительно революционные изменения в представлениях о предмете криминалистики, которые отразили замену прежней научной парадигмы новой, что качественно изменило направление основных научных исследований в криминалистике. Вот здесь-то и проявился в полной мере интерес криминалистов к проблемам методологии, логики и философии своей науки. Этот интерес вызвал к жизни ряд фундаментальных работ, символизирующих новый этап развития криминалистической науки, потенциал которого не исчерпан и по сей день¹. В этих работах получили отражение и иные следствия научно-технического прогресса в их "криминалистических" проявлениях².

Ускорение темпов развития науки. Сначала в совместной работе с А.И. Винбергом³, а впоследствии в "Курсе" мною была предпринята попытка сформулировать на базе общих законов развития науки специфические законы развития криминалистики⁴. Среди них был упомянут и закон ускорения темпов развития криминалистической науки в условиях научно-технического прогресса, который в криминалистике действует в прямом, не преобразованном виде. Я опирался при этом на известные высказывания Энгельса о росте научного знания в геометрической прогрессии⁵.

¹ См.: *Белкин Р. С.* Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970; *Он же:* Курс советской криминалистики. В 3 т. М., 1977—1979; *Лузгин И. М.* Методологические проблемы расследования, М., 1973, *Эйсмман А. А.* Логика доказывания. М., 1971; *Сегай М. Я.* Методология судебной идентификации. Киев, 1970; и др.

² См.: *Селиванов Н. А.* Математические методы в собирании и исследовании доказательств. М., 1974; *Шиканов В. И.* Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. Иркутск, 1978; *Винберг А. И., Малаховская Н. Т.* Судебная экспертология. Волгоград, 1979; и др.

• См.: *Белкин Р. С., Винберг А. И.* Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М., 1973.

⁴ См.: *Белкин Р. С.* Курс советской криминалистики, Т. 1. М., 1977. Гл. 4.

• См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 509.

Причинами ускоренного развития криминалистики в переживаемый период, по моему мнению, являются:

- возрастающий объем фундаментальных и прикладных исследований в криминалистике, о чем свидетельствует рост числа монографий и диссертационных работ;
- ускоренное развитие тех отраслей знаний, данные которых используются в криминалистике;
- повышение общественной значимости криминалистики в связи с растущей актуальностью проблемы борьбы с преступностью;
- растущий в силу объективных факторов, порожденных научно-техническим прогрессом, потенциал криминалистики как науки.

Успешно преодолев кризисный этап смены научной парадигмы в 1970—1980-х гг., криминалистика резко увеличила свой научный потенциал и повысила практическую эффективность. *И то и* другое происходит в условиях "информационного взрыва", отражающего качественно возросшую продуктивность научных исследований. По подсчетам ряда авторов, объем научной информации в мире удваивается за каждые 8—10 лет, а общее число печатных работ превышает 100 млн. названий. Ежегодно в 80 тыс. научных журналов публикуется около 3 млн. статей. Половина всех данных, имеющихся в науке, получена за последние 15 лет. За последние 25 лет выпущено почти столько же книг, сколько за предшествующие 500 лет.

Естественно, "информационный взрыв" в криминалистике характеризуется гораздо более скромными цифрами, и тем не менее с ним нельзя не считаться. Наблюдавшийся в 1970-х — первой половине 1990-х гг. резкий рост публикаций по криминалистике значительно осложнил использование содержащейся в них информации. Эти сложности усугубились с распадом СССР, прекращением деятельности общесоюзных центров криминалистических научных исследований, фактическим свертыванием всякой библиографической работы в области правовых наук. Существенный ущерб

был нанесен внутринаучным связям. Лишенные подпитки из центра, свелись на нет криминалистические исследования в ряде бывших союзных республиках: странах Балтии, Киргизии, Туркмении, Грузии, Армении и др. Искусственно воздвигнутый языковой барьер существенно ослабил связи между криминалистами Украины и учеными России. Но закон ускоренного развития науки в условиях НТП, нейтрализованный на время политическими реалиями жизни общества, вновь стал набирать силу в России и (в известной степени) в Белоруссии и Украине. В российских условиях вновь во весь рост встала задача создания единого общероссийского научного и информационного центра в области криминалистики, так и не решенная до 1991 г.

Математизация и формализация знаний. С начала 1960-х гг. в криминалистике получает широкое признание как принципиальная возможность применения математических методов в научных исследованиях, так и необходимость их использования для решения практических задач судопроизводства. Математизация криминалистики открыла новые возможности ее развития и повышения практической эффективности.

Процесс математизации криминалистики протекает в четырех направлениях. Первое — общетеоретическое. Здесь решается задача принципиального обоснования возможности применять математические методы исследования и определять те области науки, те проблемы, при решении которых данными методами можно получить наиболее эффективные результаты. Второе направление — разработка проблем криминалистической идентификации и некоторых других частных криминалистических теорий и их практических приложений. Третье направление — решение задач судебной экспертизы, где применение математических методов неразрывно связано с еще одним следствием НТП — **кибернетизацией науки и практики.**

В результате интенсивного изучения проблемы использования математических и кибернетических ме-

тодов в научных и экспертных исследованиях естественно возник вопрос о пределах их применения. Г.Л. Грановский отметил две точки зрения: одни возлагают надежды в области совершенствования экспертизы только на методы точных наук, "другие более осторожно подходят к этому вопросу и указывают на пределы возможностей использования современной математики. Именно их позиция представляется более близкой к правильному пониманию проблемы". По его мнению, существуют естественные ограничения, "которые природа объектов экспертизы налагает на возможности использования для их исследования математических методов... Применение количественных методов в любой экспертизе теоретически допустимо, но практически еще мало известно, какие признаки и в каких пределах поддаются математическому описанию и оценке, какие результаты можно ожидать от их использования для исследования математическими методами"¹.

Четвертое направление — решение проблем криминалистической тактики и методики. Уже первые исследования показали ограниченные возможности использования в этой области и математических и кибернетических методов.

Основным полем применения названных методов остается судебная экспертиза. Е.Р. Российская называет следующие направления их использования системой "эксперт — ЭВМ":

1. Автоматизация сбора и обработки экспериментальных данных, получаемых в ходе экспертных исследований методами хроматографии, масс-спектрометрии, рентгеноспектрального и других видов анализа.

2. Информационное обеспечение экспертных исследований, т.е. создание банков данных и автоматизированных информационно-поисковых систем по конкретным объектам экспертизы.

¹ Грановский Г. Л. НТР и перспективы совершенствования судебных экспертиз // Вопросы судебной экспертизы Сб науч трудов ВНИИСЭ Вып 43 М, 1980 С 26—27

3. Формирование систем анализа изображений, которые позволяют осуществлять идентификационные и диагностические исследования.

4. Формирование программных комплексов или отдельных программ выполнения вспомогательных расчетов по известным формулам и алгоритмам.

5. Разработка программных комплексов автоматизированного решения экспертных задач¹, что позволяет судить о достигнутом в этой области уровне еще одного следствия НТП — **формализации**.

Переход к системному анализу, моделированию, структурно-функциональному методу. Это следствие научно-технического прогресса проявило себя прежде всего в активизации исследований проблем моделирования во всех разделах криминалистики. Пионером исследований этих проблем в криминалистике и доказывании был И.М. Лузгин, обратившийся к данной проблематике еще в середине 1960-х гг. Вслед за ним эту сферу исследовали А.А. Эйсман, М.Н. Хлынцов, Г.А. Густов и др. В последнее время моделированию уделяли внимание Т.С. Волчецкая, А.М. Каминский, А.А. Протасевич, Д.А. Степаненко, В.И. Шиканов и др.²

Еще в 1977 г. вышла в свет монография В.А. Жбанкова о принципах системного подхода в криминалистике и практической деятельности при расследовании преступлений³. В ней шла речь о системном анализе свойств личности, данных, выявляемых при осмотре

¹ См.: *Российская Е. Р.* Проблемы компьютеризации судебной экспертизы // *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. Т. 3. М., 1997. С. 56—68.

² См.: *Волчецкая Т. С.* Криминалистическая ситуалогия. М., 1997; *Протасевич А. А., Степаненко Д. А., Шиканов В. И.* Моделирование в реконструкции исследуемого события. Иркутск, 1997; *Каминский А. М.* Рефлексивный анализ и моделирование как средство преодоления тупиковых ситуаций расследования. Ижевск, 1998.

³ См.: *Жбанков В. А.* Принципы системного подхода в криминалистике и в практической деятельности органов внутренних дел при собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств. М., 1977.

места происшествия, и т.п. Развивались идеи, высказанные еще в 1973 г. Р.С. Белкиным и А.И. Винбергом¹.

Существенным вкладом в разработку проблематики системного анализа и структурно-функционального метода стала монография Г.А. Зорина "Криминалистическая эвристика". Автор продемонстрировал эвристические приемы анализа через синтез, доминантного анализа личности участника следственного действия, многовариантного эвристического программирования и др.²

Можно сделать вывод, что названное следствие научно-технического прогресса прямо стимулировало появление новых путей научных исследований, реализация которых в следственной и экспертной практике позволила получать ощутимые результаты. Особое значение для криминалистики имеет такое следствие научно-технического прогресса, как интеграция наук, возникновение комплексных наук, заслуживающее специального рассмотрения.

Одним из наиболее существенных следствий научно-технического прогресса в области научных исследований стали процессы интеграции научных знаний. Наряду с процессами дифференциации знаний их интеграция влечет возникновение или интенсивное развитие наук новых типов. Ф.В. Лазарев и М.К. Трифонова называют эти новые типы:

1) синтетические (биохимия, психофармакология, молекулярная биология, физическая химия и др.);

2) интегративные (кибернетика, семиотика, теория информации, теория систем и др.);

3) комплексные (науковедение, комплексное изучение человека, биосферы, космоса и др.)³.

По их мнению, синтетические науки появляются на стыке двух или нескольких областей знания, в частности, в результате переноса методов и идей одной

¹ См.: Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М., 1973. Гл. IV.

² См.: Зорин Г. А. Криминалистическая эвристика. В 2 т. Гродно, 1994.

³ См.: Лазарев Ф. В., Трифонова М. К. Структура познания и научная революция. М., 1980. С. 38.

науки в рамки другой. "В последние десятилетия конституирование наук рассматриваемого типа происходит особенно интенсивно, причем следует заметить, что этот процесс, будучи результатом междисциплинарного синтеза, с одной стороны, усиливает дифференциацию научного знания, с другой — порождает объективные предпосылки для его интеграции"¹.

Интегративные науки олицетворяют собой новый, не известный классическим наукам тип абстракций. "Для вычленения этого типа абстракций решающим является не материальная субстанциальная однородность исследуемых объектов и процессов, а объективное тождество структурных и функциональных характеристик различных областей реальности"². В основе таких наук лежит обнаружение в объектах различной качественной природы некоторых элементов, индифферентных к их качеству. Именно это и позволяет строить научные абстракции, справедливые для процессов любой материальной природы, независимо от сферы их протекания"³.

Комплексные науки представляют собой результат сближения областей знания, ранее резко отличавшихся и по содержанию и по способам исследования. Они "являются особой отраслью знания; они возникают и развиваются не как "пучок" независимых дисциплин, объединенных одним названием, а как единая система знания со своим специфическим концептуальным, понятийным и категориальным аппаратом"⁴.

Одной из доминирующих тенденций развития науки в условиях НТР выступает дифференциация и интеграция научного знания. Она играет определяющую роль и в изменении природы существующих наук, и в формировании новых наук названных типов, и в процессе взаимопроникновения, диффузии научных

¹ Там же. С. 39.

² Там же.

³ Ахундов М. Д., Борисов В. И., Тюхтин В. С. Интегративные науки и системные исследования // Синтез современного научного знания. М., 1973. С. 228.

⁴ Лазарев Ф. Б., Трифонова М. К. Указ. соч. С. 41.

идей и методов. Если основная роль, которую играет дифференциация знаний в развитии науки, заключается преимущественно в обосновании возникновения новых наук, в решении проблем классификации отраслей знания, то роль интеграции знаний в современных условиях гораздо более многопланова. Развивая идеи В.С. Готта и Ф.М. Землянского об основных направлениях интеграции научного знания, Т.В. Аверьянова называет следующие формы интеграции знаний:

1. Перенос идей и представлений из одной области знаний в другую;
2. Использование понятийно-концептуального аппарата, методов и иных познавательных средств других областей науки;
3. Формирование комплексных проблем и направлений исследований;
4. Формирование новых научных дисциплин "пограничного" типа на стыках известных отраслей знания;
5. Сближение, усиление взаимосвязи и взаимодействия наук, различающихся своими предметными областями;
6. Сближение наук различных типов — фундаментальных и прикладных, эмпирических и теоретических, высокоформализованных и описательных и т.д.;
7. Универсализация средств языка науки;
8. Выработка региональных и общенаучных форм и средств познания;
9. Усиление взаимодействия между философским и нефилософским знаниями;
10. Усиление интегративной роли философии¹.

Сходные направления называют авторы монографии "Категории современной науки"².

Названные направления интеграции научного знания тесно и органично переплетаются между собой, и

¹ См.. Аверьянова Т. В. Интеграция и дифференциация научных знаний как источники и основы новых методов судебной экспертизы. М., 1994. С. 9—15.

² См.. Готт В. С., Семенюк Э.Л., Урсул А. Д. Категории современной науки. М., 1984. С. 43—55.

в реальности их бывает трудно отграничить друг от друга. Их разделение носит условный, чисто методический характер. Общенаучные тенденции дифференциации и интеграции научного знания проявляются в криминалистике с момента ее зарождения как науки. На этапе становления криминалистики главенствующую роль играла дифференциация знания, которая, с одной стороны, выражала отношение криминалистики к другим юридическим наукам, к числу которых ее причисляли, а с другой — отношение консолидированных криминалистических знаний к данным других наук, обслуживающих потребности уголовного судопроизводства: судебной медицины, судебной психиатрии, судебной химии и др. Дифференциация знаний стала той методологической основой, которая объективно способствовала конституированию криминалистики как самостоятельной науки. Известно, что криминалистика в ее "донаучный" период была представлена разрозненными рекомендациями в работах по уголовному процессу. Но эта наука не могла удовлетворить растущие потребности судебно-следственной практики в эффективных методах и средствах борьбы с преступностью, и простое увеличение числа рекомендаций о том, как должен поступать следователь в той или иной ситуации для раскрытия преступления, не решало задачи. В то же время сами эти рекомендации "не вписывались" в представления об уголовно-процессуальной науке, были чужеродными для ее предмета, не говоря уже о том, что они были чем-то ремесленническим для судебных чиновников, привыкших оперировать чисто правовыми понятиями и категориями. Естественно, что наряду с дифференциацией, отделением криминалистических знаний от процессуальной науки шел и процесс интеграции, консолидации этих знаний, их накопления и систематизации. Но если дифференциация носила внешний характер, то интеграция выступала как внутринаучный процесс, не связанный на этом этапе развития криминалистики с иными областями знания. Утвердившееся в конце 1920—1930-х гг. мнение о самостоятель-

ном характере криминалистики, хотя и не ставшее тогда общепризнанным, потребовало дальнейшей дифференциации, отграничения криминалистики от тех областей знания, которые, как и она, непосредственно использовались в судопроизводстве. Это касалось прежде всего судебной медицины, положения которой на первых порах фактически включались в криминалистику. Достаточно вспомнить, что в своих первых определениях криминалистики И. Н. Якимов сводил понятие ее предмета к изучению и применению наиболее целесообразных приемов и способов естественных, медицинских и технических наук¹. Однако уже вскоре указание на них как на элементы предмета криминалистики исчезло, и об иных науках стали упоминать лишь в контексте использования их данных для решения собственно криминалистических задач. Принцип дифференциации снова "сработал" на утверждение самостоятельности криминалистической науки. Отечественная криминалистика предстала уже не в конгломерате "судебных наук", где она нередко пребывает на Западе, а как четко очерченная система научных знаний.

На последующих этапах развития криминалистики роли этих процессов поменялись, и на первый план выступила интеграция знаний. Дифференциация теперь была направлена не вовне, а внутрь самой криминалистики, что способствовало возникновению (или возврату к жизни) на стыках со смежными науками новых областей знания: судебной психологии, логики следствия, науки управления и др. "Частицы" предмета криминалистики переместились в предметы этих новых наук. Интеграция же перестала служить лишь прагматическим целям пополнения арсенала криминалистики, ее роль значительно возросла, но об этом речь пойдет ниже.

С моей точки зрения, важнейшим следствием научно-технического прогресса стало **усиление интегра-**

¹ Якимов И. Н. Наука раскрытия преступлений // Рабоче-крестьянская милиция. 1923. № 2—3, Он же. Криминалистика. М., 1925. С. 3.

тивной роли философии, сближение философского и не философского знания.

До конца 1960-х гг. во многих прикладных науках авторы, отдавая дань известным идеологическим канонам, считали обязательным в возвышенном стиле произносить панегирики в честь диалектического, а подчас и исторического материализма, занимаясь, по существу, неким философским пустословием. Чрезвычайно редко специалисты в области частных наук обращались к диалектике действительно по делу, использовали ее категории и законы не по школьным прописям, а для выделения и действительного решения философских задач своих наук. Признавая на словах всеобщее методологическое значение, материалистической диалектики, на деле философию оставляли философам или тем редким представителям естественных наук, обычно физикам, результаты исследований которых требовали истолкования с точки зрения философских концепций мироздания, макро- и микромира, материи и энергии. Отчуждение в реальном научном процессе философии от конкретных наук отнюдь не способствовало развитию последних, поскольку на всех этапах возникали и будут возникать подлинно философские проблемы, требующие для своего решения — а от этого в немалой степени зависит сам прогресс науки — глубокого, творческого владения философской методологией. Философия становится в известном смысле ключом к самопознанию наукой своих исходных основ, их переосмысливанию в свете новых фактов и гипотез. "Мы наблюдаем некую общую закономерность, — пишут Ф.В. Лазарев и М.К. Трифонова, — чем более зрелой ступени достигает в своем развитии та или иная область знания, тем углубленнее становится ее интерес к своим собственным основам, к тем первичным абстракциям и исходным допущениям, на которых покоится все здание теории. И то, что вначале принималось за нечто простое и очевидное, оказывалось в результате анализа сложным и проблематичным. Но, может быть, самое любопытное заключается в том, что анализ исходных

фундаментальных понятий и принципов, сопровождаемый попыткой придать им строгий объективный смысл, приводил, как правило, не к простому уточнению и углублению прежних теорий, а к их коренному переосмысливанию, к качественному скачку в познании"¹.

Сказанное в полной мере можно отнести к криминалистике.

К середине 1960-х гг. стало очевидным, что простое количественное пополнение содержания криминалистики — это тупиковый путь в ее развитии, исчерпавший себя. Нужны были новые подходы, открывавшие перспективы для достижения криминалистической уровня действительно современной науки. Толчком к поискам такого подхода стали изменившиеся в философии представления о методах науки. Именно с этого момента началось интенсивное сближение криминалистики с философией, с материалистической диалектикой. Было бы неверным считать, что до этого ученые-криминалисты были вовсе чужды некоторым философским проблемам — они возникали и при разработке теории криминалистической идентификации, и при анализе причинно-следственных связей в процессе расследования, и при оценке полученного знания с точки зрения таких философских категорий, как необходимость и случайность, вероятность и достоверность и др. Но все это происходило на путях простого заимствования философского знания без должного к нему критического отношения.

Не случайно интерес криминалистов к философской проблематике возник в связи с трактовкой научных методов. Именно они представляют собой "производительные силы" науки, с изменения которых изменяется отношение науки к природе и обществу, как это наблюдается в развитии науки в целом. На базе новых философских представлений об иерархии научных методов, развенчивающих догматическое представление о диалектическом методе как **сдинствсн-**

ном подлинно научном для всех областей познания, сложилась система методов криминалистики и методов практической деятельности, использующих положения этой науки. Было доказано, что диалектический метод действительно является единственным всеобщим, но не единственным научным методом познания, что на его базе формируются другие научные методы меньшей степени общности — общенаучные и специальные методы частных наук¹. Эти революционные изменения в учении о методах научных исследований потребовали пересмотра взглядов на более широкое научное понятие — методологию частной науки. И тут криминалисты столкнулись с неожиданным препятствием.

Методология конкретной области научного знания, конкретной частной науки не сводится к системе используемых в этой науке методов исследования, отражения своего предмета. отождествление методологии с системой методов означает, по-моему, чисто прагматический подход к раскрытию данного понятия. При такой трактовке методологии на второй план отступает ее мировоззренческое значение, философский смысл, неизбежно принижается значение диалектического материализма, который является всеобщей научной методологией именно потому, что "диалектическая логика есть субъективное отражение всеобщих объективных законов движения и развития реального мира"². По мнению И.А. Налетова, диалектико-материалистическая методология "была и остается принципиальной, выверенной основой естественнонаучного и социального познания"³. Правильное понимание сущности методологии требует рассмотрения диалектичес-

¹ См.: *Белкин Р. С.* Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970. См. также: *Сичивица О. М.* Мобильность науки. Горький, 1975. С. 203; и др.
Ядов В. В. Роль методологии в определении методов и техники конкретного социологического исследования // Вопросы философии. 1966. № 10. С. 28.

Налетов И. А. Конкретность философского знания. М., 1986.

кого материализма — всеобщей научной методологии — как теории познания, что приводит к важному выводу: методология — это теоретическая система знания, т.е. система идей, а не просто способов исследования. "Методология науки — это прежде всего гносеологическая проблема: позитивист, напротив, отрицает какую бы то ни было причастность методологии к философскому мировоззрению... Методологию определенного исследовательского процесса вообще нельзя представить себе в отрыве от теоретической системы знаний, в сфере которой ведется поиск"¹.

Было бы неверным полагать, что поскольку методология — это система идей, то методы исследования не имеют к ней отношения. Здесь другая (такая же ошибочная) крайность в понимании сущности методологии. Составной элемент методологии — учение о методах познания, в том числе и о методах формирования теоретических положений, о методах конструирования самих теорий. Речь, следовательно, идет только о том, что учение о методах познания не исчерпывает собой содержания методологии. Более того, в известном смысле любая теория играет роль метода познания, ибо указывает путь исследования и определяет его цели. Можно согласиться в П.В. Копниным, который полагает, что "любая отрасль научного знания может плодотворно развиваться только в том случае, если она превращает свои теории с самого момента их возникновения в метод достижения нового знания и практического преобразования действительности"². Эту же мысль подчеркивает и М.Б. Туrowsкой, когда указывает, что метод есть не особая форма знания, а характеристика теории, поскольку последняя выступает в роли программы практического осуществления своего предмета, т.е. в роли предпосылки метода³. Единство теории и метода подчеркива-

¹ Ядов В. В. Указ соч. С. 27—28.

² Копнин П. В. Система науки. Наука как прикладная логика // Логика научного исследования. М., 1965. С. 306.

³ См.. Туrowsкой М. Б. Диалектика как метод построения теории // Вопросы философии 1965. № 2. С. 51, 52.

ет и А.М. Коршунов: "Теория одновременно есть метод, и наоборот, метод есть теория... Любые знания выступают и как результат, и как средство научного познания. Теория выполняет функции метода познания, поскольку она используется для получения новых знаний"¹.

Некоторые философы полагают, что постановка вопроса о методологии конкретной науки неправомерна. Так, А. Бынков писал: "Частнонаучной методологии нет. Методология одна: она есть философско-логическая, ибо только философия и логика исследуют всеобщие законы бытия и мышления"². В юридических науках эта точка зрения приобрела несколько иной вид. Представители общетеоретической правовой науки — теории государства и права — утверждали, что эта наука имеет методологическое значение для всех правовых наук, и поэтому у последних нет и не может быть своей методологии³. Это утверждение представляется принципиально неверным.

Методология конкретной науки — это система ее мировоззренческих принципов, теоретических концепций, категорий и понятий, методов и связей, определений и терминов, это научное отражение предмета данной науки. Именно такую роль играет в криминалистике ее общая теория. Разработка частнонаучной методологии на современном уровне развития научного знания под силу только специалистам в его конкретных областях, обладающим подлинно научным мировоззрением, т.е. владеющим материалистической диалектикой как методом познания и учением о позна-

¹ Коршунов А. М. Познание и деятельность М, 1984 С 133

² Бынков А. К вопросу о системе методологии и методов в диалектической логике // Диалектика и логика научного познания М, 1966 С 322

³ Замечу, что эта точка зрения не разделяется даже многими философами. Так, указывается, что "познавательные подходы общенаучного масштаба конкретно реализуются с помощью самых различных (и по содержанию и по методологическому статусу (курсив мой — Р.Б.) методов исследования" (Готт В. С., Семенюк Э. П., Урсул А. Д. Категории современной науки М, 1984 С. 157)

нии. Именно поэтому разработка методологии конкретной науки — ее собственная сфера. В любой отрасли знаний представители какой-либо ее области не могут считать себя посредниками между философией и остальными представителями этой науки.

Связь с философией не является исключительной функцией какой-то одной конкретной науки, даже такой, которая имеет наиболее общий характер по сравнению с другими, какой по отношению к юридическим наукам является теория государства и права. Каждая конкретная наука немыслима без собственной методологической базы, суть которой составляют основные положения материалистической философии, конкретизированные применительно к предмету данной науки. Различие в связях между конкретными науками и философией с этой точки зрения заключается только в том, что теоретические основы более общих наук содержат большее число отправных философских положений, опираются на более общие философские категории, а теории частных наук используют, главным образом, категории более частного значения. Любая конкретная наука не только может, но и должна претендовать на такую же связь с философией, что и наука самого общего характера. При этом совершенно естественно, что в зависимости от своего предмета некоторые науки будут более тесно связаны с одним из разделов философии и менее тесно — с другими, наоборот.

Для криминалистики приоритетное значение имеют связи с диалектической логикой, и в первую очередь с такой концептуальной категорией философии, как отражение. Можно без преувеличения утверждать, что эта категория составляет философский, теоретический и практический фундамент криминалистики.

Свойство отражения, лежащее, по выражению Ленина, в самой основе материи, стихийно использовалось с первых дней существования криминалистики как самостоятельной науки. Одно из ее центральных понятий — понятие следа — лежало в основе всех криминалистических рекомендаций по раскрытию прес-

туплений. Изучались способы совершения преступлений как первопричины возникновения следов криминальных действий, обращалось внимание на относительную неизменяемость и индивидуальность различных видов следов, предпринимались попытки различных форм и способов классификации следов и их носителей в целях их использования в раскрытии и расследовании преступлений, идентификации слеодообразующих объектов и т.п. Но глубинный смысл следа как *отражения* объекта, явления, процесса оставался вне поля зрения исследователей. Лишь в 1970-х гг., когда и в криминалистике со всей очевидностью стала проявляться (как следствие научно-технического прогресса) такая тенденция, как усиление интегративной роли философии, сближение философского и нефилософского знания, исследование криминалистами категории отражения приобрело действительно методологический характер. Стало очевидно, что отражение образует самый фундамент криминалистики, сущность этой науки. В процессе отражения стали различать не только отражаемый и отражающий объекты, но и средства отражения, т.е. средства переноса информации от отражаемого к отражающему объекту. Отражение получило свою информационную интерпретацию, сформировалась система средств, методов и форм извлечения, обработки, хранения и использования содержащейся в отражении информации и т.п.

На базе решения философских проблем криминалистики с конца 1960-х гг. стала формироваться общая теория этой науки, в основе которой лежала новая научная парадигма, олицетворенная новым определением предмета криминалистики.

2. Проблема классификации наук и природа криминалистики

Проблема классификации наук на разных этапах развития научного знания решалась по-разному. В период развития эмпирических знаний природа разделялась на три царства: минералов, растений и животных.

Будучи в то время практически полезной, классификация наук, отнесенных к тому или иному царству, естественно, не имела научных оснований и хотя в известной степени и способствовала накоплению и систематизации знаний, но давала весьма приблизительное представление о предметах конкретных наук.

К середине XIX в. ряд таких основных наук, как механика, физика, химия, биология, ботаника, отпочковался от философии и разграничился между собой, определившись с собственными предметами и объектами исследования. Возникла необходимость в научной классификации отраслей знания, и идею такой классификации в общей форме предложил Гегель и обосновал Энгельс. Он писал: "Классификация наук, из которой каждая анализирует отдельную форму движения или ряд связанных между собой и переходящих друг в друга форм движения, является вместе с тем классификацией, расположением, согласно внутренне присущей им последовательности, самих этих форм движения, и в этом именно и заключается ее значение"¹. На основе этой классификации популярным стало деление наук на три класса: общественные (их часто называют гуманитарными), естественные и технические. Однако, хотя принцип деления наук по изучаемому предмету сохранился, в современных условиях эта классификация требует определенной корректировки.

По мнению Д.М. Трошина, современная классификация науки должна соответствовать следующим основным требованиям:

- 1) отражать современный уровень познания объекта;
- 2) соответствовать новому характеру развития познания (интеграция и дифференциация наук), новым методам и средствам познания;
- 3) должна не замыкать науку на данном уровне познания, не создавать тупиков, а раскрывать пути дальнейших научных поисков².

Однако процессы интеграции научных знаний существенно осложняют формирование современной

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 564—565.

² См.: Трошин Д. М. Методологические проблемы современной науки. М., 1966. С. 75.

классификации наук. Трудности возникают прежде всего в результате таких следствий интеграции, как диффузия идей, понятийного аппарата, методов и познавательных средств одних наук в другие, формирование новых наук на стыках известных областей знания, комплексный характер исследования объектов познания.

О.М. Сичивица называет диффузией наук процесс проникновения одних наук в другие и полагает, что этот термин точнее выражает существо процесса, чем термины "взаимопроникновение наук" и "взаимосвязь наук", поскольку проникновение наук вовсе не всегда является взаимным, а взаимосвязь выдвигает на первый план результат взаимодействия, а не его процесс¹. Наиболее активным диффундирующим элементом служат методы познания, поэтому в литературе появился даже термин "экспансия методов", отражающий их активность в завоевании новых областей исследования. Криминалистика дает яркие примеры такой диффузии: многочисленные химические, физико-химические и другие методы естественных наук, математические и кибернетические методы широко используются как в научных исследованиях, так и в криминалистической и иных видах судебных экспертиз.

Процесс диффузии научного знания имеет две стороны: внутреннюю и внешнюю. Внутренняя заключается в синтезе знаний внутри и в рамках конкретной науки. Здесь речь идет преимущественно о синтезе научных теорий, следствием которого является формирование теории более высокого уровня, вплоть до формирования общей теории науки, некоей метатеории, отражающей предмет данной области знания во всех его проявлениях и элементах. Этот процесс в криминалистике привел к формированию в 1970-х гг. ее общей теории, ставшей методологической основой науки².

¹ См.: Сичивица О. М. Мобильность науки. Горький, 1975 С. 161.

² См. Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические основы советской криминалистики. М., 1970; Он же. Курс советской криминалистики. Т. 1. М., 1977.

Внешняя сторона диффузии может выражаться в синтезе знаний наук, относящихся к одному и тому же комплексу родственных наук, например юридических, медицинских, но она может привести и к синтезу, выходящему за рамки любого комплекса. Отмечается, что именно такой синтез в последнее время получает все большее распространение и значение¹.

Логическим следствием синтеза научных знаний стала комплексность исследований с привлечением для изучения объекта знаний из различных разделов одной науки или различных наук. Комплексность исследований получила широкое распространение в криминалистике и судебной экспертизе. В последней возникло понятие комплексной экспертизы — исследования, проводимого для решения пограничных смежных для различных родов (видов) экспертиз, вопросов, которые не могут быть решены на основе одного вида знаний. Комплексность исследований стала приобретать такое важное значение, что ее начали расценивать как тенденцию развития современной науки², как общенаучный метод исследования³. Однако в последнем случае явно смешивается понятие научного подхода и научного метода: подход — это принцип исследования, которым руководствуется исследователь, избирая тот или иной метод.

Рассмотрение вопросов научного синтеза и комплексного подхода к научному исследованию вновь возвращает нас к проблеме классификации наук. Ранее упоминались такие новые типы наук, как науки синтетические, интегративные и комплексные, но их место в традиционной классификации определено не было. В связи с этим возникает по крайней мере два вопроса: возможно ли и каким образом включение этих типов наук в традиционную классификацию; а если нет, то какая классификация должна прийти ей на смену?

¹ См.: Сичивица О. М. Указ. соч. С. 67 и далее.

- См.: Бернал Дж. Д. Стратегия исследования // Наука о науке. М., 1966. С. 394.

• См.: Сичивица О. М. Указ. соч. С. 203.

Представляется, что решение этой проблемы может выглядеть следующим образом.

Если синтетическая наука возникает на стыке наук, относящихся к одному и тому же классу, например общественных, то она должна оставаться в том же классе на правах самостоятельной структурной единицы. Если же синтетическая наука возникает на стыке наук различных классов, как это имеет место в основном при формировании интегральных и комплексных наук, то в традиционной классификации должно быть выделено еще одно, четвертое, звено, включающее эти, по образному выражению ученых, "гибридные науки".

Таким образом, традиционная классификация наук приобретет следующий вид:

Общественные (гуманитарные) науки	Естественные науки	Технические науки	Гибридные науки
Социология Правовые науки. Экономические науки .. Синтетические науки.	Физика. Химия Биология... Синтетические науки.	Теория механизмов и машин Электротехника Синтетические науки.	Синтетические науки. Интегральные науки. Комплексные науки

С начала 1990-х гг. процесс ускоренного развития криминалистики потребовал анализа и оценки не только ее количественных изменений, но и влияния научно-технического прогресса на ее сущность и функции. Этот анализ заставил усомниться в правовой природе криминалистики. В 1994 г. после ряда выступлений на кафедрах различных вузов и в НИИ я выступил с сообщением "Криминалистика и теория судебной экспертизы: природа и связи" с авторитетной трибуны международного криминалистического симпозиума "Актуальные проблемы криминалистических исследований и использования их результатов в практике борьбы с преступностью". В этом сообщении я изложил свое мнение о новом взгляде на природу криминалистики как синтетичес-

кой науки¹. Развернутое обоснование данного взгляда было затем дано в статье "О природе криминалистической науки"².

Известно, что с конца 1950-х гг. господствующей была концепция правовой природы криминалистики. Обоснование этой концепции в обобщенном виде заключалось в следующем:

1. Криминалистика — правовая наука, ибо ее предмет и объекты познания лежат в сфере правовых явлений.

2. Криминалистика — правовая наука, так как ее служебная функция, решаемые ею задачи относятся к правовой сфере деятельности государственных органов, к правовым процессам* (расследование, судебное разбирательство).

3. Все рекомендации, разрабатываемые криминалистикой для практики, носят строго выраженный правовой характер, основаны на законе, соответствуют его духу и букве; они вызваны к жизни потребностью ликвидации в нашей стране преступности и "развивались в советском уголовном процессе лишь с единственной целью оказания научной помощи следственным и судебным органам в отыскании истины по Делу"³.

4. "Юридический характер криминалистики проявляется в нормативно-юридической функции, свойственной ей как отрасли правоправедения, под воздействием которой многие научные рекомендации криминалистики вводятся в содержание правовых норм"⁴.

5. Криминалистические рекомендации носят нормативный характер.

¹ Международный симпозиум. Тезисы докладов и сообщений. М., 1994. С. 20.

² См.: Белкин Р. С. О природе криминалистической науки // Труды Академии МВД РФ. М., 1996. С. 5—13.

³ Эйман А. А. Криминалистика в системе юридических и естественных наук // Сб. науч. работ ЛитНИИСЭ. Вильнюс, 1963. № 1.

⁴ Шебанов А. Ф. Система советского социалистического права. М., 1961. С. 41.

учного знания одна и та же функция может быть присуща разным наукам. Каждая из наук криминального цикла, в сущности, выполняет ту же функцию, которая считается присущей лишь криминалистике. И уголовно-процессуальная наука, и криминология, и наука уголовного права, и уж тем более теория оперативно-розыскной деятельности своими рекомендациями служат интересам практики борьбы с преступностью, вооружают эту практику своим "продуктом". Разница между ними в этом смысле — различный характер научного "продукта": в одном случае им служит четкое определение того противоправного явления, с которым следует вести борьбу, т.е. указание на ее предмет и цель, в другом — это законно обусловленные процедуры борьбы, в третьем — средства и методы непроцессуальных форм деятельности правоохранительных органов и т.п. Но и те, и другие, и третьи — суть арсенал следователя, судьи, оперативного сотрудника органа дознания, средства, методы и формы его деятельности. В этом плане криминалистика — вовсе не какое-то уникальное явление в системе наук; уникален, специфичен лишь ее "продукт", точно так же, как уникален и специфичен "продукт" любой другой самостоятельной науки.

III. Все ли рекомендации, разрабатываемые криминалистикой для практики, носят правовой характер, основаны на законе, соответствуют его духу и букве?

О том, что это не так, говорит самое поверхностное знакомство с ними. Что правового в разработке правил фотосъемки на месте происшествия? В приемах обнаружения, фиксации и изъятия следов? Во многих рекомендациях по тактике допроса, обыска, следственного эксперимента и других следственных действий? В правилах конструирования следственных версий и выведения из них следствий? В одних случаях эти рекомендации носят чисто технический или технологический характер, в других — психологический или логический и т.п. Подавляющее большинство из них вообще в законе не упоминается и никак им не регламентируется.

Кстати, об утверждении, что эти рекомендации основаны на законе, их соответствии его букве и духу. Можно ли так считать, если, как сказано, они в своей массе либо не противоречат закону, либо безразличны для закона? К числу последних практически относятся все экспертные методики, используемые при производстве криминалистических экспертиз, которые разрабатываются криминалистикой, большинство технических средств фиксации и исследования доказательств, ряд тактических и методических рекомендаций, например, по планированию и иным мерам организации расследования и т.п. Поэтому справедливее говорить не об их соответствии, а об их непротиворечии закону, т.е., по большому счету, действительно соответствии духу, но отнюдь не букве закона.

IV. Можно ли считать связи криминалистики с другими неправовыми науками "частными и локальными", а право, правовые науки, правоохранительную практику — ее основной "питательной средой"?

Еще четверть века назад этот тезис, пожалуй, не вызывал сомнений. Но криминалистика далеко ушла в своем развитии. Ни на одну из наук, считающихся правовыми, не оказал такого влияния научно-технический прогресс и его последствия, как на криминалистику. Не говоря о том, что прямым следствием научно-технического прогресса стало формирование ее общей теории, все остальные разделы криминалистической науки буквально насыщены "инородными" знаниями, ставшими органическими составляющими криминалистики. Это уже зачастую не простая связь с другими областями знания, а проникновение последних в недра самой материи криминалистики. Следовательно, сейчас говорить о "частных и локальных" связях криминалистики с иными областями знания — значит просто игнорировать те изменения, которые произошли в природе этой науки.

Следует отказаться от попыток определения, "что важнее" для криминалистики: ее правовая или неправовая составляющие. Все элементы ее содержания

одинаково важны и необходимы именно в силу природы этой науки.

V. Можно ли считать, что криминалистика обладает нормативно-юридической функцией только потому, что некоторые ее рекомендации приняты законодателем и стали нормой закона? Г.А. Матусовский пишет: нормативный характер криминалистических рекомендаций заключается в том, "что они входят в качестве обязательного элемента в систему источников правовой информации. Основу такой системы составляет закон (например, уголовно-процессуальный), положения которого конкретизируются (в большинстве случаев) в подзаконных актах (приказы, инструкции), различных ведомственных нормах и методических указаниях, непосредственно содержащих криминалистические рекомендации"¹.

Но, во-первых, на каком основании криминалистические рекомендации объявлены обязательным элементом системы источников информации? И, во-вторых, их использование в подзаконных актах — это вовсе не функция разработавшей их науки. При любой трактовке функций криминалистики к их числу не может быть отнесена техника законотворчества, формирования нормативных актов. А то, что этими нормативными актами предписывается использовать те или иные криминалистические рекомендации, не имеет отношения к природе науки.

Новые представления о природе криминалистики — это не возврат к концепции ее двойственной природы. Дефект последней заключался в том, что содержание науки жестко делилось на две разнородные части и естественно-технической объявлялась криминалистическая экспертиза — раздел, который, во-первых, в то время не был общепризнанным элементом структуры криминалистики, а во-вторых, как институт имел и имеет явно процессуальный характер.

Анализ содержания криминалистической науки позволяет воочию убедиться в том, что двойственную,

а точнее множественную природу имеют все разделы криминалистики, все ее содержание, а не одна какая-то часть. Что же касается экспертизы, то такого самостоятельного раздела в криминалистике нет и не может быть, поскольку процессуальными проблемами этого института она вообще не должна заниматься, а разработка его содержательной стороны — экспертных методик — функция отраслей криминалистической техники. Вообще следует заметить, что термин "наука двойственной (или множественной) природы" не выражает современной сути криминалистики. Ее природа — не комплекс каких-то составляющих частей, не механическое объединение данных различных наук, а глубокий синтез, сплав знаний в рамках предмета и содержания криминалистики, и в этом суть ответа на вопрос о природе криминалистики: криминалистика — наука синтетическая.

Определяя место криминалистики в системе научного знания, следует ответить и на вопрос, который ставили перед собой еще пионеры отечественной криминалистики: какова роль криминалистики, т.е. сводится ли она только к роли проводника данных иных наук, "прикладывая" их к нуждам судопроизводства, или нет, иными словами, прикладная ли это наука?

И.Н. Якимов, раскрывая понятие криминалистики, именуемой им тогда уголовной техникой, писал, что она, "не будучи самостоятельной научной дисциплиной... является прикладной наукой, преследующей практические цели"¹. Таким образом, между понятиями "прикладная наука" и "несамостоятельная наука" он ставил знак равенства. В дальнейшем такое же значение термину "прикладная наука" придавала одно время В.Е. Коновалова², а С.П. Митричев отождествлял понятие "прикладная наука" с понятием "наука вспомогательная"³.

¹ Якимов И. Н. Практическое руководство к расследованию преступлений. М., 1924 С. 5.

² См. Коновалова В. Е. К вопросу о взаимосвязи криминалистики с уголовно-процессуальным правом // Материалы науч. конф Харьков, 1968. С 165

³ См.. Митричев С. П. Предмет, метод и система советской криминалистики. М., 1965. С. 11,12.

В философии и истории науки понятию прикладной обычно противопоставляется понятие фундаментальной науки. К фундаментальным относят науки, изучающие наиболее общие закономерности природы, общества, мышления: философию, физику, политическую экономию и др. Под прикладными понимаются науки, реализующие в практике достижения фундаментальных наук, служащие как бы мостом между теорией и практикой, "имеющие приложение" либо к практике, либо к другой науке. Но прикладная наука никогда не отождествлялась со вспомогательной, "фундаментальная наука и наука прикладная, — пишут Р. Пэнто и М. Гравитц, — различаются по природе предметов, которые они исследуют. Предмет прикладной науки более точен, более ограничен, более конкретен. Прикладное исследование развивается, в общем, как некое продолжение фундаментального, но иногда и предшествует ему"¹. В отнесении науки к числу прикладных нет ничего унижительного, и ее роль при этом не умаляется. Криминалистика действительно при делении наук на фундаментальные и прикладные относится к разряду последних, что вовсе не означает, что она не является самостоятельной или играет только вспомогательную роль.

С развитием процессов интеграции и дифференциации знания градация наук на фундаментальные и прикладные, как и на теоретические и практические (эмпирические) утрачивает свое значение, становится чисто условной. Это верно отмечает М. Корач: "Нет такой науки, которая хотя бы частично не была прикладной либо по отношению к другой области науки, либо по отношению к практике. Даже самая абстрактная математика имеет какие-то приложения... Ведь никуда не уйти от такого факта, что так называемые чистые науки (т.е. фундаментальные науки. — Р.Б.) используют так называемые прикладные науки, в том числе и технические науки, так же часто, как и на-

¹ Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972. С. 299.

оборот"¹. В современных условиях применительно к достаточно развитым наукам точнее говорить о фундаментальных и прикладных исследованиях — практических приложениях результатов фундаментальных исследований (и то и другое в рамках каждой науки).

Скорее всего теми же соображениями руководствовался Б.М. Шавер, когда возражал против отнесения криминалистики к числу прикладных наук в том смысле, который придавал этому термину И.Н. Якимов. Он писал: "Прикладных наук нет, а есть прикладные дисциплины, под которыми понимается совокупность знаний, определяющих порядок практического применения теоретических принципов той или иной науки. Криминалистику никак нельзя отнести к разряду прикладных дисциплин. Прикладная дисциплина всегда есть частное применение общих принципов той науки, из которых она вытекает. Принципы какой же науки выражает криминалистика? Обычно ее считают вспомогательной наукой по отношению к науке уголовного процесса, вытекающей из принципов последней, но это — полный абсурд, так как разрабатываемые криминалистикой данные вовсе не вытекают из теоретических принципов уголовного процесса, криминалистика не есть практическое применение этих принципов. Данные криминалистики всегда согласуются с данными уголовного процесса, ибо практически они применяются в процессе расследования, который регулируется уголовно-процессуальным правом, но эти данные не вытекают из теоретических принципов уголовного процесса"². Если отбросить некоторые полемические крайности, допущенные Б.М. Шавером, и правильно понять, какой смысл он вкладывал в термин "прикладная наука", то следует признать его рассуждения верными.

Криминалистика, разумеется, не является вспомогательной по отношению к науке уголовного про-

¹ Корач М. Наука индустрии // Наука о науке М., 1966 С. 218, 219

² Шавер Б. М. Предмет и метод советской криминалистики // Соц законность. 1938. № 6. С. 75.

цесса Этот тезис Б М Шавера получил дальнейшее развитие в работах СП Митричева, АИ Винберга, АА Эйсмана и других криминалистов и едва ли нуждается в дополнительной аргументации А В Дулов даже уточнил, что наука может считаться вспомогательной только по отношению к практике, которую она обслуживает, а не по отношению к другой науке¹ Отрадно отметить, что и большинство процессуалистов согласны с тезисом Шавера

¹ См Дулов А В Судебная психология Минск, 1970 С 17

Глава II. Три "кита" современной криминалистики

В 1946 г издательство Военно-юридической академии Советской Армии выпустило в свет небольшую брошюру СМ Потапова "Введение в криминалистику". С тех пор прошло свыше пятидесяти лет, а работа Потапова все еще "на слуху", она легла в фундамент многих докторских и кандидатских диссертаций, бесчисленного множества монографий, статей, тезисов выступлений, многие из которых так и остались в памяти лишь самих авторов. А книжка Потапова продолжает свою научную жизнь, и упоминание ее все вновь и вновь встречается на страницах журналов и книг.

Чем же объясняется столь завидное долголетие⁷? Здесь нет никакой тайны. Потапов посвятил ее одному-единственному понятию, которое было у всех, как говорится, на устах, но над сущностью которого он задумался первым. Это понятие — идентификация, отождествление. По скромности он отвергал свой приоритет в этой области, заявляя, что идентификацией задолго до него занимался еще Бертильон, не чужды были ей и другие пионеры криминалистики. Но криминалисты сразу же отметили, что предшественники Потапова хотя и пользовались этим термином, но уподоблялись при этом известному мольеровскому герою, который не подозревал, что всю жизнь говорил прозой. Ни Бертильон, ни Гросс, ни Локар, ни другие ученые-криминалисты конца XIX — начала XX в не задумывались над глубоким смыслом термина "идентификация", это был удобный рабочий термин, обозначающий установление конкретного объекта, главным образом в системе криминалистической (уголовной) регистрации. Потапов же вышел за рамки обыденного значения этого термина, он со-

здал на его основе *теорию идентификации*, которая долгие годы была чуть ли не единственной в фундаменте криминалистической науки.

Теория идентификации фактически стала первой попыткой связать криминалистику с философией, поскольку базировалась на двух фундаментальных философских категориях — тождества и сходства. Еще целых двадцать лет криминалисты довольствовались этой попыткой, если не считать обязательного упоминания о том, что единственным подлинно научным методом криминалистики (как и вообще всякой науки) является марксистский диалектический метод. Упоминание это стало привычным, на нем не задерживался глаз, как и на других идеологических догмах, на которых были воспитаны люди моего поколения.

Конец 1960-х и 70-е гг. ознаменовались процессами сближения философского и нефилософского знания как следствия влияния научно-технического прогресса. В криминалистике это проявилось в пробуждении интереса к таким философским категориям, как случайность и необходимость, причина и следствие, и некоторым другим. И тут по странному стечению обстоятельств возникла ситуация: в самых разных сочетаниях, в самых разных аспектах криминалисты стали широко использовать термин "отражение", но очень редко задумывались над действительным значением этой философской категории для криминалистики, над ее фундаментальной ролью как в теории, так и в практике приложения криминалистических выкладок и рекомендаций.

Между тем формирование общей теории криминалистики неизбежно должно было привести к тому, что именовалось в философской литературе "ленинской теорией отражения", о которой уже в те годы существовало множество публикаций и целый ряд положений которой успешно использовался и развивался не только в философии, но и в других науках. Обратился к этой проблематике в 60—70-х гг. и автор этих строк. В 1969 г. вышла в свет написанная мною совместно с А.И. Винбергом монография "Криминалистика и доказывание". В главе 4 этой книги — "Информация, криминалистика, до-

казывание" я впервые для себя попытался уяснить роль, которую играет категория отражения в криминалистической науке. Следующим шагом в этой области стала работа "Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики" (М., 1970), и, наконец, некоторые результаты моих исследований были изложены в главе совместной с А.И. Винбергом монографии "Криминалистика. Общетеоретические проблемы" (М., 1973). Глава так и называлась. "Проблема отражения и ее криминалистический аспект". Я пришел к твердому убеждению, что концептуальная философская категория отражения составляет философский, теоретический и практический фундамент криминалистики, что эта категория охватывает фактически все направления криминалистической науки и многие другие философские категории, используемые в ней.

Правда, не обошлось без пересмотра и некоторых вошедших "в плоть и кровь" стереотипов. Занявшись исходными положениями теории отражения, я обнаружил, что никакой подобной "ленинской" теории просто не существует. Действительно, в основе этой теории лежат гениальные (этот эпитет вполне заслужен!) ленинские догадки, в самом фундаменте материи лежит свойство, родственное ощущению, — свойство отражения, отражение не существует без отражаемого; отражаемое богаче отражения. Но это именно догадки; Ленин никогда не претендовал на формирование (на их основе) теории, произошло нечто похожее на "ленинский принцип неотвратимости наказания", который никогда Лениным не формулировался: фраза, которая легла в основу этого "ленинского" принципа, начинается у него словами. "Давно уже сказано..." — и сказано вовсе не им.

Думается, что отнюдь не лишним будет еще раз обратиться к категории отражения и попытаться свести воедино все ее ипостаси, имеющие значение для криминалистической науки.

1. Философский смысл понятия отражения

С позиции современной научной мысли философская категория отражения может трактоваться по-раз-

ному. Онтологически отражение представляет процесс взаимодействия объектов действительности. Гносеологически отражение — и начальный этап процесса познания, и его результат. Выступая как фундаментальное свойство материи, отражение носит всеобщий и закономерный характер: в мире не существует принципиально не отражаемых объектов, явлений, процессов.

Отражение — момент, частица универсальных связей объективной действительности. Если понимать отражение как взаимодействие материальных тел или как результат этого взаимодействия, сам процесс отражения представляет собой такую взаимосвязь между двумя особыми материальными процессами, при которой особенности первого процесса воспроизводятся в соответствующих особенностях второго. Участвующие в процессе отражения объекты, явления, процессы занимают в нем различное положение. Отражаемый объект существует независимо от отражающего, отражаемое автономно; в то же время отражение обусловлено отражаемым, оно не может возникнуть вне отражаемого, генетически с ним связано, производно от него. При этом отражаемое всегда богаче отражения: отражение в силу специфики своего возникновения не в силах абсолютно адекватно отобразить отражаемое.

В акте отражения отражаемое — первично; отражающее, отражение — вторично. В своей высшей форме это означает, что материя (отражаемое) первична, а ее психическое отражение — сознание, осознание, познание — вторично.

Материальным способом этого акта служит форма движения, посредством которого происходят изменения отображающего объекта. Однако формы движения не влияют на причинно-следственные связи этого процесса: отражаемое всегда предшествует отражению.

В реальном мире все взаимодействия являются взаимодействиями большого числа объектов. В этих условиях отражение как конечный продукт выступает последней фазой ряда промежуточных взаимодействий, окончательным отражением опосредованного взаимодействия отражаемого с промежуточными объектами, некоей результирующей промежуточных отражений.

При этом отображение всегда связано с ответной реакцией отображающего объекта (субъекта) на воздействие внешних отображаемых объектов. При простейших формах этого процесса отображение сливается с ответной реакцией. В развитых формах отображение становится относительно самостоятельным и начинает влиять на формирование этой реакции. Именно это характерно для психической формы отражения как начального этапа познания отражаемого объекта.

Отображение и его оригинал не могут находиться в отношениях равенства или тождества. Они связаны отношением соответствия. Это отношение выражается в следующем:

- форма оригинала преобразуется в результате взаимодействия в форму изменения отображающего объекта;
- отображение — это особая сторона и особый продукт взаимодействия объектов или объекта с субъектом;
- содержанием всякого отображения в основном являются особенности процессов, свойственных оригиналу;
- материальным способом процесса отражения является форма движения, посредством которого происходит изменение отображающего объекта (субъекта); развитие форм отображения связано с переходом форм движения материи к другим, более высоким, с усложнением процессов взаимодействия;
- определенный оригинал в данных условиях отображается в другом объекте строго определенным образом; этот процесс объективен и не зависит от воли человека; при повторении в определенных условиях конкретного процесса отражения изменения отображающего объекта и величина этих изменений (элементарное отображение) будут в основном одинаковы. Однако даже при самых благоприятных условиях отражения воспроизводимость особенностей оригинала отражающим объектом не может быть абсолютной в силу неисчерпаемости свойств любого отображаемого объекта.

При отсутствии посредствующих звеньев процесс отражения в принципе протекает в условиях единства места и времени. Наличие посредствующих звеньев

может привести к разрывам этого процесса и в пространстве и во времени.

Говоря о философском смысле понятия отражения, я сознательно ограничиваюсь одной из наиболее существенных для криминалистики сфер, в которой протекает этот процесс, — отражением в неживой природе. Отражение в живой природе в принципе менее значимо для криминалистической науки, хотя и не игнорируется ею. Что же касается высшей, психической формы отражения — в сознании человека, то она протекает в существенной степени по иным закономерностям, подвергается воздействию иных факторов и требует отдельного рассмотрения.

2. Криминалистический смысл понятия отражения

Криминалистика возникла и развивается как наука, призванная способствовать своим "продуктом" практике борьбы с преступностью, практике раскрытия и расследования преступлений. Один из объектов этой науки — преступная деятельность, т.е. подготовка, совершение и сокрытие преступных посягательств. От знания в деталях этой деятельности как в целом, так и в зависимости от рода и вида преступлений зависит успех борьбы с нею. Здесь с неумолимым постоянством действует принцип: "От способа совершения преступления — к способу, методу его раскрытия". Поскольку преступление — это, по большей части, событие прошлого, отдаленного или не очень во времени, судить о нем возможно лишь по дошедшим до следователя признакам преступления, по которым это прошлое и надлежит восстановить, познать и представить.

Событие преступления есть один из материальных процессов действительности. Как таковой он находится в закономерной связи и взаимообусловленности с другими процессами, событиями и явлениями. Эти процессы и события составляют ту среду, в которой совершается преступление. Как всякий материальный процесс,

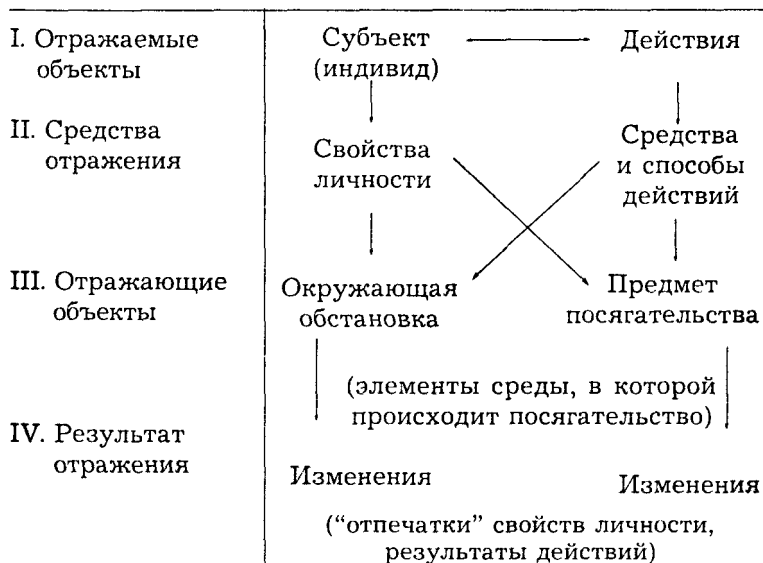
преступление взаимодействует со средой, и одной из сторон такого взаимодействия служит отражение преступления в окружающей среде, выражающееся в ее изменениях, адекватно отражающих процесс преступной деятельности. Способом переноса отображения в отображающее служат различные формы движения: физическая, химическая, биологическая, социальная (психическая) — в зависимости от особенностей оригинала и отражающего объекта.

Для того чтобы раскрыть механизм отражения, я ввел понятие "средства отражения". Их сущность и весь механизм отражения показаны на схеме.

Отражение преступления в окружающей среде — это те изменения, которые в ней вызывает преступление. По ним и предстоит раскрыть и расследовать преступление. Поскольку же всякое преступление (как и любой материальный процесс) обязательно отражается в окружающей среде, постольку и процесс возникновения изменений этой среды носит необходимый, повторяющийся, устойчивый и общий характер, т.е. выступает как закономерность. Эта закономерность под воздействием преступного события и является одной из объективно существующих предпосылок раскрытия и расследования преступлений.

Отражаемыми объектами в процессе преступной деятельности являются элементы состава преступления. Однако не все эти элементы играют одинаковую роль в акте отражения. Строго говоря, непосредственно отражаемыми объектами выступают совокупности признаков, характеризующие субъекта и объективную сторону преступления. Субъект преступления как индивидуум отражается через свои свойства (проявление личности) и через средства и способы действий; действия или бездействие отражаются через средства и способы их осуществления. Таким образом, свойства личности, средства и способы действий выступают как *средство отражения*, т.е. как форма связи между отражаемым и отражающим объектами.

В акте отражения складывается следующая система связей:

Предлагаемая схема выражает только процесс, но не отношения субординации между отражаемыми объектами. В уголовно-правовом аспекте субъект преступления проявляется (представляется, репрезентируется) только через действия, т.е. сам отражаемым объектом не является. В криминалистическом же аспекте, когда речь идет об установлении конкретного человека, совершившего преступление, необходимо рассматривать все формы выражения личности вовне, т.е. не только поведение, но и те свойства, по отражению которых, например на окружающей обстановке, можно идентифицировать субъекта. Поэтому я и рассматриваю субъекта как самостоятельный отражаемый объект.

В сложных связях участвуют в акте отражения и объект преступления, и мотив, и цель, и вина преступника. Объект преступления как общественные отношения, на которые посягает преступник, репрезентируется в акте отражения действиями и предметом посягательства, субъективные же моменты — только действиями (бездействием). Таким образом, и объект пре-

ступления, и субъективные элементы состава преступления участвуют в процессе возникновения изменений среды опосредствованно: и через отражаемые и отражающие объекты, и через средства отражения.

Судить по отражению об отражаемом, по изменениям среды о преступлении можно лишь в том случае, если отражение обладает определенным содержанием и связь изменений с событием можно обнаружить, выявить, понять по содержанию этих изменений. Содержание изменений, их характер представляют собой *информацию* об этих изменениях. Изменения несут в себе информацию о том, что они собой представляют и какова их причина, т.е. сведения обо всем процессе отражения, результатом которого они являются. Изменения — материальный носитель, "хранилище" информации о событии.

Информация как мера связи события и вызванных этим событием изменений в среде не может существовать без материальной основы или, как принято говорить, вне информационного сигнала, под которым понимают единство материального носителя и средства передачи информации. Таким образом, изменения среды — это информационный сигнал, имеющий свое содержание (информацию) и форму выражения — информационный код. Информационным кодом служит и человеческая речь (словесный код).

В процессе возникновения изменений информационный сигнал может выступать в предметной (вещественной) и мысленной (образной) формах. Обе формы есть разновидность "отпечатков" события в среде.

Мысленный информационный сигнал является субъективной формой психического отражения. Но, будучи субъективным по форме, образ объективен по основанию и источнику. Гносеологический анализ образа выявляет отношение образа и предмета, отражаемого и отражающего объектов.

Поскольку среда, в которой преступление вызывает изменения, не есть нечто монолитное, не один объект, а комплекс объектов, процессов, явлений, постольку и отражение преступления содержится не на одном отражающем объекте, а на их комплексе. Каж-

дое изменение среды содержит лишь порцию информации о событии. Объем этой информации зависит от того, насколько значительны те изменения среды, в которых она содержится. Совокупность всей информации в принципе адекватно отражает преступление, но именно "в принципе", поскольку в действительности полного отражения может и не быть либо ставшая известной информация может оказаться неполной. Процесс возникновения изменений среды, как всякий процесс отражения, носит ситуационный характер, т.е. зависит от условий, в которых он протекает. Ситуационность и обуславливает то, что управляющие этим процессом объективные закономерности проявляются (что вообще присуще проявлению объективных закономерностей) как тенденции. Степень осуществления этой тенденции зависит от конкретной обстановки. Именно поэтому можно себе представить, что в отдельных случаях отражение будет неполным или искаженным и т.п.

Отражение как результат взаимодействия объектов, участвующих в акте отражения, есть конечная фаза этого процесса. Но диалектически уже в тот момент, когда процесс отражения завершен и возник "отпечаток" отражаемого объекта, начинается противоположный процесс — уничтожение, "снятие", "отрицание" отражения. Это процесс исчезновения изменений в среде под влиянием объективных и субъективных факторов, процесс такой же естественный, как и их возникновение.

Изменения могут исчезать по-разному.

1. Отражаемый объект действует на отражающий объект в течение какого-то промежутка времени. С начала воздействия и до его окончания идет процесс изменения отражающего объекта. Конечная фаза процесса характеризуется прекращением такого воздействия. После этого отражающий объект в силу имманентно присущих ему свойств иногда может полностью или частично вернуться в прежнее состояние; изменения, возникшие в нем, полностью или частично исчезнут, произойдет "снятие" отражения. Так, отражение в памяти человека воспринятого объекта постепенно

стирается, идет процесс забывания воспринятого, который приводит к тому, что образ исчезает, отражение "снимается". Следовательно, изменения могут исчезнуть под воздействием тех свойств, которые имманентно присущи их материальной основе.

2. Изменения могут исчезнуть или быть уничтожены внешними по отношению к ним воздействиями. Таковыми, например, служат новые изменения, накладывающиеся на прежние в результате другого акта отражения, совпавшего в пространстве с первым. Так, след шины автомобиля, проехавшего по месту происшествия, уничтожает след ноги преступника.

3. Изменения могут быть умышленно уничтожены лицами, противодействующими установлению истины. Наличие субъектов, заинтересованных в уничтожении или изменении отпечатков события, — характерная особенность условий, в которых протекает процесс отражения преступления. Их воздействие на изменения среды может выражаться в различных действиях — от механического уничтожения до создания фальсифицированных отражений.

В информационном аспекте этот процесс выступает как процесс рассеивания информации либо такой ее перекодировки, которая при данном уровне развития средств познания информации еще не доступна для смысловой интерпретации. Уничтожение изменений, рассеивание информации не означают обязательного возвращения среды в первоначальное состояние; под влиянием этих процессов она может качественно преобразиться. Отправляясь от ее нового качественного состояния путем соответствующих ретросказательных процедур, можно представить ее начальное состояние и те отражательные и контротражательные процессы, которые привели к качественному изменению среды.

Закономерность возникновения и исчезновения изменений среды свидетельствует о повторяемости этих процессов: в сходных условиях, т.е. в сходных ситуациях они протекают именно так, а не иначе. Такая ситуационная повторяемость дает основания для типизации процессов отражения. Становится принципиально воз-

Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня
можно определить круг ситуационно типичных отражаемых и отражающих объектов, средств отражения и, что особенно важно, результатов отражения. От этого — один шаг к уголовно-процессуальной интерпретации процесса отражения.

3. Уголовно-процессуальный смысл понятия отражения

В результате отражения возникает информация о Событии и его участниках. При определенных условиях эта информация может приобрести доказательственное значение, стать содержанием доказательств и фигурировать в дальнейшем как *доказательственная информация*. Поскольку ее источником являются изменения среды, возникшие в результате преступной деятельности, можно рассматривать такие изменения как источники доказательств. Это — "мостик" от криминалистического к уголовно-процессуальному аспекту категории отражения.

Информация о преступлении и его участниках, содержащаяся в изменениях среды, пройдя горнило процессуальных процедур в ходе ее собирания, исследования и оценки, приобретает статус судебных доказательств, поэтому вполне правомерно говорить о собирании, исследовании, оценке и впоследствии использовании именно доказательств. Суть же всего этого процесса и есть доказывание, в основе которого лежит все та же категория отражения. Разумеется, познание отражения и по нему преступления как отражаемого объекта не исчерпывает собой целей и содержания доказывания. Помимо механизма преступления — его функциональной стороны — в процессе доказывания должны быть установлены и некоторые другие обстоятельства, связанные с преступлением, но не входящие в суть его отражения, хотя изменения в среде могут позволить косвенно судить и о них.

Процесс доказывания подчинен определенным объективным закономерностям, проявляющимся опять-таки как тенденция, "прокладывающая" себе путь через случайности. Эти случайности могут затруднить,

осложнить, а то и вообще сделать невозможным установление истины по делу. Роль случайностей в доказывании значительна и может заключаться в следующем.

Поскольку процесс возникновения информации о преступлении и его участниках носит индивидуальный характер, по каким-то причинам он может протекать с отступлениями от типичного: возникшее отражение окажется неполным, полученная информация — недостаточной для расследования.

Не всегда изменения в среде могут быть выявлены, а содержащаяся в них информация использована, если субъект доказывания не обладает надлежащими средствами и методами собирания такой информации. "Вещь в себе" не становится "вещью для нас". Но отсутствие надлежащих средств собирания доказательств — не единственная причина подобного результата.

К тому же результату могут привести и действия субъекта доказывания, не обладающего должным профессиональным опытом и знаниями средств и методов работы с доказательствами. Он просто "не увидит" изменений среды, или оценит их как не имеющие значения (отношения) для дела, или, наконец, халатно относясь к своим обязанностям, не сочтет нужным "возиться" с ними.

Есть и еще одно очень существенное обстоятельство, препятствующее использованию отражения преступного события. Это — противодействие установлению истины со стороны лиц, по тем или иным причинам не заинтересованных в результативном расследовании. В общей форме речь идет о воспрепятствовании получению следователем подлинной информации о событии. Это достигается разными путями:

- изменения среды могут быть скрыты или уничтожены;
- изменения среды могут быть преобразованы таким образом, чтобы создать ложное представление о событии или его элементах;
- процесс отражения маскируется иным процессом, создаются ложный процесс и ложное отражение этого процесса, ложные (по отношению к действительным) изменения среды.

Нетипичность процесса отражения как следствие воздействия на него различных случайностей (объективный фактор), а также умышленное вмешательство в этот процесс (субъективный фактор) могут привести к невозможности раскрыть и расследовать преступление. И такая опасность реально существует вопреки декларативным утверждениям, что нет и не может быть преступлений, которые нельзя было бы раскрыть.

Сказанное свидетельствует, что категория отражения лежит в самой основе доказывания и в этом процессуальный смысл данного понятия.

Разумеется, не все составляющие процесса отражения одинаково значимы для практики борьбы с преступностью. Ведущую роль играют такие результаты этого процесса, как след и образ.

4. След

Понятие следа — одно из центральных в криминалистике. В русском языке этот термин и производные от него имеют множество значений. Так, след — это отпечаток чего-либо на какой-то поверхности, остаток или признак чего-либо. Производные от него глаголы: следить, т.е. наблюдать; следовать, т.е. оставлять следы; следовать, т.е. идти следом, отправляться, руководствоваться чем-либо и др.; существительные: следствие, исследование, расследование; причастия: следящий, следующий, следуемый; союз — следовательно; наречие — следом и т.п., вплоть до наименования должностного лица — следователь. Из всего этого многообразия слов для криминалистики особо значимы два: след как отпечаток какого-либо объекта на другом объекте и след как признак некоего события. Выражая эти значения в принятой нами терминологии, можно сказать, что след — это конечная фаза отражения одного объекта на другом, отражение воздействующего объекта. След как признак события — это отражение преступления. Поэтому если в первом случае речь идет о классификации отражаемых, т.е. следообразующих объектов, то во втором — о классификации преступлений по их признакам, отразившимся во внешней

среде. Эти следы именуют общим термином "следы преступления".

Следы-отражения в практике именуют материальными фиксированными отображениями. Чаще всего под ними понимают отображение внешнего рельефа воздействующего, отражаемого объекта. Именно так эти следы фигурируют в трасологии, в судебной баллистике, в технико-криминалистическом исследовании документов и некоторых других разделах криминалистики. Однако в последнее время такая трактовка следов-отражений утратила свой универсальный характер. Ею не охватываются, например, следы запаха, следы изменения внутренней структуры или свойств отражающего объекта, следы устной речи, отобразившейся в фонозаписи. Все эти следы материальны по своей природе, как и те следы, по которым устанавливается исполнитель или автор документа и т.п. Но отражают они не пространственную форму объекта, а иные его свойства или форму движения. Однако при любых средствах отражения следы остаются элементом его процесса — промежуточной или конечной его фазы.

В криминалистической науке и практическом обиходе обычно упоминание о тех или иных следах сопровождается указанием на отражаемый объект: следы орудий взлома, следы покрышек автомобиля, след бояка оружия и др.; иногда упоминается не сам отражаемый объект, а его признаки, отобразившиеся в следах: признаки исполнителя или автора документа, признаки голоса и речи.

Криминалистическое понятие следа исходит из его имманентных свойств:

1. Генетически все следы, являющиеся отражением конкретного события преступления, имеют единый источник и поэтому выступают как система, как отражающее множество.

2. Генетическое единство предполагает и обуславливает их информационное единство, а это означает, что каждый след содержит свою порцию информации о событии, а система следов — всю наличную информацию об отражаемом объекте — преступлении (В.Г. Коломацкий, 1995).

3. След — результат отражения; вне отражения нет следа. Он может быть закономерным результатом отражения, если этот процесс носит типичный характер, может быть и случайным результатом, если процесс протекает под воздействием случайных для него факторов.

Как всякое материальное явление след характеризуется признаками. Различают признаки отражаемого объекта и собственные признаки следа, выражающие природу следоносителя, его собственные свойства, а также те их изменения, которые вызваны процессом отражения, но не позволяют идентифицировать отражаемый объект.

Применительно к материально фиксированным следам-отражениям в криминалистике обычно пользуются не термином "процесс отражения", а термином "механизм (или процесс) следообразования". Под механизмом следообразования понимается специфическая конкретная форма протекания процесса, конечная фаза которого представляет собой образование следа-отражения. Элементами этого механизма являются объекты следообразования — следообразующий и следовоспринимающий и вещество следа, а также следовой контакт как результат взаимодействия между ними в связи с приложением энергии к объектам следообразования.

В общей форме механизм следообразования выглядит так. Воздействие на объекты следообразования (отражаемый и отражающий объекты) приводит к их взаимодействию, в результате чего возникает следовой контакт. Он вызывает формирование следа, обусловленное системой сил, определяющих направления взаимных перемещений объектов следообразования. Следовой контакт является своеобразной кульминацией процесса следообразования. Это — момент взаимодействия объектов следообразования. Его результат — след. Следовой контакт бывает непосредственным, когда поверхности объектов следообразования соприкасаются друг с другом. Но физического соприкосновения может и не быть, например при лучевом воздействии на воспринимающий объект и т.п. В криминалистике изучаются преимущественно следообразующие воздействия физического (механического, реже теплового) характера.

Изучение механизмов следообразования и их результатов имеет цель получить доказательственную информацию о следообразующем объекте, его действиях (когда речь идет о человеке или животном) или действиях с ним, приведших к образованию следа. Природа информации, носителями которой выступают объекты следообразования, различна. Следообразующий (отражаемый) объект является носителем непосредственной, первичной информации, выражающейся в совокупности присущих ему индивидуальных и устойчивых свойств и признаков. Следовоспринимающий (отражающий) объект — носитель отраженной, производной от первого объекта, "вторичной" информации, возникшей вследствие их контакта, т.е. взаимодействия. В результате устанавливается причинно-следственная связь между ними на основе их связи с происшедшим событием. Но следовоспринимающий объект несет информацию не только об отражаемом объекте. Он является также носителем информации о механизме следообразования, т.е. о действиях с отражаемым объектом или самого отражаемого объекта. В данном случае отражаемый объект является средством передачи информации о способе, а через него — и о субъекте действия.

Резюмируя сказанное, можно разделить информацию, носителем которой является след, на личностную (информация о человеке как объекте или субъекте процесса следообразования), вещную (информация об отражаемом и отражающем предметах) и операционную (информация об операции, приведшей к образованию следа, т.е. о механизме следообразования). Последняя может содержать элементы личностной информации индивидуально определенного или группового характера.

Иногда след, его понятие называют своеобразным криминалистическим модулем, тем неделимым элементом, тем "кирпичиком", который лежит в фундаменте здания криминалистики. Если оценить все многогранное значение, которое имеет след как отражение, как заключительная фаза системообразующего для криминалистики процесса отражения, то следует согласиться с такой оценкой следа. Это — один из трех "китов" криминалистики, а вторым является образ.

5. Образ

Образ — это тоже след, но след в сознании человека, мысленный "отпечаток" события в памяти людей. Как и материальный след, образ — результат взаимодействия отражаемого и отражающего; первое — это событие преступления, действия и поведение связанных с ним людей, его обстановка и обстоятельства. Второе — сознание человека, его память, эмоции, органы чувств. В философии под образом понимается высокоразвитая форма адекватного отображения целостного предмета или явления, выступающая в виде идеальной модели сущностных отношений оригинала. В этой идеальной модели воспроизведены — в обобщенном виде — характерные черты того или иного множества предметов.

Среда, в которой совершаются преступления, — это не только материальная обстановка, вещи, погодные условия, высота над уровнем моря и т.п. Это и люди, обитающие или оказавшиеся в этом месте, в этой обстановке, среде. Как и материальные объекты, они претерпевают под воздействием преступления изменения, которые правомерно именуются следами преступления — идеальными отпечатками события.

В отличие от материальных идеальные следы недоступны для непосредственного восприятия. Они познаются с помощью материализации, которая осуществляется в показаниях о запечатленном, в рисунках, чертежах, в узнавании аналогичных объектов, в описаниях и т.п. Перенос информации из мысленного образа в его материализованную форму неизбежно влечет утрату части информации в силу субъективных и объективных факторов, действующих как на формирование мысленного образа, так и при его материализации.

Сопоставление материальных и идеальных следов события свидетельствует о наличии у тех и других и достоинств, и недостатков. По сравнению с материальными:

- идеальные следы более содержательны, поскольку содержат информацию о таких сторонах объекта, которые не отображаются в материальных следах;
- перенос содержащейся в мысленном образе ин-

формации на материальный носитель осуществляется более простым путем и, как правило, не требует специальных познаний;

- формы использования информации, содержащейся в мысленном образе, более разнообразны; они могут носить как процессуальный, так и непроцессуальный характер, применяться и при доказывании, и в розыскной деятельности следователя, для решения идентификационных и диагностических задач, для простого узнавания и углубленного распознавания, для установления как причинно-следственных, так и пространственных и временных связей и отношений.

В то же время материальные следы сравнительно с идеальными:

- обладают большей устойчивостью; содержащаяся в них информация более устойчива при воздействии на нее процессов рассеивания информации;

- менее подвержены воздействию субъективных факторов, обладают, как правило, большей объективностью;

- доступны для непосредственного рассмотрения, воспроизводимы в эксперименте;

- напрямую связаны с событием причинно-следственными отношениями;

- труднее фальсифицируются.

В истории судопроизводства приоритет, как известно, отдавался то идеальным, то материальным следам. До середины XIX в. пальма первенства принадлежала идеальным следам и такой форме их материализации, как показания. Влияние научно-технического прогресса на судопроизводство, вызвавшее к жизни криминалистику и научные методы исследования материальных следов преступления, на некоторое время качнуло чашу весов в сторону вещественных доказательств, этих "немых свидетелей". Но постепенно в славящем их хоре раздалась трезвые голоса, призывавшие к соблюдению разумного паритета между материальными и идеальными следами.

Материальный след и образ уравнили в правах, что и было закреплено законом. Второй "кит" криминалистики занял прочное место в ее фундаменте.

6. Отражение как научная абстракция

В основе любой науки лежат законы, образующие ее предмет познания. Законы же науки суть идеализированное отображение закономерностей объективной действительности. Это отражение представляется научной абстракцией, уровень которой достигает своего максимума в метатеории — общей теории той или иной частной науки. В свое время, характеризуя общую теорию криминалистики, я писал, что она представляет собой научное *отражение* всего предмета криминалистики. Из этого с очевидностью следовало, что речь идет не о непосредственном, чувственно воспринимаемом, а об отражении, выступающем в форме абстракции, при которой каждый элемент отражаемого объекта обобщен и идеализирован, подвергся *превращению*, но тем не менее отражению.

Всякую абстракцию, по моему мнению, можно представить как подобное превращенное отражение. В процессе такого превращения отражение подвергается ряду процедур, идеализируется, как бы отделяется от своей первоосновы, приобретает черты своеобразного образа. Происходит то, что Ленин называл превращением диалектики вещей в диалектику идей. Но в то же время в основе диалектики идей всегда остаются вещи, т.е. реально существующее отражение, какой бы смысл ни вкладывался в понятие отражаемого объекта. Абстрагирование как отражаемого, так и отражающих объектов наглядно проявляется на примере частных криминалистических теорий, которые представляют различный уровень абстракции.

Я уже обращался к криминалистическому учению и механизмам следообразования и, как мне кажется, достаточно ясно продемонстрировал, что в основе этой теории лежит процесс отражения. Само же это учение, как всякая теория, суть представление об обезличенном, т.е. абстрактном процессе следообразования, "очищенном" от особенного.

Не требуется обладать развитым воображением, чтобы представить, что лежит в основе теории криминалистической идентификации и теории криминалистической диагностики, бесспорно, процесс отражения. Не

имеет значения, что объекты этого процесса носят иные названия: не отражаемый, а идентифицируемый и т.п.

Еще более наглядна основополагающая роль отражения для криминалистического учения о фиксации доказательственной информации. Все содержание этого учения подчинено задаче оптимизировать средства и процедуры фиксации хода и результатов процесса отражения.

Ряд других частных теорий базируется на операциях с мысленными образами — идеальными следами события; некоторые, как, например, криминалистическая теория причинности, используют в качестве исходных различного уровня абстрактные представления о со-
держании, свойствах и признаках отражения.

Сказанное позволяет категорически утверждать, что категория отражения составляет основу как "практической криминалистики", так и криминалистической теории. Это и есть тот третий "кит", на котором зиждется все здание криминалистической науки — от определения ее предмета до практических приложений.

Глава III. Традиции и новации в системе и языке криминалистики

Наука — живой, динамически развивающийся организм. Как всякое социальное явление, продукт своей эпохи, наука испытывает и революционные потрясения, и переживает длительный процесс эволюционного развития. Но и в период революций, и в процессе эволюции знания в науке сохраняется нечто неизменное, своеобразный костяк, позволяющий ей сохранить свою индивидуальность, неповторимость, отличие от других областей знаний. В одних случаях это система, объекты и предмет науки, в других — ее основные категории и понятия, в третьих — функции. Это устойчивое, неизменяемое, существенное в содержании науки приобретает значение традиционного для данной области знания, становится объектом передачи от предшественников к последователям традиций в буквальном смысле слова, ведь *traditio* по-латыни и означает передачу, то, что передается в повествовании, рассказе.

Существуют, естественно, свои традиции и в криминалистике, и относятся они, в первую очередь, к системе науки и ее языку, к ее объектам и пользователям ее достижений.

1. Новации в системе криминалистики

Система — это костяк, скелет науки, определяющий положение ее "тела", доступные этому "телу" функции, способность их выполнять. Скелет под влиянием эволюционного развития изменяется весьма медленно; у человека этот процесс занимал несколько сотен тысяч, а может быть, и миллионов лет. Для развития скелета науки такой период, как правило, неизме-

римо более краток, в масштабах вселенной занимает, наверное, меньше секунды; но в земной жизни может занимать иногда столетия, а иногда несколько десятков лет, по прошествии которых система науки и приобретает необходимую устойчивость, отвечая принципу целесообразности, становясь традиционной в сознании ее adeптов и пользователей.

Как известно, система криминалистики складывалась постепенно. Сначала она состояла из двух частей — уголовной техники и уголовной тактики. Затем В.И. Громов предложил ее дополнить третьей частью — методикой расследования. Он обосновывал это тем, что "уголовно-судебная практика и опыт прошлого дают возможность сделать обобщающие практические выводы о доступных для каждого человека, имеющего некоторую подготовку, методах работы, использование которых может облегчить работу по расследованию преступлений каждому среднему работнику, без отношения к его личным индивидуальным качествам и способностям... Такие выводы, содержащие практические указания или проверенные на опыте правила, относящиеся к наиболее рациональному использованию всех допустимых законом методов работы в процессе расследования преступлений, изложенные в определенной системе, естественно, могут в значительной степени облегчить работу по расследованию преступлений. Едва ли нужно доказывать то значение, которое может иметь для работников милиции и уголовного розыска знание тех элементарных сведений, которые я подвожу под общее наименование "методики расследования"... Успех расследования уголовных дел почти всегда зависит от умения методически правильно построить и провести работу, конечной целью которой является раскрытие преступлений"¹.

Так в криминалистике появился термин "методика расследования преступлений", наряду с которым впоследствии стал употребляться термин "частная методика". Вводя этот термин, Громов не помышлял об

¹ Громов В. И. Методика расследования преступлений М, 1929. С. 6.

изменении системы криминалистики. Но поскольку нам никогда не известно, "как наше слово отзовется", в этом случае последствия его предложения оказались более значительными, чем мог предполагать автор: в учебнике по криминалистике 1935 г. методика расследования стала называться самостоятельным разделом криминалистики, система которой, таким образом, стала трехчленной. Эта система получила закрепление в учебнике 1936 г., специально посвященном методике расследования преступлений, а затем и в аналогичном учебнике 1939 г.

В 1938 г. система криминалистики подверглась чуть ли не революционному перевороту. Б.М. Шавер предложил перестроить ее по типу систем отраслевых юридических наук, разделив на общую и особенную части. Трехчленную систему он осудил как "буржуазную".

В общую часть Шавер включил криминалистическую технику и ту часть криминалистической тактики, которая, по его мнению, не относилась к науке уголовного процесса, а в особенную — "применение основных принципов криминалистики к расследованию отдельных видов преступлений и методику их расследования"; Двучленной системы придерживались и авторы учебника 1950 г., хотя и не обозначали их специально в структуре книги.

В 1955 г. вопрос о системе науки был предметом дискуссии, проведенной в Совете ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР. Докладчики А.И. Винберг и А.Н. Васильев и большинство участников дискуссии подвергли критике двучленную систему науки. Винберг предложил различать в криминалистике четыре раздела: введение в науку, технику, тактику и методику, А.Н. Васильев — три последних².

В последующих работах введение в науку обычно трактовалось как ее науковедческая часть и включало

¹ Шавер Б. М. Предмет и метод советской криминалистики // Соц. законность 1938. № 6. С. 82.

² В Совете Института криминалистики Прокуратуры СССР. Вопросы системы советской криминалистики и места в ней следственной тактики // Советская криминалистика на службе следствия. М., 1956. Вып. 7.

понятия предмета, системы, методов науки, ее функций, иногда очерк истории криминалистики и характеристику ее места в системе научного знания. Эта часть всегда наличествовала в учебных курсах криминалистики.

После формулирования мною в 1970 г. концепции общей теории криминалистики система пополнилась за счет нее четвертым разделом. В разных изданиях он именовался по-разному: общей теорией криминалистики, методологией криминалистики, теоретическими и методологическими основами криминалистики и т.п. Содержание общей теории варьировалось, но это не влияло на ее общее признание четвертой — а по очередности первой — частью системы криминалистики. Именно в таком четырехчленном виде система криминалистики и стала традиционной.

Нельзя сказать, что в процессе дальнейшего развития криминалистики не предпринималось попыток изменить традиционную систему. Так, например, в 1961 г. Н.В. Терзиев предложил разделить криминалистику на пять частей: общие положения науки; собирание и исследование различных видов вещественных доказательств, а также некоторых иных объектов; производство различных видов следственных и оперативно-розыскных действий по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений; следственные версии и планирование расследования; раскрытие, расследование и предупреждение различных видов преступлений¹. Через несколько лет с предложением о реформе системы науки выступил С.С. Степичев, который традиционным технике, тактике и методике предпослал еще два раздела: введение в науку (предмет, система, задачи, метод криминалистики, ее место в системе других юридических наук и связь со смежными науками, история и современное состояние криминалистики в СССР и других социалистических странах, история и современное состояние криминалистики в капиталистических странах) и организационно-методические основы расследования (основы построения следственных

¹ См.: Терзиев Н. В. К вопросу о системе науки советской криминалистики // Правоведение. 1961. № 1. С. 155.

версий и планирования расследования; криминалистической идентификации; изучения личности обвиняемого в процессе расследования; криминалистической профилактики; привлечения общественности к расследованию и предупреждению преступлений; организации работы следователя)¹.

Эти предложения не вызвали отклика ни в литературе, ни в устных дискуссиях. Та же судьба постигла предложения В.П. Колмакова о включении в науку еще одной части, посвященной криминалистической профилактике, и ряда авторов, считавших необходимым выделить в системе науки часть, посвященную криминалистической экспертизе.

Костяк устоял, и в последующие десять лет серьезных посягательств на него не было. Только в 1978 г. А.А. Эйсман предложил разделить первую часть на две: введение в науку (все науковедческие вопросы и история криминалистики) и общая теория криминалистики². Но и это предложение ни у кого не вызвало интереса. Были и некоторые другие посягательства на систему науки, но ни одно из них не получило сколько-нибудь реального воплощения в учебниках или учебных курсах. И только еще через 15 лет была предпринята действительно реальная попытка изменения системы криминалистики.

В 1993 г. вышел в свет учебник под редакцией А.Г. Филиппова и А.А. Кузнецова, в котором по инициативе Филиппова фигурировала еще одна часть: "Криминалистические вопросы организации раскрытия и расследования преступлений"³. Такой же раздел был включен (по инициативе Филиппова) в учебник под редакцией Б.П. Смагоринского⁴. В 1998 г. эта новелла уже под названием "Организация раскрытия и расследования преступлений. Криминалистические версии", опять-таки по инициативе А.Г. Филиппова, пополнила собой

¹ См.: *Степичев С. С.* О системе советской криминалистики // Правоведение. 1968. № 4. С. 65.

² Советская криминалистика. Теоретические проблемы. М., 1978. С. 27.

³ Криминалистика. Омск, 1993.

⁴ Криминалистика / Под ред. Б. П. Смагоринского. Волгоград, 1994.

традиционную систему науки¹. Настойчивые попытки таким волевым порядком изменить систему науки создавали впечатление, что раздел уже существует, как бы по общему признанию, хотя никакого мало-мальски серьезного обсуждения этой "реформы" системы науки не проводилось, пару раз дискутировали лишь мы вдвоем.

В ряде устных выступлений мне, по-моему, удалось убедить научную общественность в ненужности такого раздела ни для теории криминалистики, ни для практики использования ее положений. В ответ на эти выступления А.Г. Филиппов опубликовал статью в пользу своей идеи², но никакой публичной поддержки она не получила.

Искусственность введения в систему науки такого раздела становится очевидной уже при беглом ознакомлении с его содержанием. В последнем варианте в него были включены проверочные действия при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, криминалистические версии и планирование расследования, взаимодействие следователя с различными службами органов внутренних дел, розыскная работа следователя и основы применения ЭВМ в раскрытии и расследовании преступлений. Ничего принципиально нового ни для науки, ни для учебного курса этот раздел, таким образом, не содержит — это составляющие традиционных разделов криминалистики, некоторые из них, например розыскная работа следователя, имеют к чисто организационным проблемам такое же отношение, как, скажем, теория идентификации; другие же, как использование ЭВМ, с равным успехом могут быть включены в криминалистическую технику или методику.

Но дело даже не в случайном, ничем не обоснованном наборе составляющих этого раздела. Вопрос гораздо серьезнее.

Один из принципов, на которых основывается криминалистика, который, собственно, и реализован самой

¹ Криминалистика / Под ред. А. Г. Филиппова, А. Ф. Волынского. М., 1998.

² См. Филиппов А. Г. О системе отечественной криминалистики // Государство и право. 1999. № 8.

этой наукой, заключается в организации деятельности: деятельности по собиранию, исследованию и использованию доказательств, деятельности по планированию и осуществлению раскрытия, расследования преступлений и т.п. Организация — неотъемлемая сторона применения и использования криминалистических рекомендаций, ее невозможно отделить от других сторон этой деятельности. Даже в тех элементах криминалистической науки, где вопросы организации выступают на первый план, они неотъемлемы от того, что организуется. В криминалистической тактике это вопросы планирования расследования и организация взаимодействия следователя с иными службами МВД и другими органами и организациями. Да, планирование — это метод организации, но организации чего? Всякой организации? Нет, в данном случае организации лишь одной, узкой сферы общественной практики — раскрытия и расследования преступлений. Да, взаимодействие, несомненно, имеет организационный аспект, но опять-таки он для него не главный, главное — это содержание взаимодействия, то, в чем и ради чего оно осуществляется.

В организационном аспекте можно рассматривать любой элемент криминалистики. Когда мы говорим о подготовке и проведении любого следственного действия, то, в сущности, обращаемся к его организации; любая частная криминалистическая методика — это руководство по организации и осуществлению раскрытия и расследования данного вида преступлений. В том или ином смысле вся криминалистика — это организация, и именно поэтому всякая попытка выделить, обособить проблемы организации попросту никчемна.

Так, на мой взгляд, обстоит дело с этой попыткой ревизии системы криминалистики.

Несомненно, большего внимания заслуживает другая "системозначимая" идея — идея криминалистической стратегии. "Стратегия", "стратегический" — эти термины встречаются в работах таких известных ученых-криминалистов, как В.А. Образцов, А.В. Дулов, Г.А. Зорин. Употребляются они авторами по-разному и в разных значениях. Но прежде чем оценить их взгля-

ды на сущность криминалистической стратегии, целесообразно, опять-таки по традиции, обратиться к родовому понятию стратегии, обязанному своим современным значением военному делу, военному искусству. Вот как определяет военную стратегию Военный энциклопедический словарь:

"Стратегия военная (от греч. *Stratos* — войско и *ago* — веду) — составная часть военного искусства, его высшая область, охватывающая теорию и практику подготовки страны и вооруженных сил к войне, планирование и ведение стратегических операций и войны в целом. Теория военной стратегии изучает закономерности и характер войны, способы ее ведения, разрабатывает теоретические основы планирования, подготовки и ведения стратегических операций и войны в целом. Как область практической деятельности военная стратегия занимается определением стратегических задач вооруженных сил и необходимых для их выполнения сил и средств; разработкой и осуществлением мероприятий по подготовке вооруженных сил и театра военных действий к войне; планированием стратегических операций; организацией развертывания вооруженных сил и руководства ими в ходе войны, а также изучением возможностей вероятного противника по ведению войны и стратегических операций"¹. Так же определяют военную стратегию Военно-морской словарь² и Большой энциклопедический словарь³.

На первый взгляд, понятие военной стратегии настолько далеко от криминалистики и по масштабности, и по существу, что рассуждать о возможности его использования в криминалистической теории и практике раскрытия и расследования преступлений бессмысленно. Но некоторые терминологические аналогии, известные нашей науке, заставляют задуматься: может быть, термин "стратегия" подобно терминам "техника" и "тактика" с известной степенью условности найдет свое место в криминалистике?

¹ Военный энциклопедический словарь. М., 1983. С. 711.

² См.: Военно-морской словарь. М., 1990. С. 410.

³ См.: Большой энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1991. С. 419.

Термины "стратегия", "стратегический (-ая)" нередко используются в литературе для подчеркивания значимости задачи, масштабов обозначенных целей, направлений и характера планируемых исследований. Так, В.А. Образцов упоминает задачи стратегического характера в отличие от тактических задач¹. В.Е. Корноухов и В.Е. Богданов говорят о стратегии расследования, определяемой "закономерностями отражения преступной деятельности, а точнее — объемом информации, содержащейся в первичных материалах о преступлениях, и обстоятельствами, подлежащими доказыванию, которые порождают исходные (проблемные) ситуации, а последние — направления расследования"². В этой же работе они пишут, что если понимать под методом расследования общий подход к нему, то такое "содержание метода расследования уже совпадает с другим понятием — "стратегия". Под стратегией понимают искусство в достижении цели. Очевидно, что при характеристике специфики процессов познания в процессе расследования можно использовать понятие "стратегия". В этой связи выделяют две стратегии расследования преступлений — дедуктивно-алгоритмический и индуктивно-эвристический процессы познания"³.

Г.А. Зорин, Р.Г. Зорин, В.С. Соркин используют в своих работах термин "стратегия защиты". В.С. Соркин определяет стратегию как "преобразование исходной информации с поэтапным переформированием целей и задач по каждому из этапов (выполнения защиты. — Р.Б.)"⁴. Никто из названных авторов в работах 1990-х гг. не рассматривал стратегию как структурную часть криминалистической науки. Но в 1994 г. Г.А. Зорин по вопросу о стратегии в криминалистике занял более радикальную позицию. Он обозначил термином "стратегия" процесс формирования системы целей и распределения их на "дерево целей" согласно тому или иному

¹ См.: *Образцов В. А.* Криминалистика. Курс лекций. М., 1996. С. 66.

² Курс криминалистики. Красноярск, 1996. С. 82.

³ Там же. С. 88.

⁴ *Соркин В. С.* Стратегия и тактика защиты по уголовным делам. Гродно, 1995. С. 12.

этапу расследования. "Стратегия — это искусство руководства процессом расследования уголовного дела в целом"¹. Сфера стратегии ограничивалась этим процессом, и по логике вещей получалось, что она не выходит за границы криминалистической методики.

Следующий радикальный шаг в трактовке стратегии сделал А.В. Дулов. В 1996 г. под его редакцией вышел в свет учебник "Криминалистика"; им написана и первая глава учебника — "Задачи, функции и предмет криминалистики". Перечисляя разделы криминалистики, после ее теоретических основ, техники и тактики А.В. Дулов в качестве четвертого раздела называет криминалистическую стратегию и затем заключительный раздел — методику. "Потребность выделения в криминалистике раздела стратегии, — пишет А.В. Дулов, — возникла при разработке методик расследования отдельных видов преступлений. Чем глубже разрабатывался этот раздел, тем полнее выявлялись вопросы, общие для расследования всех категорий уголовных дел. В связи с этим во многих учебниках появились общие положения методик расследования, где излагались вопросы организации расследования в целом. Обращалось внимание и на наличие проблем, которые не находят своего места в существующей системе криминалистики"². Решить все эти проблемы, по его мнению, возможно, сформировав в системе криминалистики еще один раздел: "Стратегия расследования". Этот раздел должен включать:

- выявление союзников следователя и основы взаимодействия с ними;
- изучение общих моделей и методов расследования уголовных дел;
- изучение общих рекомендаций по организации процесса расследования;
- изучение процессов противодействия и путей их предупреждения и ликвидации³.

¹ Зорин Г. А. Криминалистическая эвристика Т. 1. Гродно, 1994. С. 107.

² Криминалистика / Под ред. А. В. Дулова. Минск, 1996. С. 27.

³ Там же. С. 28.

К сожалению, содержание этого учебника ограничилось тремя первыми разделами системы криминалистики, и поэтому более подробно судить о криминалистической стратегии не представилось возможным. Но идею этой структурной части развил в своих работах Г.А. Зорин.

Модель структуры криминалистики, по Г.А. Зорину, состоит из семи разделов:

- теория криминалистики;
- методология криминалистики, которую он рассматривает лишь как учение о методах науки;
- стратегия криминалистики;
- криминалистическая тактика;
- криминалистическая методика;
- криминалистическая техника, которую он переместил на шестое место в системе, поскольку то, что она традиционно стояла выше тактики и методики, снижало значимость стратегии, тактики и методики (тем более что "техника в отрыве от следственных действий или экспертиз не применяется. Она носит "подсобный" характер и не определяет стиль расследования"¹);
- криминалистическая экспертология².

В другой своей работе Г.А. Зорин посвятил криминалистической стратегии специальный раздел — "Криминалистическая стратегия — основа применения эвристических методов". Стремясь дать ее всестороннюю характеристику, Зорин приводит несколько определений: это и "распределение приоритетов при проверке версий и определении границ этапов, в рамках которых планируется тактика операций и отдельных следственных действий", и "нормирование системы целей и распределение их на "дерево целей" согласно тому или иному этапу расследования", и "искусство руководства процессом расследования уголовного дела в целом".

Далее автор называет этапы формирования криминалистической стратегии: изучение генетики ситуа-

¹ Зорин Г. А. Теоретические основы криминалистики. Минск, 2000. С. 23.

² Там же С. 22—23.

• Зорин Г. А. Криминалистическая методология. Минск, 2000. С. 21.

ции; криминалистическая диагностика ситуации; криминалистическая диагностика психологических установок партнеров следователя; суммирование результатов всех видов диагностики и построение дерева проблем; стратегия формирования "дерева целей"; анализ выработанной стратегии; подготовка стратегии к реализации. Разграничивая криминалистическую тактику и стратегию, он пришел к выводу, что "тактика связана с системой приемов и методов при выполнении отдельных следственных действий, т.е. обеспечивает работу на малом участке, малыми шагами; стратегия объединяет тактику отдельных следственных действий в единый, сбалансированный, органически состыкованный механизм производства следствия по делу в целом"¹.

Для того чтобы правильно решить вопрос, можно ли считать криминалистическую стратегию самостоятельным структурным элементом науки, следует определить те качества, которыми должны обладать эти элементы. Полагаю, что они заключаются в следующем:

1. Общенаучное значение каждого элемента системы. Это означает, что каждый элемент играет общезначимую для всех остальных роль, не просто связан с ними, но органически вплетается в их содержание. Например, криминалистическая техника выступает в качестве предмета ряда частных криминалистических теорий и через них неразрывно связана с общей теорией криминалистики; тактика вообще немыслима без техники; методика — это сфера реализации техники.

2. Однородность составляющих каждого элемента системы. Они объединяются по своей сущности, природе, функциональному назначению. Сомнения по поводу определенности характеристик той или иной составляющей и вызывают дискуссии по поводу того, к какому элементу системы ее надлежит относить. Ярким примером этого служат периодически возникающие споры относительно места в системе науки учения о версии и планировании расследования.

3. Наличие наряду с общими специфических для каждого элемента системы методов и средств познания

тех закономерностей, которые управляют процессами, явлениями, объектами предметной сферы данного элемента системы.

4. Наличие, опять-таки помимо общего языка, своей терминологической "ниши" в языке криминалистики, порой своего значения, общих терминов.

Если под таким углом зрения взглянуть на криминалистическую стратегию, то увидим, что она либо не полностью, либо вообще не соответствует этим характеристикам. Она не имеет общекриминалистического значения, эклектична по содержанию, а сфера ее практического приложения — лишь один из этапов процесса раскрытия и расследования преступлений. Фактически это обновленный вариант криминалистического учения о планировании расследования с использованием некоторой современной терминологии системно-структурного метода, теории рефлексии и некоторых иных областей знания.

Однако при скептическом отношении к признанию стратегии элементом системы криминалистики ее концепция побуждает сделать некоторые выводы.

Становится очевидным, что современная трактовка процесса планирования расследования лишь как метода его организации узка и не раскрывает всех возможностей этого процесса. То, что называют криминалистической стратегией, на деле как раз является современным представлением об организации и планировании расследования — оно и должно составить основную часть криминалистического учения о планировании расследования и, может быть, даже должно быть отражено в новом названии этого учения. Если избавить концепцию стратегии от некоторых языковых "украшений" и излишеств, то станет очевидной несомненная важность и полезность ряда ее положений.

Другой вывод заключается в том, что преобразованное таким образом учение о планировании позволит, пожалуй, покончить с давним спором об отнесении этого учения к тактике или методике. Думаю, что в новом качестве его следует признать относящимся к криминалистической методике. Учение о криминалистической версии и планировании расследования целесо-

образно в этом случае разделить на два и учение о криминалистической версии оставить в криминалистической тактике, как когда-то, еще в 1950-х гг., предлагал Г.Н. Александров.

Опыт учит, что ничто разумное в науке не пропадает бесследно. Следует только найти для него разумное место.

2. Новации в языке криминалистики

В своих прежних работах, касаясь терминологии криминалистики, я высказал мнение о том, что введение в криминалистику нового термина оправдано лишь в двух случаях: при появлении в науке нового понятия, которое не может быть выражено старыми терминами, и при новом аспекте рассмотрения старого понятия, когда термин необходим для обозначения выявленного качества объекта¹. К сожалению, это принципиальное, на мой взгляд, правило соблюдается в современных условиях не всегда. Наглядным примером служат настойчивые попытки некоторых авторов-криминалистов внедрить в научный обиход термины "криминалистическое оружиеведение" и "криминалистическая документология (документоведение)".

Пальма первенства в изобретении термина "криминалистическое оружиеведение" бесспорно принадлежит одному из ведущих отечественных специалистов в области криминалистического исследования оружия В.М. Плещачевскому. Еще десять лет назад он впервые употребил этот термин, который, по его мнению, должен был заменить привычное название соответствующей отрасли криминалистической техники, условно именуемой судебной баллистикой². С тех пор он не прекращал этих попыток. В своей последней монографии "Оружие в криминалистике. Понятие и классификация", называя свои работы в этой области, автор предпослал их перечню двусмыс-

¹ См. *Бел-кин Р. С.* Курс криминалистики. Т. 1. М., 1997. С. 268—269.

² См.: *Плещачевский В. М.* Проблемы формирования криминалистического оружиеведения в свете укрепления общественного порядка.: Сб. науч. трудов. М., 1990.

ленную фразу: "Автор монографии ранее попытался доказать возможность использования неологизма "криминалистическое оружиеведение" в качестве краткой формы по отношению к термину "криминалистическое исследование оружия и следов его применения"¹. Позиция автора утратила ясность: "да" или "нет" оружиеведению? О том, чем отличается этот термин от принятого, в книге ни слова, а сам термин употребляется лишь один раз: в схеме "Объекты оружиеведения" (с. 326), причем через несколько страниц в книге приводится структура отрасли "Криминалистическое исследование оружия и следов его применения", соответствующая в принципе общепринятой структуре этой отрасли криминалистической техники (с. 331), и не только структуре, но и ее содержанию и понятию: "Криминалистическое оружиеведение — отрасль криминалистической техники, которая изучает различные виды оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, а также следы их действия, разрабатывает методы и средства собирания, исследования этих объектов в целях раскрытия и расследования преступлений"². Таким образом, замена названия отрасли ничего не добавила к ее содержанию, что позволяет задать вопрос: с какой целью эта замена произведена или, может быть, в угоду чему или кому? Может быть, автор термина не использовал всех возможностей, которые открываются перед криминалистикой этой наукой — "оружиеведением"?

Но тут любознательного читателя ждал сюрприз ни в БСЭ, ни в Большом энциклопедическом словаре 1991 г., ни в Военном энциклопедическом словаре 1983 г. ни в Военно-морском словаре 1990 г. нет термина "оружиеведение". Это, конечно, не означает, что такая область знания не может существовать, что этот термин вообще бессмыслен. Можно допустить, что оружиеведение — наука об оружии, его конструировании, его естественных и технических основаниях, качествен-

¹ Плескачевский В. М. Указ соч С 321

² Криминалистика / Под ред. Б. П. Смагоринского. Волгоград, 1994. С. 67.

ных характеристиках и т.п. Но ведь все это может интересовать криминалистику лишь в качестве некоторых справочных данных, а интерес представляет совсем другое — следы, образующиеся при выстреле. А это достаточно детально рассматривается в той отрасли техники, которая носит прежнее название.

Вторая терминологическая новинка — "криминалистическое документоведение (или документология)". Автора мне установить не удалось, но зато известны ее пропагандисты: А.Ф. Волынский и В.П. Лавров, попытавшиеся легализовать этот термин в проекте типовой программы кандидатского экзамена по криминалистике. Фигурирует он и в качестве названия соответствующей главы некоторых учебников¹. Определений документоведения или документологии пользователи этих терминов не дают, но обозначают ими существовавшее содержание такой отрасли криминалистической техники, как исследование документов. Да еще для обозначения судебного почерковедения использовали такой внушающий уважение термин, как *скриберология* (в пер. с латыни и греческого — учение о письме)². Бесполезно искать объяснения подобной замены терминов, разве что вспомнить чеховскую иронию: "Они хотят свою образованность показать и всегда говорят о непонятном". Подобные "революционные" преобразования языка криминалистики, когда общеизвестные и общепонятные термины заменяются иностранными аналогами, которые ничего не добавляют к содержанию обозначаемых понятий, не исчерпывают фантазии реформаторов.

Можно спорить по поводу того или иного определения сущности криминалистической науки, ее предмета,⁴ а можно просто оставить все споры в стороне, заменив название науки. Именно так поступил В.А. Образцов, считавший, что нужно исходить из понятия следа, изучаемого криминалистами. Отсюда появилось на свет "научное следоведение", а затем его реализация — "практическое следоведение".

См. Криминалистика / Под ред. Б. П. Смагоринского. Волгоград. 1994. Гл. 5.

, См.: Криминалистика / Под ред. В. А. Образцова. М., 1997. Гл. 13.
См: Образцов В. А. Криминалистика. Курс лекций. М., 1996. С 6—7.

Следы, как известно, необходимо отыскивать, а содержащуюся в них информацию — расшифровать, познать. Происходит все это в процессе расследования, доказывания, т.е. следственной или судебной процессуальной деятельности. Но "расследовать", "доказывать" — эти слова выглядят как какие-то архаизмы, и они заменяются "поисково-познавательной деятельностью" (ППД). И снова возникает вопрос: зачем? Что дает такая замена? Повысится раскрываемость преступлений? Сократятся сроки расследования? Или, может быть, возрастет авторитет следователя в собственных глазах и в глазах окружающих, поскольку он будет заниматься не тривиальной следственной, а более мудреной поисково-познавательной деятельностью?

Было бы несправедливо ограничиться лишь упреками в адрес безусловно талантливого автора, одного из очень немногих "генераторов идей" в современной отечественной криминалистике. Как говорится, и на старуху бывает проруха. Все эти терминологические метаморфозы ему можно простить только за то, что он вернул в язык криминалистики очень важный и емкий термин "технология". Этот термин фигурирует у автора в определении науки ("Криминалистика — наука о технологии...") и трактуется как механизм, процедура поиска и познания¹. И хотя такое значение термина "технология" не совсем точно, это в данном случае не принципиально.

В буквальном смысле технология (от греч. *technē* — мастерство, умение и *logos* — понятие, учение) — совокупность методов обработки, изготовления, изменения состояния, свойств, формы объектов с целью экономического и эффективного получения, производства чего-либо. Схожую с технологией роль в криминалистике в известном смысле играют тактика и методика: как средства организации, осуществления какого-либо процесса с наибольшим эффектом они также нацелены на преобразование объекта воздействия. В этом смысле можно сказать, что криминалистическая методика — своеобразная технология процесса расследования. Что

¹ См Криминалистика / Под ред В. А. Образцова. М., 1997 С. 11

же касается параллели между технологией и тактикой, то здесь все фактически кончается только сходством целей — достижение эффективного результата. Это связано с необходимостью более точного представления о сущности родового понятия тактики' противоборства, преодоления сопротивления.

Думаю, что в условиях расследования о тактике в полном смысле следует говорить именно тогда, когда она служит средством преодоления оказываемого следователю противодействия. С этой точки зрения правомерно говорить о тактике допроса, но сомнительно — о тактике осмотра, правомерно — о тактике обыска, но сомнительно — о тактике получения образцов для сравнительного исследования или прослушивания телефонных переговоров. Для тактики характерна возможность выбора вариантов действий, но этим же характеризуется и технология.

В сущности, технология — это наиболее целесообразный и эффективный способ осуществления неких трудовых операций в должной последовательности, когда исполнителю не оказывается противодействия. Поэтому авторский коллектив учебника, вышедшего в 1999 г. под моей редакцией, решил включить в название двух разделов — техники и тактики — указание на технологию. "Криминалистическая техника и технология" и "Криминалистическая тактика и технология". Соответствующие изменения были внесены и в названия некоторых глав.

В.А. Образцов не ограничился простым использованием термина "технология", он попытался сформулировать и принципы технологического характера, реализуемые в судопроизводстве. И здесь проявилась его чрезмерно широкая трактовка понятия технологии, когда среди этих принципов были названы такие, которые относятся к логическому мышлению (например, принцип обратного причинного следования в познании), либо к оперативно-розыскной деятельности (принцип оперативного сопровождения следственной деятельности), либо к информационному обеспечению следственной деятельности и др. Строго говоря, среди названных им принципов лишь один носит действительно техноло-

гический характер — принцип кооперирования труда исполнителей.

На мой взгляд, технологическими принципами деятельности, осуществляемой при решении задач судопроизводства, служат:

1) принцип компетентности исполнителя, владение им необходимыми знаниями, умениями и навыками выполнения технологических операций;

2) принцип кооперирования труда;

3) принцип соответствия цели и усилий по ее достижению;

4) принцип наличия необходимых условий для осуществления деятельности;

5) принцип соответствия средств деятельности ее сущности и содержанию.

Наряду с "практическим следоведением" в литературе последнего времени можно встретить и другие образные выражения, которые, по мысли их авторов, должны относиться к криминалистической науке и отражать ее направленность. Упомяну лишь некоторые из них: "криминалистика защиты" и "криминалистика обвинения", "латентная криминалистика", "практическая криминалистика".

Наиболее полно криминалистику защиты и ее отличия от криминалистики обвинения охарактеризовал Р.Г. Зорин. По его мнению, "криминалистика защиты — это отрасль науки криминалистики, представляющая собой интегративное образование методов, основанных на уголовно-процессуальных нормах и направленных на защиту задержанных, "подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных"¹.

Криминалистика защиты имеет свой предмет, свою методологию, "построенную на принципах состязательности и конкурентности в соотношениях с криминалистикой обвинения", в которую входят идентификация, планирование, программирование, диагностика, моделирование, рефлексия, эмпатия и т.п.

¹ Зорин Р. Г. Криминалистика защиты против криминалистики обвинения // Зорин Г. А. Теоретические основы криминалистики. Минск, 2000. С. 58.

Думаю, что все это — плод увлеченности молодого ученого, написавшего и успешно защитившего очень недурную диссертацию о защите по делам о дорожно-транспортных происшествиях. Нет, на мой взгляд, никакой "криминалистики защиты", как нет и "криминалистики обвинения". А есть использование положений криминалистики защитником и обвинителем. На память приходит термин "судебная криминалистика", который можно встретить и в моих работах. Но я непременно подчеркивал условность этого термина, используемого для краткости при упоминании положений криминалистики, применяющихся в судебном разбирательстве. Нет и криминалистики для следователей или для экспертов. В криминалистике могут быть адресные рекомендации, рассчитанные на этих пользователей, но они не образуют какой-то специфической части или отрасли криминалистической науки.

Термин "латентная криминалистика" был изобретен рецензентами работы В.И. Левонца "Криминалистическая методология преодоления латентных ошибок". Правда, из дальнейшего изложения рецензии, опубликованной в конце книги Левонца, становится ясно, что за громкими словами о латентной криминалистике и латентных формах криминалистической деятельности стоят прозаические следственные ошибки, которым и посвящена книга Левонца¹.

В заключение разговора о языке криминалистики не могу не остановиться на одном казусе, приобретающем подчас комические формы.

В 1972 г. А.В. Дулов выдвинул продуктивную идею использования в расследовании тактических операций. По его мысли, тактическая операция — это комплекс однородных или разнородных следственных и иных действий и мероприятий, объединенных единым замыслом для решения конкретной задачи следствия. Идея эта, как известно, привлекла внимание многих ученых-криминалистов, и в последующие годы появилось зна-

¹ См: Нововведения латентной криминалистики (от рецензентов) // *Левонец В. И.* Криминалистическая методология преодоления латентных ошибок. Гродно, 1994. С. 100—105.

чительное число публикаций по проблематике тактических операций.

В 1979 г. я предложил для этого комплекса иное название — тактическая комбинация. С моей точки зрения, термин "комбинация" точнее выражает существо этого понятия, поскольку, помимо прочего, подразумевает и хитрость. Но отличие моей концепции заключалось не только в этом. Я пришел к выводу, что "следственные хитрости" и "психологические ловушки" суть не что иное, как комбинации, но не действии, а тактических приемов в рамках отдельного следственного действия. Таким путем решалась задача избавления от их одиозных названий, которые и были основной причиной их неприятия рядом ученых, преимущественно процессуалистов. С моей точки зрения, существует два вида тактических комбинаций: простые — комбинации тактических приемов и сложные — комбинации действий и мероприятий.

Как у термина "операция", так и у термина "комбинация" нашлись и сторонники и противники. Но неожиданно возник спор на действительно ровном месте: в чем различие между сложной комбинацией и операцией? Мои неоднократные заверения участников дискуссии о том, что никаких существенных различий между ними не существует, что разница лишь в наименовании, подействовали не на всех. И сейчас время от времени находится неумный автор, который ищет и даже заявляет об обнаружении таких различий. Но самое парадоксальное заключается в том, что даже А.В. Дулов в одной из своих работ нашел такие различия, очевидно, в результате какого-то недоразумения.

За четверть века практическая реализация идеи тактической комбинации (операции) не очень продвинулась. Примерный их набор весьма скуден, да и содержатся в нем порой вовсе не комбинации, а простые перечни действий, с помощью которых порознь друг от друга может быть решена одна и та же задача. И хотя это не очень вписывается в проблематику настоящей главы, но свидетельствует о типичной логической ошибке — подмене тезиса: комбинацией (операцией) называют то, что ею не является.

Несколько примеров.

В работах А.В. Дулова, В.И. Шиканова, В.А. Образцова и многих других авторов называется такая тактическая операция, как атрибуция трупа, т.е. установление личности умершего. Средствами решения этой задачи, объединенными под названием операции, служат:

- обнаружение на трупе документов, свидетельствующих о личности умершего, и их изучение;
- предъявление трупа для опознания;
- проверка по заявлениям о безвестном отсутствии лиц;
- проверка по учету без вести пропавших лиц с последующим сопоставлением признаков пропавшего лица с признаками трупа;
- проверка по дактилоскопическому учету;
- портретно-криминалистическая экспертиза с использованием фотоизображений, рентгеновских снимков, костных останков и т.п.;
- судебно-медицинская (стоматологическая) экспертиза;
- генотипическая экспертиза и др.

Все эти действия якобы составляют комплекс, преследующий единую цель, что и дает основания именовать его тактической операцией. На самом же деле здесь нет никакого комплекса, а есть перечень действий по установлению личности умершего: при успешном проведении любого из них отпадает необходимость в последующих. Это не комбинация (операция), самым существенным признаком которой служит достижение цели путем проведения *неразрывно* связанных составляющих. Иными словами, цель достигается лишь при производстве всех входящих в комбинацию действий, а не какого-либо из них. Составляющие комплекса необходимо связаны друг с другом.

В других работах называют такие тактические операции, как контрольная закупка, обезвреживание взрывотехнических объектов, снятие остатков и др.¹ Здесь, по мнению авторов, комплексировются действия

См., напр.: Криминалистика / Под ред В. А. Образцова. М, 1997
С. 84—87

по подготовке и осуществлению планируемого мероприятия. Но и это отнюдь не тактические операции.

Подготовка к проведению следственного действия или оперативно-розыскного мероприятия, как правило, есть часть или элемент его тактики. Составляющие ее организационно-технические меры тактическими не являются. При ином понимании любой допрос, любое предъявление для опознания и т.п. превращаются в оперативную или тактическую операцию.

Разумеется, названные действия могут стать и элементом тактической операции, когда они проводятся не сами по себе, а тактически связаны с другими действиями или оперативными мероприятиями. Контрольная закупка в этом случае станет одним из элементов операции по взятию преступника с поличным, и сама эта операция будет носить иное название.

Резюмируя сказанное, следует сделать вывод, что одиночное действие не может образовать операцию, операция — всегда комплекс, жестко и неразрывно связанный комплекс действий, мероприятий и средств их реализации. Нельзя смешивать операцию и с чисто техническими мерами, например по обезвреживанию взрывных устройств, с отдельными поисковыми мероприятиями, тактическими приемами, скажем, с использованием фактора внезапности.

Глава IV. Нравственные начала деятельности следователя

1. Мораль и этическая теория.

Проблема профессиональной этики следователя

Синтетическая природа современной криминалистики обуславливает ее неразрывные связи со многими областями научного знания, чьи данные используются криминалистикой для выполнения своей служебной функции — разработки средств, приемов и рекомендаций по выявлению, раскрытию, расследованию и пресечению преступлений. Область связи криминалистики с одной из таких смежных наук — этикой, этической теорией — это, главным образом, проблемы допустимости использования в практике борьбы с преступностью криминалистических рекомендаций, условий и форм их реализации. Именно в данной области возникают проблемы, которые можно, с известной степенью условности, назвать этическими проблемами криминалистики, хотя в ряде случаев они являются этическими проблемами не только и, может быть, не столько криминалистической науки, сколько уголовного судопроизводства — особой разновидности общественной человеческой деятельности.

Этика как одна из философских наук — наука о морали, нравственности — выражает и опосредует определенные общественные отношения, связи людей. Являясь социальным институтом, выполняющим функцию регулирования поведения человека, формой общественного сознания, совокупностью принципов, правил,

норм, которыми люди руководствуются в своем поведении¹, мораль служит необходимым критерием допустимости применения криминалистических рекомендаций в практике. Требование законности средств и приемов судебного исследования и предотвращения криминала дополняется требованием их нравственности, соответствия принципам общественной морали. Эти требования не могут противоречить друг другу, как не могут противоречить принципы законности и целесообразности. Целесообразным в криминалистике признается лишь то, что законно, а законное всегда должно быть нравственным, моральным. Возможность различных (в рамках закона) вариантов действий, поведения следователя, оперативного работника, судьи обосновывается криминалистикой как выбор нравственно допустимого варианта.

Моральные нормы, которым должны соответствовать криминалистические приемы, средства, рекомендации, имеют и общий, и специальный характер, отражающий содержание и условия уголовного судопроизводства. Такие общие моральные требования, как справедливость, уважение и охрана чести и достоинства личности, неприкосновенность жизни, здоровья и имущества гражданина, невмешательство в его частную жизнь и другие, как принято говорить, общечеловеческие ценности, составляют содержание общей этики, относящейся ко всем сферам человеческой деятельности. Но можно ли считать круг этих требований исчерпывающим, когда речь заходит о такой специфической области деятельности, как судопроизводство? Иными словами, существует ли специфическая судебная этика? Есть ли основания говорить об особенностях нравственных основ деятельности следователя, оперативно-сотрудника органов внутренних дел, судьи? Имеет ли практический смысл научная разработка этих нравственных основ?

По данным Т.Н. Москальковой, почти 60% опрошенных ею работников правоохранительных органов и судей считают, что вопросы совершенствования нрав-

ственных основ расследования преступлений в наши дни очень существенны. "В качестве наиболее важных факторов, актуализирующих проблему соблюдения нравственных требований в ходе расследования, были названы: повышенное внимание общества к правам и свободам человека и гражданина (более 28% всех ответов); необходимость построения демократического правового государства (около 18%); повышенное общественное внимание к проблеме этики уголовного процесса (17%); значительные масштабы нарушений нравственных требований должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование (свыше 13%); рост социальной нетерпимости к нарушениям нравственных норм в этой области со стороны государства и граждан (12%); вступление России в Совет Европы (10%)". Действующее уголовно-процессуальное законодательство 45% респондентов оценивают лишь как частично соответствующее требованиям нравственности, а почти 17% — скорее как не соответствующее. "Поэтому, — заключает автор, — качественное обновление уголовно-процессуального законодательства, его приведение в соответствие с реалиями жизни, в том числе в нравственном отношении, — одна из основных задач судебно-правовой реформы"².

Вопрос о существовании судебной этики — специальной отрасли этической науки, изучающей нормы поведения участников уголовного судопроизводства, — юридическая литература в целом решает положительно. Однако само содержание судебной этики понимается неодинаково.

По мнению одной группы ученых, судебная этика есть частное проявление общей морали, осуществление общеобязательных принципов и норм в специфических условиях следственной и судебной деятельности. Так, М.С. Строгович полагал, что "судебная этика изучает применение общих норм нравственности в специфических условиях судебной и следственной деятель-

¹ Москалькова Т. Н. Нравственные основы уголовного процесса (стадия предварительного расследования) /Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1997. С. 4—5.

² Там же. С. 4.

ности, а вовсе не создает каких-либо особых нравственных норм для судей, прокуроров, следователей, адвокатов"¹, что нет таких норм для юристов, как нет их и для любой другой профессии².

По мнению других, специфические нормы профессиональной морали существуют, но представляют собой лишь результат применения общих нравственных принципов с учетом особенностей профессиональной деятельности: "В любой профессиональной морали не может быть каких-то своих особых нравственных норм, которые не вытекали бы из общих нравственных принципов"³.

Наконец, еще одна группа ученых считает, что судебная этика включает не только общие, но и специфические нравственные начала, присущие деятельности следователя, судьи, адвоката, дополняющие общие моральные принципы, а в некоторых случаях и ограничивающие их⁴.

Эта позиция представляется наиболее правильной. Именно в судебной этике как разновидности этики профессиональной реализуются сложные нормы морали, которые в отличие от простых нравственных правил моделируют "не отдельные действия, а образ поведения, тип поступка, жизненный принцип"⁵.

Представляется, что профессиональная мораль, включая все общие нравственные принципы, обогащает их специфическими моральными нормами, которыми руководствуются лишь представители данной профессии. Профессиональная мораль выступает в качестве комплекса нравственных правил, более обязывающих, более детальных, чем общие нравственные принципы. Именно поэтому криминалистика и теория

¹ *Строгович М. С.* Судебная этика, ее предмет и сущность // Сов государство и право 1971. № 12 С 21

² См. ' Проблемы судебной этики М, 1974 С 15

³ *Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П.* Судебная этика Воронеж, 1973 С 13—14. Аналогичных взглядов придерживался и Ю. Кореневский (рецензия на кн Г. Ф. Горского, Л. Д. Кокорева и Д. П. Котова // Соц законность 1974. № 10 С 91

⁴ См *Ратинов А., Зархин Ю.* Следственная этика // Соц. законность, 1970 № 10. С 35

⁵ Мораль и этическая теория. М., 1974. С. 79

оперативно-розыскной деятельности, разрабатывая свои рекомендации практике борьбы с преступностью, должны обеспечить их соответствие не только общим нравственным принципам, но и требованиям профессиональных моральных норм, отражающих нравственный аспект как судопроизводства, так и оперативно-розыскной деятельности. Это обязывает учитывать условия деятельности конкретного адресата их рекомендаций. Так возникает основание для разработки специальных тактических рекомендаций, относящихся к области судебного следствия, в отличие от рекомендаций, предназначенных для следователя.

Только сочетание общих нравственных принципов социума с нормами профессиональной судебной этики позволяет говорить о нравственных началах раскрытия и расследования преступлений. В их основе лежат такие нравственные ценности, как справедливость, честь и достоинство личности, ее неприкосновенность, охватывающая и частную жизнь, имущество, личную и семейную тайну.

Т.Н. Москалькова справедливо указывает, что основой следственной деятельности служит категория справедливости, которую она определяет как "моральное сознание соразмерности между деянием и воздаянием, правами и обязанностями, вкладом и получением, целью и средствами ее достижения"¹. Представление о справедливости не может формироваться политическими установками, зависеть от политической конъюнктуры. Нельзя считать, что в основе принципиального единства общих и профессиональных нравственных норм лежит их "общность социально-экономических и политических предпосылок", что для нас "нравственность подчинена... интересам классовой борьбы пролетариата"²; именно так полагала П.С. Элькинд, считавшая, что "формирование... особых нравственных правил поведения следователей, судей, прокуроров, адвокатов может не только оказаться в противоречии с едиными социально-политическими предпосылками

¹ Москалькова Т. Н. Указ. соч. С. 20

² Ленин В. И. Поли, собр соч. Т. 41. С. 309

формирования нравственных воззрений, но и привести к нарушению этического соответствия средств тем целям, которым они служат, к внедрению в уголовное судопроизводство и оправданию средств, не соответствующих требованиям коммунистической морали"¹.

Применительно к методам и средствам раскрытия и расследования преступлений с позиций профессиональной этики решаются два вопроса:

- 1) допустимости самих методов и средств и
- 2) соответствия моральным нормам их применения в установленном законом порядке.

Первый критерий носит абсолютный характер, определяя возможность их использования; второй относителен по своей природе: применение допустимых методов и средств в определенных ситуациях может расцениваться как аморальное.

Ситуационность применения допустимых средств раскрытия и расследования преступлений в некоторых случаях прямо отмечается законом: достаточно вспомнить норму УПК, требующую, чтобы освидетельствование, сопровождаемое обнажением тела, осуществлялось лицом того же пола, что и освидетельствуемый. В других случаях она выражается в оценке следственной ситуации, когда следователь решает вопрос о возможности, нравственности применения в принципе допустимых средств. Так обстоит дело, например, с осмотром обнаженного трупа в присутствии третьих лиц, с предъявлением трупа для опознания, когда его обнажение не диктуется необходимостью, с задержанием подозреваемого на глазах его несовершеннолетних детей и т.п. Пренебрегая в подобных случаях моральными требованиями, следователь не нарушает закон, но может причинить моральный вред участвующим в деле лицам.

Принципиально иное положение возникает, когда под сомнение берется законность средств или рекомендаций. И это естественно: если средство или рекомендация незаконны, об их нравственности говорить не

¹ Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 64.

приходится. Следовательно, решение вопроса об их соответствии требованиям морали коренится в доказательстве правомерности или неправомерности данного средства (приема), его законности.

2. Нравственные основы воздействия следователя на участвующих в деле лиц

В процессе раскрытия и расследования преступлений следователь, оперативный сотрудник вступают в различные отношения с участвующими в деле лицами. Эти отношения могут носить бесконфликтный или конфликтный характер, относиться к моральным или правовым сторонам процесса доказывания или к тем и другим одновременно. Любое подобное отношение связано с воздействием следователя, оперативного сотрудника на иных лиц и с воздействием последних на субъект раскрытия и расследования преступления. В основе любого воздействия одного человека на другого лежит процесс передачи информации, осуществляемый для достижения определенных целей "путем использования различных методов и средств с целью вызвать необходимую реакцию со стороны лица, на которое оказывается воздействие, и тем самым обусловить желательную позицию и поведение этого лица в нужном направлении"¹.

Н.П. Хайдуков называет ряд функций, которые выполняет процесс воздействия:

1. Функция информационной связи, или информационного контакта. Любое воздействие предполагает передачу (обмен) некоей информации, одинаково необходимой как субъекту воздействия, так и реципиенту, что позволяет им вступить в информационный контакт, без которого невозможно любое воздействие.

2. Функция эмоционального, психологического контакта. Информационная связь пробуждает заинтересованность в самой информации или в лице, от которого она поступает. Заинтересованность — первый элемент

¹ Хайдуков Н. П. Тактико-психологические основы воздействия следователя на участвующих в деле лиц. Саратов, 1984 С. 13.

Криминалистика проблемы сегодняшнего дня психологического контакта. Это эмоционально окрашенная направленность личности, связанная со стремлением познать, насколько значима информационная связь для другого индивида, выяснить причины и цели заинтересованности, осознать ее как взаимную или одностороннюю, уяснить, в какой мере может быть полезен другой индивид для достижения намеченной цели.

3. Функция взаимопонимания. Взаимопонимание в интересующем нас аспекте — это понимание индивидуальных особенностей и даже угадывание мотивов поведения друг друга, отношения к себе другого лица.

4 Регулирующая функция, связанная с изменением у реципиента образа мыслей, мнений, позиций, установок, мотивов и одновременно с формированием на этой основе нужных взглядов, отношений и поступков. "Воздействующий должен ясно представлять цель, предварительно изучив объект воздействия; знать соответствующие приемы и средства воздействия и умело пользоваться ими, хорошо представлять правовые и моральные критерии их использования в той или иной конкретной деятельности"¹.

В процессе раскрытия и расследования преступлений воздействие может быть физическим и психическим.

Нравственность физического воздействия определяется, во-первых, его безусловной правомерностью и, во-вторых, ситуационной допустимостью (безопасность принудительных мер для окружающих, минимизация физического и морального вреда для принуждаемого и пр.) Допустимость физического воздействия означает бесспорное соответствие действий субъекта принуждения требованиям закона. Особенно бескомпромиссным это требование становится, когда применяется такое крайнее средство воздействия, как оружие.

В отличие от физического психическое воздействие направлено на сознание, волю, эмоции человека с целью побудить его изменить поведение, совершить те или иные действия, передать ту или иную

информацию Оно оказывается путем убеждения и путем принуждения. Убеждение, если оно осуществляется правомерными и нравственно допустимыми средствами, может привести к согласию, к достижению целей расследования, даже если ограничиваются права и свобода выбора поведения лица и это противоречит его интересам.

В литературе в качестве средства убеждения обычно фигурирует лишь разъяснение следователем реципиенту неправильности, ошибочности, невыгодности для него занятой позиции и призыв ее изменить. Между тем арсенал средств убеждения в действительности этим не ограничивается. Представляется, что именно целям убеждения могут служить такие тактические приемы, которые в одной ситуации могут играть роль средства принуждения или во всяком случае могут толковаться двояко и как средства убеждения, и как средства принуждения. Так, демонстрация обвиняемому явно противоречащих его интересам показаний соучастников убеждает его изменить занятую позицию. Этим же целям может служить предъявление уличающих доказательств или анализ явных противоречий в показаниях, данных в разное время, и т.п. В сущности, в подобных случаях, принуждая обвиняемого осознать, оценить изобличающий характер передаваемой ему информации, следователь тем самым *убеждает* его в необходимости изменить занятую позицию.

Об убеждении, его способах и средствах в процессуальном законе ничего не говорится. О принуждении говорится очень скупо и лишь в негативной форме: запрещаются такие формы принуждения, как насилие, угрозы и "иные незаконные меры" (ст. 20 УПК). И хотя речь идет о получении показаний обвиняемого и других участвующих в деле лиц, но этот перечень запрещенных мер принуждения и в литературе, и на практике относят ко всем способам получения доказательств, ко всем следственным действиям. Однако внимательный анализ данного положения закона позволяет обнаружить его двусмысленность и неточность

Во-первых, насилие может быть не только противоправным, но и правомерным Ранее уже указыва-

Криминалистика, проблемы сегодняшнего дня
лось, что и физическое воздействие на человека при определенных условиях и в определенных границах может быть законным, даже в его крайних формах, включающих реальную опасность для жизни лица, подвергающегося насилию.

Во-вторых, угроза есть форма насилия — психического, поэтому ее можно было специально не упоминать в законе наряду с насилием.

В-третьих, и угроза может быть правомерной, даже специально предусмотренной законом. Подобной угрозой, причем весьма реальной и достаточно серьезной, служит обязательное предупреждение при допросе свидетеля и потерпевшего об уголовной ответственности за дачу ложных показаний и за отказ от дачи показаний.

Упоминание в законе об "иных незаконных мерах" никак не раскрывается и не комментируется. Это и послужило причиной многочисленных дискуссий и разногласий по поводу допустимости ряда тактических приемов психического воздействия.

По мнению Н.П. Хайдукова, "психическое воздействие оказывается: а) в форме насилия, если оно противоречит воле и желанию данного лица и направлено на ограничение его прав, свободы выбора поведения, самостоятельности в принятии решений в той или иной жизненной ситуации; б) в форме согласия, если оно не противоречит интересам государства и общества, воле и потребностям человека, на которого оно оказывается, даже если ограничиваются права и свобода выбора поведения данного лица; в) в допустимо правомерной форме, когда оно не согласуется с волей и потребностями объекта воздействия, но не ограничивает его прав, свободы выбора поведения и не противоречит законности и нравственным принципам общества. Эта форма чаще всего находит применение в воспитательной, учебной, организаторской, следственно-судебной и некоторых других видах деятельности"¹.

Эта классификация форм психического воздействия страдает тем же недостатком, что и приведенная формула закона, поскольку в ее основе лежит пред-

¹ Хайдуков Н. П. Указ. соч. С. ,17.

ставление о неправомерности любого психического насилия. Следовало бы в п. "а" говорить о неправомерном насилии, в п. "б" — об убеждении как способе достижения согласия, а в п. "в" снять оговорку о том, что воздействие в этой форме не ограничивает прав и свободы субъекта. Таким образом, формами психического принуждения нужно считать: а) неправомерное насилие; б) согласие, достигаемое путем убеждения; в) правомерное воздействие, не согласующееся с волей и потребностями объекта воздействия и влекущее ограничение его прав, свободы выбора поведения, но согласуемое с нравственными принципами общества.

К числу недопустимых средств психического воздействия и с правовой, и с нравственной точек зрения следует отнести неправомерные угрозы, например, угрозу изменить меру пресечения на более строгую, когда это не вызывается необходимостью или вообще недопустимо, шантаж, принуждение к самооговору, к даче ложных показаний, ложному доносу. В этой связи возникает весьма важный для следственной и оперативно-розыскной практики вопрос о допустимости такого средства психического воздействия, как обман.

За очень редкими исключениями вопрос о допустимости обмана при расследовании преступлений либо обходится молчанием, либо решается категорически отрицательно. А. Ратинов и Ю. Зархин, пионеры в области разработки проблем следственной этики, писали: "Безусловно недопустимы любое насилие, игра на низменных свойствах и страстях, использование невежества и предрассудков, ложь, обман и т. п. Даже временный успех таких средств весьма сомнителен. Если же учесть необходимость воспитательного воздействия следователя, то совершенно ясно, что приемы такого рода резко не соответствуют этическим требованиям и задачам уголовного судопроизводства. Следовать иезуитскому правилу "цель оправдывает средства" — значит забывать, что применением недостойных средств можно испоганить и извратить любую благородную цель"¹.

¹ Ратинов А., Зархин Ю. Следственная этика // Соц. законность. 1970 № 10. С 39

Противники использования обмана при расследовании идут еще дальше, квалифицируя как обман многие тактические приемы, имеющие целью, не прибегая к лжи, создать у подследственного ситуацию, способствующую — при полной свободе выбора линии поведения — самообману. Так, по поводу одной из тактических комбинаций, призванной сформировать у подследственного ошибочное представление об объеме имеющегося у следователя доказательственного материала, М.С. Строгович писал: "Нет никаких сомнений в том, что умышленное, намеренное "формирование ошибочного представления" у кого-либо есть обман этого лица, сообщение ему ложных сведений, а не что-либо иное. Но солгать можно прямо, словами, а можно это сделать более сложным способом — таким образом, что слова и предложения сами по себе ложными не являются, но они так построены и даны в таком "контексте, сказаны таким тоном и с такой мимикой, что тот, кому они высказаны, ложь примет за правду, а правду — за ложь. А это есть обман, ложь, которая от того, что она подана в особо хитроумной форме, не делается допустимей; наоборот, она приобретает особо нетерпимый, незаконный и аморальный характер"¹.

Если следовать подобным рассуждениям, то обман можно усмотреть чуть ли не в каждом тактическом приеме, не говоря уже о тактических комбинациях, которые в литературе именовались не самыми удачными терминами: "следственные хитрости", "психологические ловушки" и о которых речь впереди.

Правового решения вопроса о допустимости обмана при расследовании преступлений не существует, поскольку слово "обман" не упоминается среди незаконных средств воздействия, названных в УПК. В этом плане можно двояко толковать упоминание в законе "иных незаконных мер": либо относя к их числу и обман (как это обычно делается в литературе); либо — по известным основаниям — не относить обман к этим мерам. Попытка прибегнуть к распространенному сей-

час в правовом обиходе выражению "разрешено всё, что не запрещено законом" не решает вопроса, поскольку в уголовном судопроизводстве следует придерживаться иного правила: "разрешено всё, что разрешено законом или ему не противоречит". Становится ясным, что вопрос следует перенести из правовой области в нравственную и именно здесь искать его решение.

Поскольку профессиональной считается этика определенной социальной группы — медиков, военных, спортсменов, ученых, наконец, юристов, в том числе следователей, — постольку задача заключается в том, чтобы выяснить, считают ли именно профессионалы-следователи обман аморальным, прибегают ли они к нему на практике.

Опрос 210 следователей органов прокуратуры и внутренних дел свидетельствует, что 75% респондентов считают обман допустимым, хотя и прибегают к нему редко или вообще не прибегают; 10% считают обман аморальным и недопустимым в следственной практике, указывая в то же время, что рекомендуемые в литературе "хитрости" и "ловушки" они не считают основанными на обмане; 15% респондентов в той или иной форме уклонились от прямого ответа. К этому необходимо добавить, что некоторые из тех следователей, которые отрицают правомерность обмана, в личной беседе приводили подчас такие примеры, которые свидетельствовали об их нечетком представлении обмана или слишком узком толковании этого понятия. Результаты опроса показывают, таким образом, что общая моральная норма "обман недопустим, он безнравствен" фактически превращается в свою противоположность, становясь отражением группового общественного мнения профессионалов, т.е. нормой профессиональной следственной этики.

С позиций профессиональной военной этики не только признается, но и всячески поощряется обман противника; медицинской деонтологией считается правомерным, нравственным обман смертельно больного пациента относительно перспектив его выздоровления; на обмане ожиданий противника, по существу, строится вся теория рефлексивного управления, рефлекс-

сивных игр; не считается аморальным самообман субъекта и т.п. Наконец, пора открыто признать, что и государство признает допустимость обмана в правоохранительной сфере: оно узаконило оперативно-розыскную деятельность, во многом основывающуюся на дезинформации, обмане как средстве выявления и раскрытия преступлений. Обман противостоящего оперативному сотруднику лица не считается аморальным; не прибегая к обману, невозможно внедриться в преступную группировку, взять с поличным взяточника, вымогателя и т.п. Стыдливая маскировка слова "обман" специальным термином "легендирование" существа дела не меняет.

Но если в одной и той же сфере борьбы с преступностью обман и допустим, и недопустим, то не свидетельствует ли сложившееся положение о том, что существует двойная мораль у "борцов с преступностью"?

Попытки оправдать существующую ситуацию тем, что следственная деятельность осуществляется открыто, гласно (поэтому обман в ней недопустим), а оперативно-розыскная — тайно (а значит, противостоящее оперативному сотруднику лицо об обмане не узнает) и что "в силу этого категории нравственности здесь получают иную, обусловленную названными обстоятельствами, интерпретацию"¹, не выдерживают критики. Нужно либо признать, что в правоохранительной деятельности обман допустим, либо его запретить; принципиальное решение этого вопроса может быть только однозначным. Другое дело, что, допуская возможность обмана, можно его определенным образом ограничить, указать, на чем он никогда не может основываться, какие средства обмана будут признаваться безусловно недопустимыми, абсолютно безнравственными.

Что же может убедить групповое общественное мнение профессионалов в допустимости обмана для установления истины в процессе расследования? Очевидно, сопоставление моральных выигрыша и проигрыша при обмане, поскольку, повторяем, говорить о нарушении закона не приходится за его отсутствием.

В.А. Бабич подошел к решению рассматриваемого вопроса со своеобразных позиций. Все тактические средства воздействия следователя на противодействующих ему лиц он разделил на три класса: убеждение, принуждение, хитрость. К классу "убеждение" им отнесены "тактические средства, направленные на формирование у лиц, противостоящих следователю, добровольного отказа от противодействия". В класс "принуждение ... входят тактические средства открытого воздействия на волю лиц, противостоящих следователю"¹. Выбор конкретного тактического средства зависит от складывающейся следственной ситуации, определяющей свободу этого выбора следователем. В зависимости от характера противодействия в одних ситуациях следователь может применять разнообразные средства, в других — его выбор ограничен, но еще существует, в третьих — это может быть единственно допустимый вариант действий. Возможность выбора — вот тот нравственный критерий, с позиций которого следует оценивать допустимость тактического средства. Этот критерий в представлении В.А. Бабича выглядит следующим образом:

"1. При выборе тактических средств следователь должен принимать все зависящие от него меры для того, чтобы средства приводили к достижению целей предварительного следствия.

2. Он должен в равной мере принимать все зависящие от него меры для обнаружения у средств побочных свойств, могущих причинить вред общественным интересам и интересам различных лиц. При их обнаружении он должен принимать необходимые меры для предотвращения вреда... В тех ситуациях, в которых у следователя существует возможность использования единственного тактического средства, применение которого неизбежно приводит к побочным неблагоприятным последствиям, в качестве дополнительного этического критерия должен применяться принцип "меньшего

¹ Бабич В. А. Проблема тактической допустимости тактических средств при расследовании преступлений / Автореф. дисс ... канд. юрид. наук. Минск, 1980. С. 15.

зла". В соответствии с ним следователь должен сопоставить вред, который может наступить от применения этого средства и от отказа в его применении... Вопрос об этической допустимости убеждения, принуждения, хитрости не может решаться лишь абстрактно-теоретически. Этическая оценка конкретного факта использования убеждения, принуждения, хитрости должна даваться с учетом всех конкретных обстоятельств оцениваемой следственной ситуации на основе системы критериев этической допустимости тактических средств"¹. Иными словами, и убеждение, и принуждение, и хитрость, т.е. попросту обман, могут быть и моральными, и аморальными в зависимости от следственной ситуации.

Руководствуются ли в реальной жизни следователи этими и подобными критериями, прибегая к обману или иным средствам воздействия? Анализ практики свидетельствует, что часто они не задумываются о нравственности тех средств, которые используют. Подтверждением служат данные, приведенные В.Ю. Шепитько по результатам анкетирования следователей прокуратуры и МВД Украины: 54% опрошенных в своей деятельности применяют методы незаконного воздействия. Из них физическое насилие используют 3,7%; угрозы — 14,7%, обман — 29,8%; введение в заблуждение относительно наличия доказательственной информации — 92,6%; культурную отсталость и религиозные предрассудки — 22,2%; безнравственные побуждения — 5,5%². Если, называя вещи своими именами, признать, что "введение в заблуждение" — не что иное, как обман, а использовать культурную отсталость и религиозные предрассудки целесообразно именно для обмана под видом "разъяснения" верующим кар небесных за их "неверное" поведение, то следует без всякого преувеличения признать, что обман противостоящих следователю лиц — отнюдь не редкость, а распространенное средство решения задач расследования. Все это заставляет лишний раз задуматься: не пора ли отка-

¹ Бабич В. А. Указ соч. С 19—21.

² Шепитько В. Ю. Теоретические проблемы систематизации тактических приемов в криминалистике Харьков, 1995. С 54.

заться, наконец, от абстрактно-лицемерного утверждения о том, что всякий обман, к которому прибегает следователь или оперативный сотрудник, — аморален?

3. Может ли обман быть нравственным?

Для решения этого вопроса необходимо прежде всего выяснить, в каких условиях возникает намерение прибегнуть к обману.

Известно, что ситуация, в которой осуществляется расследование, может носить бесконфликтный характер (ситуация согласия), но может быть и конфликтной. В основе каждого преступления лежит конфликт правонарушителя с законом, с интересами людей, общества, государства. Восстановление нарушенного права начинается с раскрытия и расследования преступления, в ходе которых конфликт с законом обретает форму конфликта со следователем — лицом, призванным установить истину. Так возникает конфликтная следственная ситуация, в которой противодействие следователю в установлении истины и его меры по преодолению этого противодействия и достижению целей следствия являются доминирующими факторами. Реальность подобных ситуаций, их обыденность и распространенность обусловили развитие тех приемов и рекомендаций криминалистической тактики, которые вооружают следователя для действий в обстановке конфликта, помогают разрешить его в соответствии с законом и нравственными требованиями.

Возможность возникновения конфликтов, выражающихся в противоборстве при установлении истины, обычно не вызывает сомнений ни у процессуалистов, ни у криминалистов. Так, В.Л. Васильев писал: "Для следственной деятельности характерно преодоление сопротивления со стороны не заинтересованных в успешном расследовании дела лиц. Пожалуй, нет другого вида человеческой деятельности, успешному окончанию которой так активно противоборствовали бы заинтересованные люди и группы лиц". С.А. Голунский еще

в 1942 г. говорил: "Если обвиняемый действительно виновен и пытается скрыть свою виновность, то между ним и следователем неизбежно завязывается своего рода борьба"¹. Авторы работ по судебной этике единогласно признают, что деятельность следователя "протекает, как правило, в конфликтных ситуациях, носит характер борьбы"², что преодоление противодействия лиц, заинтересованных в сокрытии истины, "порождает порой острые конфликтные ситуации, требующие от следователя немалой нравственной стойкости"³. Разумеется, понятия борьбы, соперничества, конфликта в практике расследования достаточно условны, заимствованы криминалистикой и практикой из психологии, теории игр, обыденной жизни.

Под конфликтом принято понимать столкновение сторон, сил, мнений. В психологии — это столкновение противонаправленных, несовместимых тенденций в сознании индивида, в межличностных взаимодействиях индивидов или групп людей, связанное с острыми отрицательными эмоциональными переживаниями. Выделяются следующие виды конфликтов:

1) внутриличностный конфликт — столкновение примерно равных по силе, но противоположно направленных мотивов, потребностей, интересов и т.п. у одного и того же человека;

2) межличностный конфликт — ситуация взаимодействия людей, при которой они либо преследуют несовместимые цели, либо придерживаются несовместимых ценностей и норм, пытаясь реализовать их во взаимоотношениях друг с другом, либо одновременно в острой конкурентной борьбе стремятся к достижению одной и той же цели, которая может быть достигнута лишь одной из конфликтующих сторон;

3) межгрупповой конфликт, где в качестве конфликтующих сторон выступают социальные группы, преследующие несовместимые цели и своими практическими действиями препятствующие друг другу⁴.

¹ Голунский С. А. Допрос на предварительном следствии. Ашхабад, 1942. С. 81.

² Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Указ. соч. С. 99.

³ Проблемы судебной этики. М., 1974. С. 154.

⁴ См.: Краткий психологический словарь. М., 1985. С. 195.

Для следственной практики наиболее характерен межличностный конфликт, в криминальной практике — конфликт в виде острой конкурентной борьбы; следователь же может переживать состояние внутриличностного конфликта.

Установление истины в условиях конфликтной ситуации всегда лежит на пути разрешения конфликта. В досудебной стадии оно, как правило, выражается либо в установлении следователем невиновности лица, либо в признании последним своей вины. Если дело человека, не признающего себя виновным, но, по мнению следователя, уличенного в совершении преступления, передается в суд, конфликт остается неразрешенным, он переносится в стадию судебного разбирательства.

Конфликт на предварительном следствии может быть разрешен лишь правомерными средствами, не вызывающими в данной следственной ситуации сомнений в их нравственности. Абстрактная формула "средство может быть только нравственным или только безнравственным — всегда и везде" коренится в разрыве теоретического и практического отношения к морали как объекту этической науки, где такой разрыв приводит "к двум традиционным болезням: к старческому бессилию формализма, пытающегося с помощью спекулятивного выведения категорий, игнорируя данные о реальном нравственном поведении людей, решить все этические проблемы, и к сентиментальному, проповедническому морализированию (курсив мой. — Р-Б.), которое, обращаясь к нравственным нормам, не может предложить ничего, кроме их проповеди, без скольконибудь серьезного, научного их обоснования, без понимания объективно происходящих нравственных процессов, их внутренних противоречий"¹. Думается, что применительно к допустимости обмана мы как раз и сталкиваемся с подобным "проповедническим морализированием".

Как свидетельствуют приведенные социологические данные, господствующая в профессиональной следственной этике концепция аморальности обмана лишь

ПО

Криминалистика проблемы сегодняшнего дня на словах признается практическими работниками, повсеместно прибегающими к его использованию. Однако возникающее противоречие между официальным осуждением обмана и конкретной потребностью прибегнуть к нему в интересах установления истины по делу порождает у следователя внутриличностный конфликт, конфликт между считающимся должным и реально сущным.

Выдающийся отечественный психолог А.Р. Лурия предложил классификацию внутриличностных конфликтов, включающих три основных типа: 1) конфликт "приближение — приближение" — состояние человека, при котором ему приходится выбирать одну из двух в равной степени привлекательных альтернатив; 2) конфликт "приближение — удаление", когда одна и та же цель для выбирающего ее индивида является в одинаковой степени и привлекательной, и непривлекательной, вызывает как положительные, так и отрицательные эмоции (такой конфликт иногда именуют амбивалентным); 3) конфликт "удаление — удаление", когда индивид вынужден выбирать одну из двух в равной степени непривлекательных альтернатив¹. Для рассматриваемого нами случая наиболее характерен внутриличностный конфликт третьего типа: перед следователем возникает альтернатива: прибегнуть в допустимых пределах к обману противостоящего ему лица или "провалить" дело. В сознании следователя возникает противоречие между отдельными ценностями, его ценностная ориентация подвергается испытанию.

О путях разрешения подобного внутриличностного конфликта пишет Н.П. Хайдуков: "Если в процессуально-тактической ситуации возникло противоречие между отдельными ценностями и сохранить их обе при достижении общественно значимой цели не представляется возможным, то целесообразным и морально оправданным будет такое тактическое решение, которое направлено на сохранение наиболее значимой в данной ситуации ценности, подобно тому, как при крайней необходимости (ст. 14 УК) законным является действие,

которым причинен вред меньшему благу в целях предотвращения вреда большему. При этом следователь должен осознавать, что: а) в процессуально-тактической ситуации ценности противоречивы; б) вмешательство в ситуацию всегда становится объективно вынужденным, ибо невмешательство по принципу "лучше ничего не делать, чем делать вредное" есть зло, причиняющее вред более высокой ценности; в) вмешательство порождает одновременно и зло, и добро, т.е. результат всегда носит противоречивый характер, но зло всегда должно быть меньшим по отношению к добру; г) результат оказывает положительное влияние на успешное выполнение задач уголовно-процессуальной деятельности"¹.

Уклонение от вмешательства в ситуацию, от выбора средства, способного решить стоящие перед расследованием задачи, он справедливо квалифицирует как аморальность, спасающую абстрактную "нравственную чистоту" следователя, но порождающую еще большее зло, чем оно могло быть вызвано правильным вмешательством. Еще более категоричен В.И. Бакштановский: "Нравственно и целесообразно то средство, которое необходимо и достаточно для достижения нравственной цели, которое в то же время не противоречит более высокой и высшей цели, не изменяет их характер"².

Приведенные рассуждения и данные практики позволяют сделать следующий вывод: при отсутствии в законе однозначного запрещения использовать обман при расследовании преступлений вопрос о его допустимости целиком лежит в области морали.

Отвлечемся от теории "меньшего зла" и поставим вопрос прямо: может ли обман быть нравственным?

По любой моральной шкале, при любом понимании "общечеловеческих ценностей" на этот вопрос следует отрицательный ответ, хотя он и носит абстрактный, отвлеченный от конкретной реалии характер. Но когда эта абстракция "накладывается" на нечто конкретное, она теряет свой императивный характер.

¹ Хайдуков Н. П. Указ соч С 64—65

² Бакштановский В. И. Принципы морального выбора. М., 1974. С 49

Да, обман аморален, но его использование в условиях войны, по отношению к врагу — это даже не "меньшее зло", а залог победы.

Да, обман аморален, но прибегающий к нему врач, успокаивающий с его помощью смертельно больного человека, едва ли может быть за это осужден.

Можно предвидеть возражение, следовательно не имеет дела с врагом, да и в отношении смертельно больного едва ли будет решаться вопрос о привлечении его в качестве обвиняемого. Названные примеры, очевидно, здесь не служат аргументами. Поэтому обратимся к другим.

Знакомиться с чужими письмами аморально. Однако при определенных условиях закон позволяет следователю делать это.

Подслушивать чужие разговоры аморально. Однако в определенных обстоятельствах закон позволяет следователю и это.

Заставлять человека обнажаться в присутствии посторонних аморально, но следователю дозволено и это.

Перечень можно продолжить. Во всех подобных случаях действия следователя законны, но от этого они не становятся нравственными с точки зрения абстрактных норм морали. Отрицательная моральная оценка таких действий не препятствует их совершению, если на шкале ценностей они выступают как "меньшее зло", если их цели безусловно нравственны. Средневековое иезуитское правило "цель оправдывает средства" в конкретном историческом контексте было действительно безнравственно, поскольку служило оправданием аморальных целей, но в аспекте решаемой проблемы может служить определенным ориентиром.

Выбор следователем "меньшего зла" несомненно является результатом нравственного компромисса. Подобные компромиссы допустимы в следственной деятельности, естественно, лишь в объективно вынужденных случаях, "когда другого выхода нет, а результат такого компромисса положительно влияет на достижение целей предварительного следствия. Безусловное отрицание компромиссов в следственной деятельности есть не что иное, как проявление мнимой заботы об

"абсолютной чистоте" применяемых средств борьбы со злом. По существу, это рекомендация не вмешиваться в конфликтную ситуацию и тем самым подчиниться злу, даже вопреки стремлению следователя найти морально оправданный выход из создавшегося положения". Далее автор цитаты Н.П. Хайдуков справедливо подводит итог этим рассуждениям: "Если при выборе «приемов и средств воздействия возникло противоречие между двумя отдельными ценностями и сохранить их обе при достижении процессуально и тактически значимой цели не представляется возможным, то целесообразным и морально оправданным будет нравственный компромисс, т.е. такое тактическое решение, которое направлено на сохранение наиболее значимой в данной ситуации ценности. Следователь вынужден поступать так для достижения конечных главных целей, осознавая при этом, что добро является не абсолютным и "меньшее зло", которое вершится, необходимо и нужно для того, чтобы свести его к минимуму, чтобы оценить роль этого "меньшего зла" и искоренить возможность прибегать к этому средству в будущем ... надо ... разумно бороться за максимум добра и минимум зла"¹

Чем же следует руководствоваться, прибегая к обману как "меньшему злу", в каких случаях он действительно абсолютно недопустим?

Думается, что обман ничем не может быть оправдан, если он основывается:

а) на правовой неосведомленности противостоящего следователю лица, на незнании им своих прав и обязанностей, на его ошибочных представлениях о правовых последствиях своих действий;

б) на заведомо невыполнимых обещаниях этому лицу (нереальных льгот, незаконных послаблений или иных недопустимых выгод, неправомерного изменения меры пресечения на более легкую, неосновательного изменения процессуального статуса и т.п.);

в) на фальсифицированных доказательствах, специально изготовленных свидетельствах "признаний со-

Криминалистика проблемы сегодняшнего дня
участников", фальсифицированных заключениях экспертов и т. п.,

г) на дефектах психики подследственного и иных его болезненных состояниях,

д) на мистико-религиозных предрассудках противостоящего следователю лица.

Представляется, что подобные ограничения носят категорический характер

Обман (с соблюдением перечисленных ограничений) служит одним из средств преодоления противодействия расследованию. Его допущение — более или менее адекватный ответ на распространенность и изощренность противодействий, к которым в последнее время подключаются не только виновные в правонарушении лица, но и их приспешники вплоть до коррумпированных представителей правоохранительных органов. Но условия выбора обмана как тактического средства не могут служить единственным критерием его оправданности. Допустимость обмана, даже тогда, когда он представляется единственным возможным средством преодоления оказываемого следствию противодействия, определяется, помимо названных оснований, безусловной избирательностью и недопущением опасных последствий, к которым он может привести. Такими последствиями могут быть унижение чести и достоинства личности, признание несуществующей вины, самооговор, оговор невиновных или преувеличение вины других лиц, развитие у обвиняемого или связанных с ним лиц низменных побуждений и чувств. Как видно, условия допустимости обмана весьма узки и достаточно жестки, но принципиально его следует признать допустимым.

В заключение несколько слов по поводу еще одного аргумента противников обмана на предварительном следствии. Иногда утверждается, что обман недопустим потому, что влечет нарушение психологического контакта между следователем и противостоящим ему лицом, а это губительно для следствия. Но представление о том, что существует такой психологический контакт, особенно если подследственный — рецидивист или участник сплоченной преступной группировки,

нередко чисто иллюзорно о каком контакте может идти речь при наличии диаметрально противоположных интересов "контактирующих"⁷ Нарушать здесь просто нечего, ибо если до выяснения этой противоположности еще можно было говорить о некоем контакте, то после такого выяснения, когда и возникают основания для использования обмана, никакого контакта в его психологическом смысле не существует, его сменяет противостояние, противоборство.

Условия, в которых сейчас работают следователи, без преувеличения экстремальны К перегрузкам и постоянному дефициту времени необходимо присоединить и оказываемое преступниками изощренное противодействие, их давление на следователей вплоть до угроз физического насилия, широкие возможности воспрепятствовать установлению истины, которыми обладают организованные преступные сообщества В этих условиях недопустимо лишать следователя любого тактического средства борьбы с преступностью только потому, что оно может вызывать сомнения в его абстрактной "моральной чистоте", понятие которой формулируется в безнадежном отрыве от жизни, от реальной следственной практики

Глава V. Теория и практика: извечные проблемы связи

Известно выражение Роберта Кирхгофа: "Нет ничего практичнее хорошей теории". Оно постулирует принцип практической значимости действительно стоящей теории, не той, которая "высосана из пальца" и существует в наукообразной форме лишь в воображении ее творца, помогающего заветной ученой степени, а той, которая, по общему признанию ученых, действительно соответствует потребностям практики, как их понимают ученые, той, которая сулит обнадеживающие результаты при ее масштабном внедрении.

В криминалистике утвердился ситуационный подход к реализации в практике разрабатываемых ею рекомендаций. Многочисленные авторы занимались и занимаются формируемой теорией следственных ситуаций: их типизацией, классификацией, распознаванием и т.п. На этой почве возникла такая частная криминалистическая теория, как криминалистическая ситуалогия, в области которой особенно плодотворно работают Т.С. Волчецкая и Г.А. Зорин. Первая, не определяя криминалистическую ситуалогия, дает о ней представление, раскрывает содержание ее составляющих — предмета, методов, функций и т.п.¹ Второй приводит определение: "Криминалистическая ситуалогия — частная криминалистическая теория. С позиций практической криминалистики, это интегративная методология, обеспечивающая суммируемый гармоничный синтез методов для решения задач, порожаемых криминалистическими ситуациями"².

¹ См.: *Волчецкая Т. С.* Криминалистическая ситуалогия. М., 1997. С. 24—36

² *Зорин Г. А.* Теоретические основы криминалистики Минск, 2000. С. 74.

В мою задачу не входит критический анализ определений криминалистической ситуалогии или ее компонентов, меня интересует прагматическое значение этой теории, то, что Т.С. Волчецкая именует практической функцией криминалистической ситуалогии. Эта функция, по ее мнению, заключается в том, что "основные ее научные положения должны быть эффективно реализованы в практической деятельности. Внедрение ее результатов в следственную, оперативно-розыскную, судебную и экспертную практику, в практику научных исследований и учебно-педагогическую деятельность выступает в качестве предпосылки оптимизации названных видов деятельности"¹. Но реализуется ли данная функция криминалистической ситуалогии или останется лишь благим пожеланием автора, чем-то вроде обязательного "знака качества" теории? На этот вопрос попробую ответить позже.

Г.А. Зорин, очевидно полагая, что практическое использование теории криминалистической ситуалогии не в последнюю очередь зависит от специфики поля ее применения, называет от 45 до 77 видов ситуаций, классифицируемых по разным основаниям². Среди них фигурируют и понятные без комментариев, например, конфликтные и бесконфликтные или благоприятные для целей расследования и неблагоприятные, и весьма экзотические: лабиринтные, ядерные, экспрессивные и т.п. Пожалуй, только коллега Г.А. Зорина по исследуемой проблематике сумеет по достоинству оценить приведенный перечень.

Ситуалогия напрямую связана с теорией криминалистического моделирования. Пик интереса и разработки этой теории приходится в основном на конец 1970-х — начало 80-х гг. Один из пионеров разработки этой теории Г.А. Густов назвал объекты, изучаемые с помощью криминалистического моделирования: событие преступления, орудие, место, время, способ преступления, личность виновного, погибшего, различные явления, процессы, предметы, прямо или косвенно связанные с

¹ Волчецкая Т. С. Указ, соч. С. 32—33.

² См. Зорин Г. Л. Указ. соч. С. 105—113.

совершением преступления¹, т.е. фактически все, что оказывается в сфере расследования. В качестве модели может выступать фактически любой объект: от мундштука или эталона до плана расследования и криминалистической методики — все это объект либо материального либо мысленного моделирования следователя.

Другой пионер криминалистического моделирования, И.М. Лузгин, подошел к указанию его объектов с позиций видов деятельности при раскрытии и расследовании преступлений. Такими объектами при производстве следственных действий служат различные предметы, разрушенные полностью или частично в результате преступной акции или случайных факторов (орудия преступления, средства поджога, взрыва и т.п.); обстановка на месте происшествия, подвергшаяся изменению; различные следы, документы, прижизненный облик потерпевшего, отдельные признаки трупа; признаки внешности отсутствующего подозреваемого, потерпевшего, свидетеля, обвиняемого; криминальные ситуации, явления, связанные с исследуемым событием; те или иные образные представления следователя и их материальное выражение в виде схем, планов, словесных описаний и т.п. В розыскной деятельности объекты моделирования — личность разыскиваемого, его одежда, автомашины, похищенные предметы, способ совершения и сокрытия преступления и др. При экспертном исследовании объектами моделирования являются отдельные предметы, явления, ситуации, связанные с изучаемым событием, прижизненный облик потерпевшего, признаки следов, почерка и т.д.²

И Г.А. Густов, и И.М. Лузгин, и другие авторы работ по криминалистическому моделированию убеждены, что эта теория широко используется на практике. По мнению И.М. Лузгина, метод моделирования может даже обосновать существование не упоминаемого в законе самостоятельного следственного действия — следственной реконструкции³.

¹ См: Густов Г. А. Моделирование в работе следователя Л, 1980 С 12.

² См.. Лузгин И. М Моделирование при расследовании преступлений М, 1981 С 7—12

⁴ Там же С 20—24

В последние годы интерес к криминалистическому моделированию несколько угас; этот метод, пожалуй, "на слуху" лишь у инициаторов криминалистической ситуалогии.

Среди новых криминалистических научных концепций, имеющих все основания именоваться частными криминалистическими теориями, назову еще три. теорию криминалистического прогнозирования, криминалистическое учение о механизме преступления и теорию временных связей и временных отношений в процессе расследования

Наиболее обстоятельным исследованием проблем криминалистического прогнозирования является монография и докторская диссертация Л.Г. Горшенина. Он подразделил задачи криминалистической прогностики (как частной криминалистической теории) на научные и практические, а первые — на общенаучные и частнонаучные. К общенаучным задачам относятся.

- "прогнозирование новых научных проблем;
- прогнозирование перспективных и приоритетных направлений и тенденций в криминалистике;
- прогнозирование сроков решения научных проблем;
- прогнозирование материальных затрат в области научных исследований,
- прогнозирование результатов возможного применения тех или иных научных разработок;
- прогнозирование факторов, способствующих развитию или тормозящих развитие криминалистики и отдельных ее направлений.

Частнонаучные задачи в основном обусловлены предметом этой концепции. К ним можно отнести разработку методов и построение методик прогнозирования развития

- элементов прогнозируемых механизмов преступлений;
- закономерностей собирания, исследования, оценки и использования прогнозируемых доказательств;
- специальных средств и методов судебного исследования и предотвращения преступлений;

- закономерностей процесса разработки криминалистических прогнозов"¹.

Практическая часть теории предполагает прогнозирование действий и поведения участников расследования, других фактов, связанных с доказыванием по конкретным уголовным делам. Эту часть криминалистической прогностики я определяю как эмпирическое предвидение, отличающееся от научного прогноза, но несомненно играющее прогностическую роль в деятельности следователя².

Теория криминалистического прогнозирования получила общее признание научной общественности. Признаны и две другие упомянутые мной теории: механизма преступления и временных связей.

Об отдельных элементах механизма преступления, в первую очередь способа его совершения и сокрытия, в различных аспектах писали многие криминалисты. Интересовались этой проблематикой и специалисты в области материального и процессуального уголовного права. Однако комплексное исследование этой категории первым осуществил А. М. Кустов в своей монографии, которая затем легла в основу его докторской диссертации.

Он предложил "понимать под механизмом преступления систему процессов взаимодействия участников преступления, как прямых, так и косвенных, между собой и с материальной средой, сопряженных с использованием соответствующих орудий, средств и иных отдельных элементов обстановки"³. Основную часть механизма преступления составляет способ; учение о способе преступления следует рассматривать как составную часть учения о механизме преступления.

По мнению А. М. Кустова, "основными элементами механизма преступления необходимо считать:

- деятельность субъекта преступного события;
- комплекс (совокупность) действий, поступков и иных движений жертвы преступления;

¹ Горшенев Л. Г. Основы теории криминалистического прогнозирования. М., 1993. С. 24.

² См. главу VII настоящей работы.

³ Кустов А. М. Теоретические основы криминалистического учения о механизме преступления. М., 1997. С. 15.

- комплекс (совокупность) действий, поступков и иных движений лиц, оказавшихся косвенно связанными с преступным событием;
- отдельные элементы обстановки, используемые участниками преступного события, включая предмет преступного посягательства"¹.

Механизм преступления может быть объектом криминалистического моделирования, и эта модель — использоваться при познании следственной ситуации, определении путей и задач расследования и др.

Существенной новизной отличаются и работы В.М. Мешкова в области криминалистической теории временных связей.

В целях выяснения практической значимости разработки теории временных связей В.М. Мешков изучил практику определения временных связей в процессе расследования. Результаты оказались неутешительными: в 33% случаев приостановления производства по делу необходимые временные характеристики оказались неустановленными. Не лучшим образом обстоят дела и в следственной практике. В 20,7% случаев назначения экспертизы фигурировали вопросы, связанные с установлением временных связей или отношений. В каждом пятом случае эксперты отказались от их решения по мотивам отсутствия научно обоснованных экспертных методик².

Предметом теории временных связей, по мнению В.М. Мешкова, служат закономерности отражения течения времени двумя разновидностями носителей информации: материальными объектами, "каждое из изменений которых обязательно запечатлевает либо момент, либо временной интервал взаимодействия с другим объектом", и "сознанием живых лиц, каждое из которых, начиная с 3-летнего возраста до прекращения физического существования, субъективно воспринимает течение как настоящего, так прошедшего и будущего времени... Помимо общетеоретического значения частная

¹ См. Кустов А. М. Теоретические основы криминалистического учения о механизме преступления М, 1997 С 26

² Мешков В. М. Основы криминалистической теории временных связей М, 1994 С 59

криминалистическая теория о временных связях должна содействовать практике борьбы с преступностью, осуществляемой правоохранительными органами"¹.

Анализ потребностей следственной и экспертной практики, недочетов этой практики, восполнить которые возможно, используя практические приложения упомянутых теорий, убеждает в их несомненной значимости. Дело за малым — за реализацией тех рекомендаций, которые содержатся в этих частных криминалистических теориях. И здесь нас ожидают серьезные разочарования.

Произведенный опрос 100 следователей органов внутренних дел и прокуратуры и 50 экспертов дал следующие результаты.

Теории	Следователи	Эксперты
1) ситуалогии		
хорошо знакомы и используют	3%	57с,
мало знакомы, не используют	67%	597«
используют отдельные положения	5%	1%
не знакомы	257«	29%
2) моделирования		
хорошо знакомы и используют	13%	217«.
мало знакомы, не используют	47%	32%
используют отдельные положения	20%	30%
не знакомы	207с	L 17%,
3) прогнозирования		
хорошо знакомы и используют	5%	8%,
используют эмпирическое предвидение, стихийно	65%	27%
не знакомы	30%	65%
4) механизма преступления		
хорошо знакомы и используют	117с	2%
мало знакомы, не используют	52%,	727«
не знакомы	377«	26%,

Приблизительно таковы же результаты опроса о теории временных связей: лишь эксперты заявили о более распространенном знании этой теории (27%).

Удручающе малое число следователей и экспертов, знакомых с этими теориями, побуждают искать причины такого тревожного явления, когда практика попросту игнорирует то, что ей предлагает наука.

Среди работ, имеющих отношение к рассматриваемой проблематике, есть единственная в своем роде работа В.П. Бахина, из которой мы можем узнать о спросе на рекомендации науки и об ответных предложениях криминалистики.

Так вот, по его данным, спрос на публикации по вопросам криминалистической техники составляет из общего числа публикаций 8,5%, а предложение — 7,1%; в области криминалистической тактики — соответственно 18,9% и 10,2%; в области криминалистической методики — 45,2 и 8,3%. Спрос на работы по общим вопросам криминалистики составляет 16,8%, а предложение — лишь 8,8%.

Стало быть, речь должна идти не об игнорировании практикой рекомендаций науки, а о неудовлетворенном спросе на них практики.

В чем же причина неудовлетворенного спроса? Оказывается, что одной из причин является труднодоступность источника, содержащего практические рекомендации. Так, 92,6% следователей сослались на отсутствие специализированных изданий о новом, 87,4% — на недоступность необходимых источников, 71,6% — на сложность поиска и выделения рекомендаций в тексте работ. Другими причинами являются неконкретность рекомендаций — 65,3% опрошенных, сложность восприятия материала — 67,4%, недостаток времени — 67,4%.

Стало быть, превышение спроса на рекомендации науки над их предложением еще не дает нам объективной картины положения дел с практическим внедрением научных данных.

Действительно, названные В.П. Бахиным причины неудовлетворенного спроса практических работни-

ков — сложность поиска, труднодоступность источника и др. — играют роль в процессе внедрения криминалистических рекомендаций в практику, но, на мой взгляд, не это является определяющим. На пути активного внедрения достижений криминалистики в следственную практику стоят иные барьеры и выражаются они в следующем.

1. Сложившиеся консервативные стереотипы практической деятельности. Практика стихийно противодействует нововведениям, стремясь сохранить привычное статус-кво, привычный образ действий. Этому способствуют и сложившиеся стереотипы мышления следователей. Нежелание и в какой-то степени боязнь нового, непривычного, прикрываемые ироничным отношением к рекомендуемым новинкам, характерны для многих следователей.

Корни такого негативного отношения различны. Это может быть результатом профессиональной деформации, утратой интереса к своей профессии, порождающей безразличное отношение к путям профессионального развития. Это может быть и конформизм молодых следователей, подпавших под влияние зараженных таким безразличием старших коллег. Иногда это следствие невысокого образовательного и профессионального уровня, что не позволяет оценить выгоды внедрения в практику той или иной научной рекомендации. Подобное отношение к данным науки нередко прикрывается демагогическими заявлениями об отрыве науки от практики, о витании ученых в эмпиреях, тогда как практикам "на земле" требуется совсем иное и т.п.

2. Но винить исключительно практику в сложившейся ситуации несправедливо. В немалой степени в этом повинна и сама наука. В.П. Бахин назвал три причины такой ситуации, прямо относящиеся к науке:

- 1) сложность поиска и выделения рекомендаций в тексте работ;
- 2) неконкретность рекомендаций;
- 3) сложность восприятия рекомендаций.

Чтобы проиллюстрировать справедливость первой причины, приведу два отрывка из выступлений на од-

ной научно-практической конференции. Не имеет значения, кто их авторы и какой теме была посвящена конференция; они достаточно наглядно характеризуют стиль наших научных высказываний.

Итак, первый отрывок:

"Осмысление факторного анализа, моделирования, программно-целевого и других криминалистических методов, применяемых в процессе расследования преступлений, показывает, что все они наряду с регулятивными принципами и правилами содержат соответствующий операционный инструментарий (аппарат) в виде программ, алгоритмов и других рекомендаций методического характера. Последний направлен на достижение определенной цели, возникающей в процессе расследования".

Другой отрывок:

"В качестве такого критерия (речь идет о критерии классификации тактических приемов. — Р.Б.) предложено использовать атрибутивный признак, который характеризует тактические приемы и не свойственный другим видам приемов. В качестве такого индикатора является факт проведения тактических приемов исключительно на плацдарме субъект-субъектных отношений с коммуникантами, оказавшимися в сфере уголовного процесса, с целью получить от них объективную криминалистически значимую информацию или предопределить их последующую законопослушную позицию на следствии, отвечающую интересам установления истины".

Содержатся ли в этих отрывках конкретные практические рекомендации или это выражение взглядов авторов на какую-то дискуссионную проблему, практический работник сможет решить, лишь поняв, о чем в них идет речь. Но тут вступает в действие третья причина: сложность восприятия их содержания.

Приведенные отрывки, к сожалению, типичны для наших научных работ. Но тогда придется признать, что они рассчитаны лишь на своего брата-ученого, т.е. в известной степени на элитного читателя. Но как же увязать цель подобных высказываний с утвер-

Криминалистика проблемы сегодняшнего дня
ждением, что криминалистика — наука сугубо прак-
тическая, существующая не помимо, а для практики?

Естественно, что коммуникативные связи между
учеными-криминалистами предполагают и обмен сугу-
бо научной информацией, необязательно содержащей
конкретные практические рекомендации. Но, может
быть, тогда следует четко дифференцировать науч-
ные и практические публикации, точно определять
адресата и избегать смешения в различных сборни-
ках? Может быть, в любой научной работе, претен-
дующей на внедрение в практику содержащихся в ней
рекомендаций, эти рекомендации должны быть выде-
лены в самостоятельный подраздел с указанием адре-
сата?

Было бы явной несправедливостью утверждать,
что в криминалистике нет специальных "адресных"
работ. Их, наоборот, великое множество, это практи-
ческие и научно-практические, методические посо-
бия, справочники следователя, наконец, учебники по
криминалистике для различных образовательных уч-
реждений и различных уровней профессиональной
подготовки. Но многие из них страдают многословием,
избыточной информацией. Это особенно наглядно про-
является в работах по криминалистической методике,
в том числе и при изложении частных методик в учеб-
никах.

Публикации по частным криминалистическим ме-
тодикам разнообразны как по объему, так и по сте-
пени детализации излагаемого материала, по форме
его изложения: от специально посвященных конкрет-
ной методике книг, нередко весьма внушительных по
объему, до нескольких страниц в учебнике. Все эти,
как их называют практики, "книжные методики" пре-
тендуют не только на выполнение ими методической,
учебной роли, но и на прямое руководство практичес-
кой деятельностью по расследованию соответствую-
щих видов преступлений.

Возникает естественный вопрос: может ли рядовой
следователь, не обладающий обширным профессио-
нальным опытом, в условиях дефицита времени и эк-

стремальной ситуации воспроизвести в памяти десятки страниц "книжной методики" в качестве оперативно-го руководства к действиям⁷ Полагаю, что искушенный читатель, не задумываясь, ответит на этот вопрос отрицательно.

Криминалисты осознают справедливость такого ответа. Многие из нас уже давно пришли к выводу, что "книжные методики" необходимы для учебного процесса по криминалистике, что они дают правильное представление обучающемуся о содержании частных методик, но не могут, конечно, служить инструментом практической деятельности: они многословны, содержат не требующуюся для практической деятельности избыточную информацию, сведения по истории и генезису вопроса и т.п.

Выход был найден давно: разработка на основе "книжных методик" лаконичных, четких и ясных алгоритмов действий следователя, их вариантов для выбора в зависимости от следственных ситуаций.

Авторы новых криминалистических теорий, о которых шла речь в начале данной главы, совершенно справедливо указывают, что использование разработанных ими практических приложений этих теорий *может* положительно сказаться на повышении эффективности следственной практики. Но "может", к сожалению, не означает "должно". Барьеры, которые препятствуют реализации этих благих пожеланий, более высоки, чем при внедрении в практику "книжных методик", потому что редкая монография интересует практического работника. Но если бы каждый автор новой теории, монографии заключил свою работу набором алгоритмов действий с использованием предлагаемых новинок, их внедрение приобрело бы реальную почву. Совершенно прав А.С. Шаталов, когда пишет, что "стремление найти исчерпывающие ответы на множество частных вопросов, возникающих в процессе расследования, отрицательно влияет на систематику методических разработок, придает им громоздкую, излишне теоретизированную форму, мало пригодную для использования в практической работе

органов предварительного расследования... Методические рекомендации расследования преступлений в своем нынешнем, довольно громоздком виде обладают низкой возможностью адаптации к условиям расследования как одного, так и нескольких преступлений. Поэтому использование даже наиболее важных научных положений частных криминалистических методик в работе следователя и лица, производящего дознание, во многих случаях затруднено либо вообще невозможно¹. Выход, повторяю, — в разработке специальных криминалистических алгоритмов и программ, при условии, конечно, что их самих не потребуются "очищать" от словесных "красивостей" и ненужной информации.

В заключение — еще об одном явлении, весьма показательном для ситуации с внедрением научных рекомендаций в практику: в области судебных экспертиз этот процесс протекает заметно более активно и плодотворно, нежели в следственной практике. В.П. Бахин отмечает рост публикаций по общим вопросам судебной экспертизы и динамику изменения роста публикаций по отдельным родам и видам судебных экспертиз². На мой взгляд, эти тенденции свидетельствуют о следующем.

Процесс экспертного исследования по форме и методам напоминает научное исследование, хотя, разумеется, нацелен на решение сугубо практической задачи. Этим объясняется тот повышенный интерес, который проявляют судебные эксперты к науковедческим проблемам познания. Этим объясняется и рост общетеоретических исследований в области судебной экспертизы, а в конечном счете — и развитие идеи об общей теории судебной экспертизы. Особенный отклик у экспертов имеют публикации о новых методах исследования, что также естественно.

Вполне понятен и повышенный интерес экспертов к работам по новым видам и родам судебных экспер-

¹ Шаталов А. С. Криминалистические алгоритмы и программы. М., 2000. С. 4.

- См.. Бахин В. П. Указ. соч. С. 88—90.

тиз. В наши дни особенно заметен спрос на публикации по проблемам компьютерно-технической экспертизы или технико-криминалистической экспертизы документов, исполненных с применением современных средств копирования или средств изготовления печатей и штампов. В следственной практике внедрение нового тактического приема или рекомендации не имеет такой немедленной и наглядной отдачи, какую в судебной экспертизе дает внедрение нового метода или средств исследования.

Гёте писал в "Фаусте": "Теория, друг мой, мертва, но вечно зелено дерево жизни". Да, теория мертва, если она не дает побегов на дереве жизни, но дерево это рискует засохнуть, если его корни не будут питаться соками живой, а не мертвой теории.

Глава VI. Криминалистическая диагностика как предмет дискуссии

Появление в криминалистической литературе термина "криминалистическая диагностика" на первых порах даже не привлекло к себе заметного внимания. Его инициатор, В.А. Снетков, в 1972 г. опубликовал небольшую статью под названием "Проблемы криминалистической диагностики"¹, в которой весьма лаконично попытался обосновать закономерность введения обозначаемого этим термином понятия. В течение десяти лет это новшество не находило никакого отклика в литературе, пока в 1983 г. исследованием проблемы не занялся Ю.Г. Корухов, издавший методическое пособие "Трасологическая диагностика"², вслед за которым о диагностике стали писать З.И. Кирсанов, В.Ф. Орлова и др.

Основной причиной появления криминалистической диагностики и основной же сферой ее приложения стала классификация экспертных задач, разделяемых до этого времени на идентификационные и неидентификационные, что представлялось некорректным с точки зрения элементарной логики. С появлением диагностики классификацию удалось упорядочить, и хотя у некоторых авторов помимо идентификационных и диагностических в ней фигурировали и классификационные, и ситуалогические экспертные задачи, принципиального значения это не имело: главное, удалось отказаться от аморфного понятия неидентификационных экспертиз.

¹ См.: Снетков В. А. Проблемы криминалистической диагностики // Труды ВНИИ МВД СССР. Вып. 23. М., 1972.

² См.: Корухов Ю. Г. Трасологическая диагностика. М., 1983.

Но энтузиасты криминалистической диагностики не избежали и "холодного душа". Журнал "Социалистическая законность" опубликовал статью Н.А. Селиванова "Нужна ли криминалистике такая "диагностика"?", заканчивающуюся словами: "...на поставленный в заглавии данной статьи вопрос хочется со всей решительностью ответить: "Нет, такая "диагностика" криминалистике не нужна".

Надо признать, что веских аргументов статья не содержала. Автор пытался доказать, что сторонники диагностики слишком широко трактуют сферу ее применения в судебной экспертизе, где следовало ограничиться "констатацией простой истины — при производстве небольшой доли криминалистических групповых экспертиз и отдельных технических экспертиз приходится решать технико-диагностические вопросы (о наличии и характере дефектов оружия, замков, иных устройств), а при производстве некоторых судебно-медицинских, судебно-психологических и чаще судебно-психиатрических экспертиз — медико-диагностические вопросы (о наличии и характере заболеваний, психических отклонений). Только и всего"². Во всех же остальных случаях диагностическая экспертиза вполне укладывается в рамки экспертизы, имеющей целью установление группового тождества.

Этим в те годы споры вокруг криминалистической диагностики в публичных источниках закончились. Сторонники диагностики при молчаливом отношении ее противников активно разрабатывали эту проблематику в области судебной экспертизы. В работе, имеющей концептуальное значение для теории и практики судебной экспертизы, — "Основы судебной экспертизы. Часть 1. Общая теория" (М., 1997) и в ряде работ Т.В. Аверьяновой, Е.Р. Российской, А.К. Педенчука, Ю.К. Орлова детально исследовались самые различные аспекты экспертной диагностики. Наконец, в

¹ Соц законность. 1988. № 6. С. 60.

² Там же.

1998 г. вышло в свет обстоятельное исследование Ю.Г. Корухова "Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений" (М., "Норма").

Для того чтобы получить представление о фундаментальности работы Ю.Г. Корухова, достаточно назвать круг рассмотренных в ней вопросов. Это: формирование диагностики в криминалистической экспертизе; гносеологическая сущность диагностики; предмет и задачи криминалистической диагностики; объекты криминалистического диагностирования; методология криминалистической диагностики; общая методика экспертного криминалистического диагностирования; криминалистическая диагностика в практике следствия. Последний раздел представляет особый интерес, поскольку впервые показано применение диагностирования в работе следователя при построении следственных версий, при установлении причинных связей. Однако автор предупреждает, что хотя и построение версий, и установление причинных связей роднят эти процессы с диагностикой, "однако подобной схожести явно недостаточно, чтобы ввести диагностику в расследование. Такое внедрение на современном этапе означало бы лишь замену одного термина другим, "расследования" — "диагностированием"¹.

Атаке на диагностику предшествовали некоторые научные публикации, на первых порах как будто не связанные с диагностикой.

В авторском курсе лекций В.А. Образцов обратился к криминалистическому распознаванию, который он определил как специфический криминалистический метод с весьма широкой сферой применения². О диагностике в связи с этим методом еще ничего не говорилось. В учебнике по криминалистике 1997 г. в главе о криминалистических методах поисково-познава-

¹ Корухов Ю. Г. Указ. соч. С. 91.

² См.: Образцов В. А. Криминалистика. Курс лекций. М., 1996. С. 174—175.

тельной деятельности В.А. Образцов называет и такой метод, как криминалистическое распознавание, описывая его так же, как и в курсе лекций¹. Во втором издании этого учебника раздел, посвященный криминалистическому распознаванию, написан В.А. Образцовым в соавторстве с Е.А. Мироновой. Теперь распознавание фактически подается как универсальный метод познания, примерно так, как оценивал идентификацию в своих работах С.М. Потапов. "Распознавание относится к числу общих, исключительно важных методов получения знания об окружающем мире, — пишут авторы, — ... этот метод по сферам, диапазону, значимости результатов его реализации занимает одно из ведущих мест в иерархии криминалистических методов познания". Процесс распознавания начинается с первых шагов работы по делу и заканчивается принятием окончательных решений в судебных инстанциях. Распознается все, что относится к субъекту преступления, даже если личность его не установлена: пол, возраст, профессиональная, национальная, региональная принадлежность, отсутствие или наличие преступного опыта, совершено ли преступление одиночкой или группой, местным или приезжим, знакомым или не знакомым с потерпевшим, имеющим или не имеющим психические аномалии и др. Точно так же распознаются мотив и цель преступления, все обстоятельства, относящиеся к объекту посягательства и конечно же — объективной стороне. "Теоретическую основу криминалистического распознавания образуют положения гносеологии, теории человеческой деятельности, общей, социальной и юридической психологии, физиологии, уголовно-правового учения о преступлении, криминалистического учения о поведении преступника и жертвы преступления, следах и признаках преступления и других областей и направлений наук юридического и неюридического профиля, соответствующим образом адаптированные применительно к

¹ См.: Криминалистика / Под ред. В. А. Образцова. М., 1997. С. 273—274.

своеобразие целей, объектов, средств и условий решения распознавательных задач в уголовном судопроизводстве"¹. При такой всеобъемлемости становится совершенно не нужным даже упоминать какие-то еще методы познания для решения задач судопроизводства. Серьезная угроза нависает даже над диалектическим методом, который явно проигрывает криминалистическому распознаванию: хоть диалектика и признается всеобщим методом познания, но распознавание явно дает ей, как говорится, сто очков вперед по простоте, удобству и приспособленности для решения практических задач.

Что-то смутно знакомое угадывается в этом панегирике распознаванию, пока наконец необразишь, что те же самые умопомрачительные достоинства и качества приписывались идентификации, когда идея о ней вскружила на первых порах многие головы. "Следственная практика показывает, что при расследовании преступлений встречаются многочисленные и самые разнообразные объекты идентификации: всевозможные материальные предметы и явления, их роды и виды, количества и качества, участки пространства и моменты времени, человеческая личность в целом и ее отдельные признаки, физические свойства человека и внутренние психические акты. Невозможно даже простое перечисление предметов и явлений, по отношению к которым возникала и может возникнуть необходимость получения ответа на вопрос о тождестве или отсутствии тождества"². В этой цитате достаточно заменить термин "идентификация" термином "распознавание", чтобы получить представление о его безграничных возможностях. Но, может быть, это действительно так? Может быть, наконец открыт тот самый философский камень, который, конечно, не способен превратить свинец в золото, но зато превращает все в кримина-

¹ *Потапов С. М.* Введение в криминалистику. М., 1946. С. 15.

² См. Криминалистика / Под ред. Б. А. Образцова. М., 1997 С. 320—321.

листке в распознавание? Но об этом чуть позже. Пока лишь констатирую, что в упоминаемом учебнике ничего не говорится о диагностике, хотя бы в плане ее соотношения с распознаванием.

Учебник был подписан к печати в самом конце 1998г., а 23 апреля 1999 г. состоялась Всероссийская научно-практическая конференция, подготовленная и проведенная Московской государственной юридической академией совместно с юридическим факультетом Иркутской государственной экономической академии по проблемам криминалистического распознавания¹. С основным докладом "Криминалистическое распознавание: состояние, тенденции, перспективы" выступил В.А. Образцов (подозреваю, что ему принадлежала сама идея проведения этой конференции). В этом докладе и был впервые поставлен вопрос: какой терминологии следует придерживаться сторонникам распознавания: именовать его криминалистическим диагностированием или-криминалистическим распознаванием?

В.А. Образцов решает этот вопрос достаточно корректно: "...любое диагностирование есть распознавание, но не каждое распознавание есть диагностирование. Поэтому, видимо, нет оснований для отказа от употребления слова "диагноз" в теории и практике криминалистического распознавания. В то же время вряд ли обосновано пользоваться им в искусственно расширенном контексте. На наш взгляд, под криминалистическим диагностированием следует понимать решение не всех, а лишь строго определенной группы распознавательных задач. Круг этих задач, судя по всему, следует свести до определения состояния и определенных видов свойств непосредственно воспринимаемых объектов живой природы и технических систем как продуктов человеческой деятельности... Необходимость дальнейшей активной разработки теоретических и прикладных аспектов криминалистического

¹ См.: Проблемы криминалистического распознавания. М.; Иркутск, 1999.

диагностирования очевидна"¹. Это позиция ученого. С ней можно соглашаться или не соглашаться, но она не претендует на абсолютную истину, перед которой оппонентам остается лишь с благоговением снять шляпу. И она разительным образом отличается от взглядов некоторых других участников конференции, которые самонадеянно полагают, что истина глаголет именно их устами.

Откровеннее всего на этой конференции высказались судебные медики: в медицине понятие диагностики имеет глубокие исторические корни, чего не скажешь о криминалистической науке. "Наше мнение о понятии "криминалистическая диагностика" однозначно — это простое интерполирование медицинского термина в криминалистическую науку, т.е. простое словоблудие (бесплодное мудрствование)"². Комментировать здесь нечего.

Резко отрицательно отнеслись к криминалистической диагностике А.А. Протасевич и В.И. Шиканов. Их аргументы против этой частной криминалистической теории заключаются в следующем.

1. Аналогия между клинической диагностикой и действиями органов, ведущих уголовный процесс, для серьезного исследователя неуместна, поскольку в уголовном процессе в отличие от медицины приходится иметь дело с уникальным объектом исследования, что не позволяет подвести частное явление под общее понятие.

2. Сторонники криминалистической диагностики основываются на устаревшем представлении о монолитности криминалистики, тогда как теперь следует признать наличие не одной, а трех криминалистик: следственной, экспертной и оперативно-розыскной. Игнорирование этого привело к Неправомерному распро-

¹ Образцов В. А. Криминалистическое распознавание: состояние, тенденции, перспективы // Проблемы криминалистического распознавания. С. 12—13.

² Алексеев И. В., Зайцев А. П., Исаев Ю. С., Югов К. М. Криминалистическая диагностика: алогизм или правомерное понятие? // Проблемы криминалистического распознавания. С. 159.

странению положений одной криминалистики на другие, в частности, положений диагностики, характерных для экспертной, на следственную криминалистику, и поэтому, по словам А.М. Ларина, конструкция криминалистической диагностики представляется "надуманной, избыточной", поскольку она "по всем признакам совпадает с исследованием обстоятельств дела, т.е. доказыванием" (А.М. Ларин, 1996).

3. Термины "распознавание", "различение" и "определение" являются членами одного синонимического ряда, раскрывая понятие "диагноза". Ю.Г. Корухов же говорит о трех различных значениях слова "диагностика" и отводит им роль самостоятельных стадий диагностирования.

4. Использование термина "диагностика" в искаженном смысле свидетельствует о желании Ю.Г. Корухова и иных сторонников криминалистической диагностики перевести всю криминалистику "на рельсы диагностики"¹.

Утверждая надуманность концепции криминалистической диагностики, "непомерные амбиции сторонников криминалистической диагностики", заявляющих о формировании этой новой частной криминалистической теории, А.А. Протасевич и В.И. Шиканов приводят пример из работы Д. Сомервилла, когда можно объявить новой теорией все что угодно, если не задать два вопроса: что мы узнали такого, чего не знали до сих пор, и что мы можем сделать такого, чего не могли сделать до сих пор? Сомервилл проиллюстрировал возможность подобного теоретизирования тем, что при желании можно создать даже такую заведомо не имеющую никаких оснований для существования науку, как "водоведение" (замечу, что авторы статьи вслед за Сомервиллом попали в ловушку: такая наука существует, называется она гидрологией и рассказывает как раз, помимо прочего, о том, что с таким

¹ Протасевич А. А., Шиканов В. И. Критический анализ так называемой "криминалистической диагностики" // Проблемы криминалистического распознавания. С. 68—73.

Криминалистика' проблемы сегодняшнего дня сарказмом высмеивается Сомервиллом. Как же важно быть осмотрительным, выбирая оружие для уничтожения оппонента!).

Что можно сказать по поводу этих аргументов?

И в медицине, и в расследовании всегда частный случай подводится под общее правило. Разве не в этом суть квалификации преступного посягательства? Или разоблачения преступной инсценировки по признакам ее противоречия обычному ходу вещей? Криминалистическая диагностика всегда использует общее понятие (предмет, эталон, образ, мысленная модель и т.п.), с которым и сравниваются исследуемые объект или явление.

Монолитность криминалистики — это не пережиток, не устаревшее о ней представление, а реальность. Не в первый раз в истории науки конструируются "следственная", "экспертная" и иные "криминалистики", и неизменно эти попытки оказываются сотрясанием воздуха, поскольку фактически речь идет лишь о специализации каких-то средств, приемов, рекомендаций криминалистики в соответствии с тем, кто их использует. В одной из глав этой работы такие "новации" рассматриваются специально. Попутно замечу, что Ю.Г. Корухов очень осторожно, лишь в проблемном духе говорит о возможности использования криминалистической диагностики в работе следователя.

Авторы статьи отмечают смысловые оттенки терминов, раскрывающих понятие диагностики. Вся вина Ю.Г. Корухова заключается в том, что он использовал эти смысловые оттенки: распознавание акцентируется на познавательной стороне диагностики, различение — на выделении устанавливаемого от ему подобного; определение характеризует заключительный этап диагностического процесса¹. Ну а дальше идет мягко говоря, подмена действительного плодом воображения авторов: эти термины Ю.Г. Корухов вовсе ж

использует для обозначения стадий диагностирования, да и вообще он пишет о подготовительной стадии диагностического исследования, а потом обращается к алгоритмам исследования при решении различных экспертных задач.

Необоснованно обвинять Ю.Г. Корухова в стремлении перевести всю криминалистику на "рельсы диагностики". Он пишет, что наличия некоторых общих черт у расследования и диагностики "явно недостаточно, чтобы ввести диагностику в расследование. Такое внедрение на современном этапе означало бы "лишь замену одного термина другим, "расследования" — "диагностированием"¹. Могут ли подобные мысли свидетельствовать об "экспансии" диагностики? Если уж упрекать кого-либо в экспансии, то скорее Г.А. Зорина, который различает следующие формы криминалистической диагностики:

- "диагностика криминальной и следственной ситуаций;
- диагностика личностей преступника, потерпевшего, свидетеля;
- самодиагностика следователя,
- диагностика отдельного тактического приема или операции в системе следственного действия;
- диагностика практической или научной проблемы...;
- диагностика (ретроспективная) конфликтогенных и аффектогенных ситуаций при производстве психологических экспертиз;
- диагностика социальной перцепции;
- диагностика доминантных установок процессуального партнера и так далее"².

Последние слова свидетельствуют, что этот перечень отнюдь не является исчерпывающим. Пожалуй, даже ярые сторонники криминалистической диагностики не один раз подумают, прежде чем подписаться под таким перечнем.

¹ *Корухов Ю. Г.* Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений. М., 1998. С. 91

* *Зорин Г. А.* Криминалистическая методология. Минск, 2000. С. 233

Авторы, признающие существование криминалистической диагностики, называют ее то методом познания, то процессом, а то и тем и другим вместе. Ситуация точь-в-точь такая же, как и при рассмотрении сущности идентификации. Я полагаю, что диагностика, как и идентификация, — это процесс, а не метод познания. Процесс диагностирования осуществляется применением ряда методов исследования. О том, что это метод, можно говорить только в том смысле, что любая теория в конечном счете играет роль метода познания, и теория криминалистической диагностики не составляет в этом плане исключения.

Разобравшись по мере сил с криминалистической диагностикой, вернемся к такому феномену, как распознавание, и, соответственно, к теории криминалистического распознавания, которой ее сторонники готовы отвести роль новой парадигмы в криминалистике.

Первая неожиданность, с которой сталкивается читатель: оказывается, не все противники диагностики являются сторонниками распознавания как всеобщего метода познания в криминалистической теории и практике и основы новой частной криминалистической теории. Сразу после впечатляющего рассказа о "водоведении" (читай — диагностике) А.А. Протасевич и В.И. Шиканов резюмируют: "Что же касается формирования частной теории распознавания, то в исторически обозримом будущем мы такой возможности не видим"¹. Логика изложения невольно приводит к мысли, что пример с "водоведением" относится не только к критикуемой диагностике, но и к распознаванию — и вот тут-то с авторами статьи нельзя не согласиться.

Не все сторонники "распознавания" готовы безоглядно поддержать заявления о глобальности этого понятия. Т.А. Седова пишет: "На становление теории любого ранга и уровня в криминалистике затрачивается не один десяток лет. Поэтому преждевременно говорить о теории распознавания как уже существующей" Правда, из этого благоразумного тезиса она делает

неожиданные выводы: "Прежде чем формировать теорию, следует определить ее место в системе криминалистических теорий, четко обозначить ее задачи и функции"¹. Но как можно определить место под солнцем еще не существующей теории, да еще выяснить ее функции и задачи?

Некоторые криминалисты, сделав дежурный реверанс в сторону теории распознавания, затем предпочитают заявить, что наиболее освоенным направлением в решении распознавательных задач является экспертная диагностика². Другие просто ставят знак равенства между распознаванием и диагностикой³.

Прежде чем обратиться к криминалистическому аспекту понятия распознавания, совершим небольшой экскурс в психологию.

Одно из значений термина "распознавание", называемое обычно первым, очевидно, потому что оно наиболее распространено, — узнавание: распознать значит узнать. Вот как характеризуется узнавание в психологии: "Узнавание — опознание воспринимаемого объекта как такого, который известен по прошлому опыту. Основой его является сличение наличного восприятия со следами, сохраняющимися в памяти. Узнавание различается по степени определенности, четкости, полноты и произвольности. В качестве произвольного узнавание выступает, когда оно используется для установления эффективности запоминания или заучивания. Уровень узнавания всегда выше уровня воспроизведения, какие бы приемы воспроизведения ни применялись. В качестве произвольного узнавание выступает, когда не стоит специальная задача на опознание. Оно может быть при этом неполным,

¹ Седова Т. А. Криминалистическое распознавание как научная теория и прикладной метод // Проблемы криминалистического распознавания С 22

² См. Грошенкова О. А. Криминалистическое распознавание в одорологическом исследовании // Проблемы криминалистического распознавания С 143

³ См. Кузьмин С. В. Криминалистическое распознавание, метод или этап процесса познания? // Проблемы криминалистического распознавания. С. 51.

Криминалистика, проблемы сегодняшнего дня неопределенным, фантомным, когда переживается, например, чувство знакомости в отношении человека, которого на самом деле никогда не встречал"¹.

Итак, узнавание — это выделение объекта как известного по прошлому опыту или — добавим — как сходного с образцом, эталоном, имеющимся в распоряжении субъекта. Но узнать еще не значит познать, хотя бы потому, что узнавание, как сказано, может быть неполным, неопределенным, даже фантомным. При такой характеристике узнавания рассматривать его как познание можно лишь с известной степенью условности, и уж во всяком случае нельзя считать его универсальным методом познания.

Совершенно правильную, по нашему мнению, позицию занимает по этому вопросу С.В. Кузьмин. Рассматривая распознавание и диагностику как синонимы, он пишет, что криминалистическая диагностика не является криминалистическим методом, "поскольку не обладает необходимыми для метода свойствами в виде регулятивных правил, принципов и операционного аппарата"². Подтверждением этого служит практика идентификации, диагностики (распознавания), когда идентификационные или диагностические задачи решаются не путем идентификации или диагностики, а путем необходимых для этой цели методов — сравнения, эксперимента, моделирования и т.п. Стало быть, при любом понимании распознавания считать его методом, да еще универсальным — неверно. Это не метод, а процесс достижения некоей цели, решения задачи.

Можно ли считать узнавание самостоятельным законченным процессом? Полагаю, что нет.

Узнавание, несомненно, является познавательной процедурой, и в этом смысле распознавание, считать ли его узнаванием, различением или определением, — это фаза познавательной деятельности, но лишь на-

чальная, поскольку распознавание не дает нам представления о тех качествах и свойствах объекта, явления, которые необходимо познать при расследовании преступлений.

В познавательном аспекте распознавание — необходимая начальная стадия судебного исследования, выбор, отбор, извлечение объекта познания, и в этом смысл распознавания. Эта стадия не требует специальной частной криминалистической теории, поскольку ее обоснование содержится в теоретической базе тех разновидностей процесса познания, которые особенно характерны для судопроизводства: в идентификации, установлении групповой принадлежности, диагностике и др.

Резюмируя сказанное, прихожу к следующим выводам.

1. Никакой — ни научной, ни практической — необходимости в формировании специальной частной криминалистической теории распознавания нет, поскольку все ее гипотетические составляющие — это реалии существующих частных криминалистических теорий, что особенно наглядно видно на примере теории криминалистической диагностики.

2. Попытки "отменить" криминалистическую диагностику или "поглотить" ее "криминалистическим распознаванием" бесплодны и непродуктивны. Ее критика основывается, главным образом, на жонглировании терминами и не затрагивает концептуальной сущности этой частной криминалистической теории.

3. Распознавание как понятие и как обозначающий это понятие термин не может претендовать на универсальное значение для криминалистической науки и практики приложения ее рекомендаций. Это и не универсальный, всеобщий метод познания, и вообще не метод познания. Распознавание (различение, опознание, диагностика) — начальная фаза судебного исследования, процесса познания в уголовном судопроизводстве. Нет никаких оснований заменять распознаванием деятельность по раскрытию и расследованию

144 Криминалистика, проблемы сегодняшнего дня
преступлений, точно так же как нет оснований заме-
нять термином "поисково-познавательная деятель-
ность" процесс доказывания по уголовным делам.

Глава VII. Научный прогноз и эмпирическое предвидение

1. Понятие эмпирического предвидения

В конце 1960-х гг. мое внимание привлекла проблема прогнозирования в криминалистике. Толчком к исследованию послужила идея формирования общей теории криминалистики, которая — как всякая действительно научная теория — должна была бы обладать прогностической функцией. В результате своеобразных пилотных исследований я пришел к выводу, что прогнозирование в криминалистике должно стать естественным дополнением криминологических прогнозов о динамике и изменениях преступности: задача криминалистических прогнозов — определение возможных путей развития средств, способов и методов борьбы с такой изменившейся преступностью. В 1970 г. на базе этого вывода я попытался сформулировать основные положения новой частной криминалистической теории — теории криминалистического прогнозирования¹.

В последующих работах 1979—2000 гг. я неоднократно возвращался к содержанию этой теории. Мои представления о ее предмете, о направлениях криминалистического прогнозирования не менялись: речь в ней идет о научных криминалистических прогнозах развития массовых явлений и процессов, поскольку в

¹ См. *Белкин Р. С.* Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики МД970

основании этих прогнозов лежит знание о закономерностях развития прогнозируемых явлений и процессов, проявляющих себя как тенденция, т.е. как статистические закономерности, не обеспечивающие достоверных результатов при их приложении к единичному явлению, процессу, обстоятельству. Иными словами, можно прогнозировать появление новых способов совершения преступлений того или иного вида, но научно прогнозировать появление нового способа совершения конкретного преступления, как говорится, "здесь и сейчас", невозможно; его можно лишь предполагать, чисто эмпирически предвидеть. Ситуация сходна с использованием теории вероятностей: результаты ее приложения к массовым явлениям практически достоверны, к единичному явлению — вероятны. Кроме того, разработка криминалистического прогноза, как, впрочем, любого научного прогноза, требует столь значительных усилий, использования такой обширной и разноплановой информации, что обуславливает чисто техническую невозможность удовлетворения сиюминутных потребностей практики.

Хотя терминология теории криминалистического прогнозирования используется многими авторами, но серьезными исследованиями в этой области занимаются лишь двое. В 1993 г. в Москве вышла в свет монография Л.Г. Горшенина "Основы теории криминалистического прогнозирования", ставшая основой защищенной им в следующем году докторской диссертации, а в 2000 г. увидело свет фундаментальное исследование Г.А. Зорина "Криминалистическая методология" (Минск). Хотя Л.Г. Горшенин посвятил свои работы в основном научным (в буквальном смысле слова) криминалистическим прогнозам, но в нескольких местах монографии он пишет о "текущих прогнозах", например, действий преступника или его поведения в момент задержания и др.¹ Г.А. Зорин же пишет о прогнозировании в текущей деятельности следователя, иног-

¹ См.: *Горшенин Л. Г. Основы теории криминалистического прогнозирования* М., 1993. С. 102 и др.

да называя такое прогнозирование криминалистическим предвидением. По его мнению, "криминалистическое прогнозирование — это процесс разработки прогнозов при расследовании уголовных дел. Задачи криминалистического прогнозирования органично сочетаются с задачами расследования преступлений"¹. Из дальнейшего изложения становится ясно, что автор вовсе не имеет в виду то, что следует именовать научным прогнозом в принятом смысле этого понятия.

Действительно, в своем первоначальном значении (от греч. *prognosis* — предвидение, предсказание) прогноз, как предсказание, относился лишь к конкретному единичному явлению, процессу, например предсказание о ходе болезни. Но в науке утвердилось понимание прогноза как вероятностного суждения о будущем на основе специального научного исследования перспектив развития различных множеств.

Разумеется, всякое предсказание, предвидение — это тоже прогноз, мысленное проникновение в будущее. Но требования языка науки диктуют необходимость однозначного употребления используемых научных терминов, а такое расширительное толкование прогноза эту однозначность не обеспечивает, поскольку применительно к конкретному акту расследования понятие научного прогноза не приложимо.

На различие в содержании этих понятий я впервые обратил внимание в 1997 г. в своем "Курсе криминалистики". Я писал, что различие между научным криминалистическим прогнозом и практическим, эмпирическим предвидением очевидно. "Эмпирическое предвидение, осуществляемое в повседневной работе следователями, оперативными сотрудниками, экспертами, базируется на их личном, профессиональном опыте, характеристике следственной ситуации, данных о проходящих по делу лицах и т.п. и преследует цель решения конкретной "сиюминутной" задачи... Это не научный прогноз, поскольку такое предвидение ос-

¹ Зорин Г. А. Криминалистическая методология. Минск, 2000. С. 99 и др.

новывается на иных исходных данных, формируется не по методике научного прогноза и может быть даже чисто интуитивным"¹.

Я считал и считаю, что эмпирическое предвидение, как явление, родственное по своей направленности и могущее основываться, помимо прочего, и на научном криминалистическом прогнозе, заслуживает специального исследования в рамках криминалистической теории прогнозирования. Задача такого исследования — определить исходные основания для эмпирического предвидения, круг решаемых с его помощью задач, пути реализации таких эмпирических гипотез и др.

2. Основания эмпирического предвидения

По своей природе эмпирическое предвидение носит субъективный характер. Но в основе оно, как всякое субъективное, базируется на объективно существующих обстоятельствах, явлениях и процессах, на типичных изменениях этих явлений и процессов под влиянием тех или иных факторов.

Эмпирическое предвидение, как и прогнозирование в целом, требует определенного информационного обеспечения. Рассматривая информационные источники криминалистической прогностики, я разделил их на три группы: 1) научные данные; 2) статистические данные; 3) данные практики. К числу последних, имеющих прямое отношение и к эмпирическому предвидению, были отнесены информация о новых способах совершения преступлений; данные об условиях, способствовавших совершению преступления; данные о достоинствах и недостатках средств и методов судебного исследования; информация о возникших на практике новых средствах и приемах судебного исследования². Совокупность всей этой информации Л.Г. Гор-

¹ *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. Т. 3. М., 1997. С. 435—436

² См.: *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М., 1987. С. 246.

шенин назвал прогнозным фоном, "под которым понимается совокупность внешних по отношению к объекту прогнозирования условий (факторов), существенных для решения задачи прогноза"¹.

Л.Г. Горшенин внес коррективы в перечень этих информационных источников. Помимо научных он назвал социально-экономические данные и результаты социально-экономического прогнозирования, а также данные о правовых системах деятельности правоохранительных органов по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений в нашей стране и за рубежом².

Перечисленные информационные источники действительно необходимы для разработки научных криминалистических прогнозов, но все ли они "работают" на эмпирическое предвидение?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует вновь обратиться к различиям между научным криминалистическим прогнозом и эмпирическим предвидением. Это различие заключается прежде всего в содержании и объеме требуемой информации. Условия эмпирического предвидения не требуют столь обширной информации, какая необходима для научного прогноза. Индивидуальный характер объектов предвидения не позволяет применять методы формирования научного прогноза, рассчитанные на массовые явления, да и имеющееся в распоряжении следователя время исключает возможность длительных процедур, необходимых для разработки научного криминалистического прогноза. Прогнозный фон эмпирического предвидения выглядит иначе, нежели научного. Эти отличия касаются и количественной, и качественной его сторон.

Количественно информационная база эмпирического предвидения уже, чем база научного прогноза. Она не требует включения таких, например, данных, как криминологические или социально-экономические прогнозы, как данные о системах деятельности пра-

¹ Горшенин Л. Г. Указ. соч. С. 62.

² Там же. С. 64—65.

воохранительных органов или о благосостоянии населения. Качественно же различия еще более существенны; они касаются прежде всего круга источников прогностической информации эмпирического предвидения. В свою очередь, круг этих источников обусловлен временными рамками и объектами, изменение которых служит предметом предвидения.

Эмпирическое предвидение — процедура, связанная с конкретным моментом времени. Это не долгосрочный, среднесрочный и даже не краткосрочный прогноз на 1—3 месяца. Это прогноз "одномоментный", рассчитанный на немедленную реализацию, на получение немедленного результата — "здесь и сейчас".

Такая временная характеристика эмпирического предвидения предъявляет и особые условия к его информационному обеспечению: лежащая в его основе информация должна быть *актуальной*, т.е. соответствовать требованиям момента, адекватной этим требованиям. Разумеется, это относится не ко всей информационной базе предвидения, в которой может сохраняться и информация, так сказать, "вневременного" характера, не зависящая от момента времени. Но определяющую роль будет играть актуальная информация, которую можно назвать оперативной.

Источниками оперативной информации выступают:

1. Данные о сложившейся на конкретный момент следственной ситуации, о тех ее компонентах, которые прямо относятся к избранному для воздействия объекту или обстоятельству. Чаще всего это компонент психологического и тактического характера.

2. Актуальные и значимые в данный момент данные о субъекте, на которого предполагается оказать воздействие.

3. Профессиональный и житейский опыт субъекта эмпирического предвидения. Этот опыт и играет роль тех данных практики, о которых говорится применительно к прогностическому фону научных криминалистических предвидений.

Личный профессиональный и житейский опыт — понятие комплексное. Его составляющие — это:

- научные данные, приобретенные субъектом в процессе профессиональной подготовки в стационарном образовательном учреждении или при повышении профессионального уровня;

- практические навыки и умения, полученные как при профессиональной подготовке, так и в процессе практической деятельности по специальности;

- личные психологические качества субъекта предвидения, в первую очередь коммуникабельность и легкость вступления в контакт, высокий уровень рефлексии, развитость воссоздающего воображения и др.;

- быстрое ориентирование в ситуации, способность принимать решения в меняющейся обстановке;

- психологическая устойчивость по отношению к внешним раздражителям.

Эмпирическое предвидение нередко замышляется и осуществляется в условиях дефицита информации и конфликта с лицом, противостоящим следователю. Профессиональный и житейский опыт субъекта предвидения служит и средством восполнения информации, и средством разрешения конфликта, о чем подробнее речь пойдет далее.

3. Объекты и содержание эмпирического предвидения

Под объектами предвидения следует понимать те объекты, на которые будет оказано воздействие при реализации прогноза; содержание предвидения — возможные изменения объекта воздействия. Эти изменения могут стать результатом реализации прогноза — действий или бездействия субъекта предвидения. Объектами и содержанием предвидения могут быть:

1. Следственная ситуация и ее изменения. Предвидение может относиться к ее изменениям в благоприятную или неблагоприятную для следствия сторону, к ее упрощению или усложнению, к изменению ее сущности, связанной с возникновением или разрешением конфликта, и т.п.

2. Результаты планируемых следственных действий, степень тактического риска.

3. Поведение и действия проходящих по делу лиц.
4. Выбор причастными к расследованию лицами способа сокрытия преступления.
5. Местонахождение и перемещения разыскиваемых лиц.
6. Способы сокрытия и местонахождение объектов, имеющих значение для дела.
7. Формы и способы противодействия расследованию.
8. Круг и возможное содержание неиспользованных источников доказательственной и ориентирующей информации.

Рассмотрим эти объекты и относящиеся к ним содержание эмпирического предвидения несколько подробнее.

Следственная ситуация. Ее изменения, которые предвидит следователь, могут быть двух видов: а) при естественном развитии без активного воздействия следователя; б) в результате замышляемых следователем воздействий на ситуацию и предвидения результатов этих воздействий. Предвидение естественного, благоприятного развития не означает обязательного последующего бездействия следователя. Предвидение может относиться к прогнозированию возможных осложнений ситуации в неблагоприятную сторону, использованию соответствующих средств и методов нейтрализации или устранения этих осложнений и их результатов.

Если объектом предвидения служат изменения неблагоприятной ситуации и эти изменения еще более усугубляют негативные следствия такой ситуации, то предвидение имеет своим содержанием вероятные результаты воздействия следователя на ситуацию, чтобы изменить ее направленность.

Результаты планируемых следственных действий, степень тактического риска. Объект прогнозирования — различные варианты результатов следственного действия при различных вариантах воздействия на его ход и на его результаты. Предвидение может относиться и к степени тактического риска при

подобных воздействиях или к последствиям замены следственного действия иным (например, предъявления вместо объекта в натуре его фотоизображения).

Поведение и действия проходящих по делу лиц.

Предвидение может относиться к действиям и поведению этих лиц как при производстве следственных действий, так и вне производства по делу. Следовательно может предвидеть:

- желание этих лиц сотрудничать со следствием;
- пассивный отказ от такого сотрудничества;
- активное уклонение от сотрудничества;
- активное противодействие действиям следователя.

Так, прогнозируя ход и результаты допроса обвиняемого, следователь предвидит: возможный отказ от дачи показаний на фоне враждебного отношения обвиняемого к процессу расследования, что персонифицируется во враждебное отношение к следователю; дачу ложных показаний, в том числе самооговор; заявление ложного *алиби*.

Предвидя противодействие расследованию, следователь определяет меры по его преодолению и прогнозирует их возможные результаты. Естественно, что этот прогноз зависит от формы и субъекта противодействия.

Предвидение избранных участниками расследования способов сокрытия преступления. Подобное предвидение предполагает знание способов сокрытия преступлений и признаков используемого способа. Источник этого знания — профессиональный опыт следователя, компонентом которого и являются сведения о преступной деятельности. Этот объект предвидения — один из вариантов более многообразного объекта — **форм и способов противодействия расследованию**. Последний помимо сокрытия преступления предполагает различные формы: от воздействия на информацию и ее носителей до прямого воздействия на следователя не только со стороны непосредственно заинтересованных в сокрытии истины лиц, но и посторонних для процесса расследования ("внешнее" противодействие).

Предвидение местонахождения и перемещения разыскиваемых лиц и скрываемых объектов (подозреваемых, обвиняемых, свидетелей, потерпевших). Это область розыскной деятельности следователя.

Наконец, объектом эмпирического предвидения могут быть еще **не использованные источники доказательственной и ориентирующей информации**.

Резюмируя сказанное, можно заключить, что полем эмпирического предвидения служит: а) преступная деятельность в ее различных фазах; б) расследование; в) розыскная деятельность следователя.

Содержательная сторона эмпирического предвидения представляет собой вероятное знание, гипотезу. Однако ее нельзя рассматривать как догадку или предположение. Эмпирическое предвидение отличается от них наличием обосновывающего знания. И догадка, и предположение могут лежать в основе предвидения, служить для него своеобразным импульсом, но не более. Как всякий прогноз (а эмпирическое предвидение, как уже говорилось, — это своеобразный прогноз), предвидение должно иметь объективно существующую основу.

В логическом плане налицо индуктивное умозаключение: из достоверных посылок (обосновывающее знание) делается вероятный вывод — содержание предвидения. С этой точки зрения эмпирическое предвидение сходно со следственной версией, в основе которой также лежат достоверные (хотя и не обязательно истинные) данные, на которых и формируется гипотеза. С известной степенью условности можно также рассматривать формирование эмпирического предвидения как результат своеобразной экстраполяции знаний о реально существовавших или существующих обстоятельствах, явлениях, процессах на знания гипотетические, составляющие содержание предвидения.

4. "Инструменты" формирования эмпирического прогноза

Как было отмечено, одним из таких "инструментов" служит экстраполяция данных, почерпнутых эле-

дователем из своего профессионального опыта. Отбор этих данных происходит на основе аналогии.

Как известно, аналогия (от греч. *analogia* — соответствие, сходство) — это сходство предметов, явлений, процессов и т.п. в каких-либо свойствах и признаках. При умозаключении по аналогии знания об одном объекте переносятся на другой, менее изученный (или вообще не изученный) объект. Но заключения по аналогии носят лишь правдоподобный характер.

Помимо аналогии эффективными средствами формирования эмпирических прогнозов служат рефлексия и интуиция. Пионером применения этих методов в исследовании является А.Р. Ратинов. В 1970 г. он опубликовал статью "Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике"¹, в которой изложил основные пути использования рефлексии в работе следователя.

В упрощенном виде рефлексия — это умение поставить себя на место партнера по общению и взглянуть на себя его глазами, представить себе его ответные действия и умение "переиграть" его, т.е. превзойти в ранге рефлексии. Она — обязательный компонент эмпирического предвидения, поскольку на ее основе следователь формирует представление об ответных "ходах" противостоящего лица и вносит коррективы в средства и формы тактического воздействия.

По мнению Г.А. Зорина, носителями криминалистически значимой информации, подвергаемой рефлексивному анализу, могут быть:

- "любые формы деятельности человека в связи с совершением или расследованием преступлений;
- результаты человеческой деятельности (криминальный результат): следы, вещественные доказательства, документы, труп; следственная ситуация как динамическое образование, постоянно изменяющееся под воздействием принудительного комплекса факторов;

• иные процессы, происходящие в природе, но имеющие значение для расследуемого дела"¹.

Он считает, что рефлексия опосредствует механизмы понимания себя и партнера, самоанализа состояний (эмоциональных и интеллектуальных); формирования "Я-концепции" (своей и процессуальных партнеров), что рефлексия может использоваться для познания непознанного прошлого, текущего настоящего, близлежащего будущего².

Не со всеми этими положениями можно согласиться. Рефлексия — как замещение чужого "Я" своим — едва ли может служить средством анализа любого криминального результата. Думается, что вернее говорить не о рефлексии результата, а о рефлексивном проникновении в деятельность, приведшую к данному результату, т.е. не о следствиях, а об их причинах. Не безграничны и пределы рефлексивного познания прошлого, настоящего и будущего. Путем замещения личности деятеля не всегда возможно установить мотив и цель действия, способствующих действию обстоятельств и т.п. Сомнительно и утверждение, что "диапазон рефлексии бесконечен во времени и пространстве, более того, он может переходить из сознательного в бессознательное, доминировать по определенной тематике"³. Но разве может мыслительный процесс, которым является рефлексия, "переходить в бессознательное"?

Рефлексия как основание, "инструмент" эмпирического предвидения оптимальна в поисковой деятельности следователя, при розыске скрывшихся лиц или скрываемых объектов. В этих случаях она выступает особенно наглядно и обеспечивает эффективность действий следователя. Не случайно рефлексия в литературе обычно иллюстрируют примерами из практики преследования виновного или определения места сокрытых объектов.

¹ Зорин Г. А. Указ соч. С. 107—108

² Там же С. 108

³ Там же С. 111

Рефлексию можно рассматривать и как метод управления поведением и действиями противостоящего следователю лица. В этом случае следователь, ставя себя на место объекта рефлексии, рассматривает его глазами возможные варианты действий, определяет наиболее выгодный для следствия вариант и затем создает помехи для осуществления виновным всех остальных вариантов.

Если проблема использования рефлексии в расследовании особых дискуссий не вызывала, то уже одна постановка вопроса о возможности использования интуиции следователя сразу же привела к решительным возражениям. Поводом для дискуссии послужила статья А.Р. Ратинова "О следственной интуиции"¹. Основные положения статьи, развитые впоследствии в книге "Судебная психология для следователей", заключались в следующем.

Интуиция — это не какая-то таинственная способность следователя угадывать истину. Сама по себе интуиция как прямое постижение умом истины, не выведенной сознательным логическим доказыванием из других истин и не вытекающей непосредственно из наших чувственных восприятий, есть безусловная реальность, существующая в сфере познания. Мыслительный процесс — это не только совокупность развернутых умозаключений. Зачастую он протекает неумовимо. Наряду с полными логическими формами человек пользуется такими суждениями, которые принимаются в сокращенном виде, а иные вовсе выпадают, опускаются как давно известные, проверенные опытом, доказанные практикой или установленные какой-либо отраслью знаний.

В результате полученный вывод представляется чистой, ничем не обусловленной догадкой. Фактически же он был подготовлен предыдущим мыслительным процессом, в ходе которого актуализировались нужные знания; а если решение наступает с первого шага — значит, необходимые знания актуализировались

¹ «Оц законность 1958 № 4.

сразу благодаря тому, что готовность опыта и знаний у человека высока.

Исходя из этого, следственную интуицию можно охарактеризовать как основанную на опыте и знаниях способность непосредственного решения следственных задач при ограниченных исходных данных. Интуитивный процесс протекает так стремительно, что отдельные его этапы сливаются в единый непрерывно текущий познавательный акт, в котором, если его специально не анализировать, нельзя выделить последовательного перехода от одного этапа к другому.

Интуиция позволяет мысленно увидеть сразу целую серию действий, образов, ситуаций. Вспыхивая в сознании как готовое положение, интуитивная догадка перескакивает через ряд звеньев осознанного логического рассуждения и открывает свойства и связи явлений прежде, чем дискурсивное мышление следователя успеет доказать их соответствие действительности. В процессе доказывания знание интуитивное должно быть превращено в логически и фактически обоснованное, поскольку интуитивное знание не имеет процессуального значения; однако для отыскания истины, собирания доказательств, определения путей расследования профессиональная следственная интуиция необходима¹.

Концепция следственной интуиции вызвала резкую критику со стороны М.С. Строговича. Он посчитал, что интуиция — это путь к заблуждению, подмене логических аргументов фантазированием. Если интуиция не имеет процессуального значения, то и "не следует процессуальную деятельность усложнять, затемняя тем, что процессуального значения не имеет, но что способно внести в выполнение следователем, прокурором, судьями своих задач элемент неопределенности, безотчетности, генерализировать неосознанные побуждения и впечатления, ибо ничего, кроме увеличения, умножения судебных ошибок, от

¹ См.: Ратинов А. Р. О следственной интуиции. С. 24—30; Он же — Судебная психология для следователей. М., 1967. С. 133—137.

этого не получится. Не следует относить к интуиции такие свойства и качества, необходимые для следователей и судей, как наблюдательность, сообразительность, профессиональное мастерство, так как для этих и иных качеств характерна сознательность поступка, побуждения, намерения, тогда как для интуиции при любом ее понимании характерно противоположное — неосознанность оснований предпринимаемых действий и принимаемых решений. Путь интуиции в судопроизводстве — неправый, безнравственный, не пригодный для достижения цели правосудия"¹.

Анализируя позиции спорящих сторон, я пришел к выводу, что интуицию как реальность мышления нельзя "закрыть", "не пустить" в процесс мышления вообще или в какую-то специальную сферу общественной практики. Она — неотъемлемый элемент любой профессиональной деятельности, и судопроизводство в этой части не является исключением. Следует помнить лишь одно: продукт интуиции — это лишь догадка и не более. Интуиция опирается на данные прошлого сознательного и подсознательного опыта. Подсознательное сопоставление с этим прошлым опытом и приводит к озарению, к неожиданному решению. Эта взаимосвязь большей частью остается скрытой для сознания, решающего задачу².

Г.А. Зорин так описывает кульминационный момент интуитивного процесса — инсайт (озарение): "Он складывается из ряда следующих моментов:

- следователь осознает, что он нашел решение, обеспечивающее выход из следственного тупика;
- это решение приходит неожиданно (неожиданность интуитивного решения Пуанкаре сравнивал с молнией среди бесконечно долгой ночи...);
- найденное решение сопровождается чувством Уверенности в том, что оно верно, что это именно то Решение, которое мучительно искал следователь;

Стпрогович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968.

* • 1- С. 345—348; *Он же*: Об интуиции в исследовании доказательств // Проблемы судебной этики. М., 1974. С. 107—110.

См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 3. М., 1997. С. 169—175.

- интуитивно найденное решение, как правило, гармонично, оригинально, изяшно (это обстоятельство подтверждают следователи и представители других творческих профессий);

- в интуитивно найденном решении можно обнаружить и средства его реализации (т.е. перспективу), а при желании и определенных навыках интуитивное решение можно подвергнуть логическому анализу и развернуть его в ретроспективу, т.е. предпринять попытку рассмотреть процесс поиска решения в направлении от результата к его истокам;

- интуитивное решение можно рационализировать логическими средствами"¹.

Как сплав знаний и опыта, интуиция играет важную роль в формировании эмпирических прогнозов. С ее помощью оценивается вероятность прогноза, она содействует выбору варианта прогноза и, что весьма важно, позволяет предположительно определить вероятность его реализации. Поскольку прогноз — это вероятное знание, нет никаких препятствий использовать в качестве одного из его оснований интуитивную догадку, предположение, которое (как и всякое предположение) проверяется при реализации прогноза.

Таковы важнейшие "инструменты" эмпирического предвидения, имеющиеся в распоряжении следователя

5. Эмпирическое предвидение и тактическое решение

Эвристическое предвидение служит основанием для принятия тактического решения. В общей форме является представлением о возможном изменении следственной ситуации или ее отдельных компонентов, что, естественно, требует от следователя адекватного реагирования. Направленность такого реагирования может быть двоякой:

- 1) на предупреждение предполагаемых изменений

¹ Зорин Г. А. Криминалистическая эвристика. Т. 1 Гродно, 1994 С. 104—105.

следственной ситуации, если эти изменения носят неблагоприятный характер,

2) на допущение или содействие этим будущим изменениям, если они не меняют положительного характера ситуации или даже способствуют ее улучшению.

Средством реагирования следователя, как известно, служит тактическое решение. В первом случае речь должна идти об упреждающем воздействии на следственную ситуацию, целью которого будет нейтрализация вероятных негативных изменений. Во втором случае тактическое решение будет заключаться либо в воздержании от действий (т.н. решение о выжидании) либо в воздействии, способствующем возможным изменениям.

Если прогнозируется негативное изменение следственной ситуации, тактическое решение может предусматривать формирование препятствий для подобного изменения следственной ситуации. Содержание этих препятствий зависит от содержания прогнозируемых изменений. Например, если эмпирический прогноз относится к возможности обвиняемого, находящегося на свободе, скрыться от следствия и суда, перейти на нелегальное положение, следователь планирует соответствующие предупредительные меры (изменение меры пресечения, организация через оперативные службы органа внутренних дел наблюдения за обвиняемым, блокирование возможных мест его укрытия после побега и т.п.). Предупредительные меры могут быть приняты и в отношении свидетелей и потерпевших (если следователь предвидит отказ от сотрудничества со следствием, изменение показаний и т.п.). Вообще предвидение любого противодействия расследованию, сколь бы маловероятно ни выглядел такой прогноз, не должно оставаться без надлежащей реакции, поскольку оно чревато серьезными осложнениями для расследования.

Несколько иным будет тактическое решение при благоприятном эмпирическом прогнозе ситуации. Если изменение относится к субъективным факторам, влия-

ющим на ситуацию — например, на основе полученной информации прогнозируется, что линии поведения обвиняемого изменятся в благоприятную для следствия сторону, — тактическое решение должно быть направлено на формирование обстоятельств, стимулирующих подобное поведение обвиняемого. Определение этих обстоятельств — вопрос факта.

Наконец, решение о выжидании, невмешательстве в развитие ситуации не должно заключаться в пассивном ожидании следователя. Такое решение должно содержать:

а) меры наблюдения и контроля за развитием ситуации путем информационного слежения за ней;

б) меры соответствующего воздействия на ситуацию, если она, вопреки прогнозу, станет изменяться в неблагоприятную сторону. Эти меры представляют собой своеобразный тактический резерв следователя, который при осложнении ситуации он сможет ввести в действие.

Поскольку эмпирический прогноз представляет собой вероятное знание, нередко он служит основанием для нескольких вариантов тактических решений. Набор таких решений может быть типичным для типичных прогнозов, но и типичные решения должны допускать модификацию, обусловленную требованиями быть адаптированными к специфике складывающейся конкретной следственной ситуации.

Глава VIII. Ошибки в уголовном судопроизводстве

Проблема ошибок в уголовном судопроизводстве давно привлекает внимание и ученых, и практических работников правоохранительных органов и суда. В 1985—1986 гг. устранению одной из их разновидностей — следственных ошибок — и порождающих их причин было посвящено специальное исследование, проведенное группой сотрудников ВНИИ Прокуратуры СССР при участии Главного следственного управления и управления по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах Прокуратуры СССР совместно с юридическим факультетом Куйбышевского и экономико-правовым факультетом Калининградского университетов¹. Частично результаты этого исследования были опубликованы в журнале "Социалистическая законность" и сборнике "Вопросы борьбы с преступностью"². О следственных, экспертных и судебных ошибках писали И.Л. Петрухин, Н.Л. Гранат, Р.С. Белкин, Г.А. Зорин, В.С. Бурданова, Д.А. Якупов и многие другие авторы*. Но практика неизменно свидетельствовала, что проблема по-прежнему не утрачивает своей актуальности. Это побуждает меня вновь обратиться к ее исследованию с учетом публикаций последнего времени.

¹ В состав авторского коллектива входили: А. Б. Соловьев, А. Д. Бойков (руководители), И. Ф. Демидов, Л. П. Исмакаев, Е. И. Конах, В. Ф. Кучумова, В. А. Лазарева, А. А. Леви, В. Н. Махов, А. И. Михайлов, Т. А. Михайлова, В. П. Максимов, М. Е. Токарева, С. А. Шейфер, О. М. Ястребова.

² См.: *Соловьев А., Шейфер С., Токарева М.* Следственные ошибки и их причины // Соц. законность. 1987. № 2; Следственные ошибки, их причины и пути устранения на предварительном следствии и в суде // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1988. № 46.

¹ Работы этих авторов рассматриваются по ходу изложения.

1. Понятие ошибки в уголовном судопроизводстве

В литературе предложено несколько определений понятия ошибки в судопроизводстве. Для последующего анализа есть смысл привести их текстуально.

Коллектив исследователей ВНИИ Прокуратуры посчитал, что под следственной ошибкой понимаются "неправильные действия либо бездействие следователя, выразившиеся в односторонности и неполноте исследования обстоятельств дела, существенном нарушении уголовно-процессуального закона, неправильном применении уголовного закона, повлекшие за собой принятие следователем неправильного итогового решения, незаконность и необоснованность которого были констатированы в соответствующем процессуальном акте прокурором или судом"¹.

Н.Л. Гранат приводит общее определение ошибки: "это погрешность, неправильность, неверность, промах или действие, не приводящее к достижению поставленной цели. При этом предполагается, что искажение в познании или отклонение от цели допущены не преднамеренно, т.е. являются результатом добросовестного заблуждения... В качестве общего правила, на основе которого неправильные действия следователя должны считаться ошибкой, следует назвать отсутствие вины в тех ее классических формах, которые известны в теории права"².

По мнению С.А. Шейфера, В.А. Лазаревой и Л.П. Исмакаева, "следственная ошибка — это отступление следователя от требований уголовно-процессуального закона и научных рекомендаций при проведении процессуальных действий, а равно непроведение нужных по обстоятельствам дела процессуальных действий, повлекшие за собой принятие решений, противоречащих закону и воспрепятствовавших достижению целей расследования"³.

¹ Следственные ошибки, их причины и пути устранения... С. 182.

² Гранат Н. Л. Следственные ошибки: понятие, виды и причины // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. М., 1983. № 76. С. 57.

³ Шейфер С. А. и др. Следственные ошибки и их причины // Проблемы дальнейшего укрепления соц. законности при расследовании преступлений органами внутренних дел: Сб. науч. трудов. Киев, 1988. С. 118.

В.С. Бурданова выделяет из числа следственных ошибок криминалистические ошибки, причина которых "не в недостаточности знаний уголовного права и процесса, а в низкой профессиональной подготовке следователя и надзирающего за следствием прокурора в области криминалистики... Криминалистическая ошибка — явная или скрытая — это односторонняя постановка и ограниченное решение криминалистических задач, вытекающих из следственной ситуации, без применения полного комплекса методов и правил, при невысоком качестве выполнения действий"¹.

Наконец, по определению Г.А. Зорина, следственная ошибка — это недостижение следователем запланированного результата вследствие избрания неадекватных форм деятельности при восприятии информации и ее переработке, оценке следственной ситуации и принятии решений, реализации принятых решений².

Известны определения и экспертных ошибок. Так, Г.Л. Грановский считал ошибкой эксперта "его выводы (основные и промежуточные), не соответствующие действительности, а также неправильности в действиях или рассуждениях, отражающих процесс экспертного исследования, — в представлениях, суждениях, понятиях"³. Н.И. Клименко говорит, что ошибка — результат добросовестного заблуждения эксперта, но при этом допускает, что ошибка может быть и следствием сознательного нарушения экспертом требований методики исследования⁴. Занимаясь этой проблемой, я писал, что "в общем виде экспертную ошибку

¹ Бурданова В. С. Следственные (криминалистические) ошибки // Вопросы совершенствования прокурорско-следственной деятельности: Сб. ст. СПб, 1996. С. 117.

² См.: Зорин Г. А. Теоретические основы криминалистики. Минск, 2000. С. 285.

³ Грановский Г. Л. Природа, причины экспертных ошибок и пути их устранения // Новые разработки и дискуссионные проблемы теории и практики судебной экспертизы. М., 1983. С. 2.

⁴ См.: Клименко Н. И. Экспертные ошибки и их причины // Криминалистика и суд. экспертиза. Вып. 37. Киев, 1988. С. 38.

ку можно определить как несоответствующее объективной действительности суждение эксперта или его действия, не приводящие к цели экспертного исследования, если и искаженное суждение, и неверные действия представляют собой результат добросовестного заблуждения"¹.

Именно *добросовестное заблуждение* отличает ошибку в судопроизводстве от профессиональных упущений, нарушений, должностных проступков и даже преступлений против правосудия. Всякое *заведомо* неправильное действие, суждение, нарушение установленных норм закона не является ошибкой и требует иного, нежели на ошибку, реагирования. Именно этот решающий признак ошибки приводят в своих определениях (из числа упомянутых авторов) лишь Н.Л. Гранат и Н.И. Клименко.

Рассмотрим под таким углом зрения приведенные определения ошибок следователя.

Односторонность и неполнота расследования, не говоря уж о существенном нарушении уголовно-процессуального закона, не являются специфическими признаками ошибки. Действительно, неполнота расследования может быть и результатом недобросовестного, халатного отношения следователя к своим обязанностям, небрежного выполнения указаний надзирающего прокурора и т.п. Трудно себе представить, как можно по ошибке существенно нарушить процессуальный закон, если только не иметь в виду некоторые его общие категории (привлечение к ответственности невиновного и т.п.). Кроме того, судя по этому определению, следственная ошибка в конечном счете выражается лишь в неправильном итоговом решении и обнаруживается только прокурором или судом. И уж во всяком случае нельзя считать ошибкой *умышленное* пренебрежение следователя требованиями уголовно-процессуального закона, как считают С.А. Шейфер и его соавторы².

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 2. М., 1997. С 335—336

² См.: Шейфер С. А. и др. Следственные ошибки и их причины. С. 119

Не является неперенным признаком следственной ошибки принятие на ее основе решений, противоречащих закону. Ошибочные суждения и действия следователя могут не противоречить закону: закон отнюдь не устанавливает критериев правильности его суждений или действий. Что же касается определения следственной ошибки, предложенного Г.А. Зориным, то оно носит настолько общий и неспецифический характер, что ему может соответствовать не только ошибка, но и любое упущение и даже умышленно неверные суждения и действия.

Полагаю, что отличительными признаками ошибки в рассматриваемой сфере общественной практики, помимо того, что всякая ошибка — результат не умысла или неосторожности, а лишь добросовестного заблуждения, служат:

1) специфическая область совершения и проявления ошибки — следственная, экспертная или судебная деятельность;

2) субъект ошибочных суждений или действий — должностное лицо правоохранительных или судебных органов, а также участники судопроизводства (однако если быть точным, то ошибки непосредственно совершаются первыми; ошибочные суждения или действия вторых служат лишь побудительным мотивом или основанием для ошибочных действий или представлений следователей, экспертов, судей);

3) ошибка не является упущением, поскольку при упущении лицо не выполняет должное не в силу добросовестного заблуждения, а по причине того, что игнорирует, пренебрегает должным, легкомысленно или самонадеянно относится к требованиям.

В известном смысле упущение можно сравнить с деянием, совершенным по неосторожности. По аналогии с неосторожным преступлением упущение может быть следствием легкомыслия, когда субъект без достаточных оснований самонадеянно рассчитывает предотвратить негативные последствия упущения. Упущение может быть результатом небрежности: последствия упущения можно было предусмотреть при необходимой

внимательности и осмотрительности, чего сделано не было.

Упущение может относиться к самым различным обстоятельствам процесса расследования: к пропуску сроков проведения следственного действия, невызову специалиста для участия в осмотре места происшествия, к необеспечению раздельного содержания в СИЗО задержанных и т.п. Самое главное, что упущение не объясняется заблуждением, оно здесь ни при чем: не в чем было заблуждаться.

Отличие ошибки от преступления может быть выражено одним словом: "заведомо" — привлечение *заведомо* невиновного к уголовной ответственности и как следствие — незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей и наоборот — незаконное освобождение от уголовной ответственности; вынесение *заведомо* неправосудных приговора, решения или иного судебного акта; *заведомо* ложное заключение эксперта; наконец, фальсификация доказательств — действие, которое не может быть совершено по ошибке, по недомыслию. Таким образом, с одной стороны — добросовестное заблуждение субъекта, который искренне считает, что мыслит и действует правильно, надлежащим образом, реально соответствующим достижению цели судопроизводства, с другой — заведомо неверное, ущербное или даже преступное поведение, с осознанием этой ущербности или преступности. Осознание ложности своих выводов, неправильности или даже преступности действий исключают заблуждение как такое психическое состояние, при котором субъект не осознает неправильности своих суждений и действий и убежден в обратном.

В логике заблуждение рассматривают как несоответствующее, неправильное, одностороннее представление предметов, явлений в сознании человека, в отличие от истины, которая является адекватным отражением предметов, явлений объективной действительности, "воспроизводящим предмет в сознании таким, каким он есть на самом деле"¹. По мысли Энгельса,

истина и заблуждение, "подобно всем логическим категориям, движущимся в полярных противоположностях, имеют абсолютное значение только в пределах чрезвычайно ограниченной области... А если мы попытаемся применять эту противоположность вне пределов указанной области как абсолютную, то мы уже совсем потерпим фиаско: оба полюса противоположности превратятся каждый в свою противоположность, т.е. истина станет заблуждением, заблуждение — истиной"¹.

Известно, что истина лежит в основе формирования внутреннего убеждения следователя. Как замечает А.Р. Ратинов, "внутреннее убеждение понимается как самоубеждение, как формирование собственного взгляда на фактические обстоятельства дела, как необходимость личной оценки доказательств"². Но истина, за которую добросовестно принимается заблуждение и которая, следовательно, только представляется истинной, влечет ошибочность этого убеждения, что служит источником многочисленных ошибок. Именно поэтому заблуждение не может расцениваться только как личное дело заблуждающегося; оно налагает отпечаток на весь процесс доказывания и приобретает всегда то или иное общественное значение.

2. Классификация ошибок в уголовном судопроизводстве

Авторы, исследовавшие проблему ошибок в судопроизводстве, чаще всего уделяли внимание следственным ошибкам — соответственно, именно они и классифицировались.

Упоминавшийся авторский коллектив ВНИИ Прокуратуры СССР различал три вида следственных ошибок: односторонность и неполнота исследования обстоятельств дела; существенные нарушения уголовно-процессуального закона; неправильное применение уголовного закона³.

¹ *Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20 С. 92.*
Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей М, 1967. С. 138
² *См.. Там же. С. 182.*

Н.Л. Гранат предлагает две классификации следственных ошибок: деление их на процессуальные и тактические, а в сфере познавательной и оценочной деятельности — на ошибки при установлении фактических обстоятельств дела и в неправильной правовой оценке (квалификации) деяния¹.

В.И. Левонец привел такую классификацию следственных ошибок:

- 1) уголовно-правовые ошибки;
- 2) организационно-тактические ошибки;
- 3) психологические ошибки;
- 4) комплексные ошибки.

С позиции их обнаружения ошибки следует разделить на явные, обнаруженные и скрытые, латентные².

На явные и скрытые разделила криминалистические ошибки В.С. Бурданова³.

Наиболее детально классифицировал следственные ошибки Г.А. Зорин. По содержанию он разделил их на организационно-тактические, уголовно-процессуальные и уголовно-правовые. Другими основаниями для классификации у него выступают:

- 1) ошибки в структурных элементах следственного действия;
- 2) ошибки в микроструктуре следственного действия;
- 3) степень их осознанности следователем.

По первому основанию различаются ошибки:

- в оценке исходных данных;
- в определении целей следственного действия;
- в объекте действия;
- в характере действия;
- в избрании места и времени действия.

По второму основанию:

- ошибки восприятия;

¹ См.: Ратимов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967. С. 58.

² См.: Левонец В. И. Криминалистическая методология преодоления латентных ошибок. Гродно, 1994. С. 10.

³ См.: Бурданова В. С. Указ. соч. С. 118.

- ошибки переработки, оценки информации при принятии решений;
- ошибки при реализации принятых решений (моторный период);
- ошибки при приеме информации по каналам обратной связи.

По третьему основанию:

- ошибки, осознанные следователем в процессе выполнения следственного действия;
- ошибки, осознанные следователем после производства действия;
- ошибки, осознанные следователем и имеющие прогнозируемую основу;
- ошибки, не замеченные следователем во время и после следственного действия (латентные ошибки)¹.

В литературе фигурируют и классификации экспертных ошибок. Так, Г.Е. Макушкина, И.Г. Вермель, Л.В. Кочнева подразделили их на технические, тактические и ошибки восприятия². Мною было предложено классифицировать экспертные ошибки на ошибки процессуального характера, гносеологические (логические и фактические, т.е. предметные) и деятельностные (операционные)³.

Сказанное свидетельствует, что единственным -общим основанием классификации ошибок в судопроизводстве является их разделение по субъекту ошибочных действий. По этому основанию и различают следственные ошибки, экспертные ошибки и судебные ошибки. Все другие основания носят специальный, частный характер или вообще являются классификациями не ошибок, а действий или операций с ними. Пожалуй, лишь еще одну классификацию с

¹ См.: Зорин Г. А. Теоретические основы криминалистики. Минск, 2000. С. 286—288. Ранее эта классификация была им приведена в кн. Криминалистическая эвристика. Гродно, 1994. Т. 2. С. 99—100.

² См.: Макушкина Г. Е., Вермель И. Г., Кочнева Л. В. Понятия, причины и профилактика экспертных ошибок // Судебно-экспертное исследование человека и его деятельности. Свердловск, 1985. С. 104—109.

³ См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 2. М., 1997. С. 337.

известной степени условности можно отнести к категории общих — деление ошибок на обнаруживаемые и латентные, хотя эта классификация выражает в большей степени не ошибки (они могут быть самыми различными), а деятельность субъекта по их выявлению.

Если исходить из самой сущности ошибки в судопроизводстве, то представляется возможным разделить их на ошибки в суждениях и ошибки в действиях. Я именовал ошибки в суждениях гносеологическими, т.е. ошибками в познании — соответственно содержательном и оценочном. Это ошибки, которые могут быть допущены при познании сущности, свойств и признаков объектов, отношений между ними, а также при оценке результатов содержательного познания.

Гносеологические ошибки следует разделить на логические и фактические (предметные). **Логические** — это "ошибки, связанные с нарушением в содержательных мыслительных актах законов и правил логики, а также с некорректным применением логических приемов и операций"¹. В традиционной логике они подразделяются на ошибки в посылках, т.е. в основаниях доказательства, ошибки в отношении тезиса, т.е. доказываемого положения, и ошибки в аргументации, типичными из которых являются, например, смешение причинной связи с простой последовательностью во времени или обоснование тезиса аргументами, которые сами по себе являются верными, но из которых доказываемый тезис не вытекает². В той или иной степени логические ошибки — следствие нарушения логических законов *тождества* ("всякая сущность совпадает сама с собой"), *противоречия* ("никакое суждение не может одновременно быть истинным и ложным"), *исключенного третьего* ("для произвольного высказывания либо оно само, либо его отрицание истинно"), *достаточного основания* ("вся-

¹ Философский энциклопедический словарь М., 1983. С. 322

² См.: Кондаков Н. И. Логический словарь. М., 1971. С. 272—273.

кое принимаемое суждение должно быть надлежащим образом обосновано")¹.

Фактические, или предметные, ошибки — искаженное представление об отношениях между предметами объективного мира, при этом "...предметные ошибки, которые относятся к содержанию умозаключения, могут быть замечены и исправлены только тем, кто знаком с самим предметом, о котором идет речь"². Наглядный пример — ошибки в уголовно-правовой квалификации расследуемого события. В экспертной практике это "случаи необоснованного использования для обоснования экспертного вывода признаков, "нейтральных" для решения поставленной задачи. Например, в совокупность признаков, которые являются основанием для установления исполнителя рукописи, включаются признаки, характеризующие автора рукописи. Вывод об одной совокупности предметов основывается на признаках состава материалов предметов"³. Естественно, что подобные фактические ошибки может обнаружить только лицо, компетентное в подобного рода вопросах.

Ошибки в действиях (деятельностные, операционные) связаны с осуществляемыми субъектом деятельности операциями и процедурами в процессе расследования, экспертного исследования или судебного разбирательства уголовных дел. Они заключаются в нарушении предписанной последовательности этих процедур, в отступлениях от методики их осуществления, в неправильном использовании средств деятельности или использовании негодных средств и т.п.

В этом плане интерес представляет вопрос о том, возможно ли по ошибке нарушить процессуальный закон?

Ряд упоминавшихся авторов, выделяя категорию правовых ошибок, включают в нее ошибки уголовно-

¹ Философский энциклопедический словарь М., 1983 С. 322.

² Кондаков Н. И. Логический словарь. М., 1971. С. 273

Берзин В. Ф. Логические аспекты оценки заключения эксперта-криминалиста // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 16. Киев, 1978. С. 20.

правового и уголовно-процессуального характера. Как сказано ранее, ошибки уголовно-правового характера действительно возможны, они связаны с оценочным познанием и выражаются в неверной квалификации события. Думаю, что столь же категорически утверждать возможность существования процессуальных ошибок едва ли следует.

В своей значительной части процессуальный закон — это закон о процедурах, действиях, их участниках и условиях. В этой части следует, думается, признать, что нарушение процедур, предписаний закона — не ошибка, а упущение, допускаемое по легкомыслию или самонадеянности. Можно ли назвать ошибкой предъявление человека для опознания не в группе, а в одиночку? Производство опытов, унижающих достоинство участников? Изъятие с места обыска предметов без указания на изъятие в протоколе? Все это — существенные нарушения процессуального закона, но они никак не относятся к добросовестному заблуждению: здесь просто не в чем заблуждаться.

Но в уголовно-процессуальном праве есть такие нормы, в отношении условий и содержания которых заблуждение возможно.

В ст. 6 УПК идет речь о прекращении уголовного дела вследствие изменения обстановки. Об изменении обстановки судит следователь, и суждение это может быть ошибочным. Ошибочным может оказаться признание лица потерпевшим (ст. 53 УПК), ошибки могут быть допущены при собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств, что связано с решением вопросов об их относимости, содержащейся в них доказательственной информации, состоянием доказанности и т.п. Наконец, различные ошибки возможны в обвинительном заключении.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что односторонность и неполноту расследования нельзя объяснять исключительно следственными ошибками, как полагают авторы упоминавшегося исследования ВНИИ Прокуратуры СССР. Думаю, что в большей

своей части это — результат не ошибок, а упущений следователей (неисследованность события преступления, недостаточное исследование виновности обвиняемого, незаконные решения о приостановлении или прекращении уголовного дела и т.п.).

Резюмируя сказанное, полагаю, что для анализа ошибок в судопроизводстве целесообразно руководствоваться двумя классификациями: по субъектам ошибочных действий (классификация первого уровня) и по содержательной сущности ошибок (классификация второго уровня): соответственно следственные, экспертные и судебные ошибки; гносеологические и деятельностные (операционные) ошибки.

3. Следственные ошибки

Гносеологические (логические и предметные) ошибки составляют значительную часть следственных ошибок.

Логические ошибки связаны с искажением связей между мыслями, и они могут быть разделены на четыре группы:

- ошибки в понятиях;
- ошибки в суждениях;
- ошибки в умозаключениях;
- ошибки в доказательствах¹.

Характерна для логических ошибок их тесная связь с психологией мышления. Г.А. Зорин даже считает, что существуют ошибки, которые следует именовать психологическими. Все они приводят к искажению информации. Ссылаясь на Н.И. Гаврилову, Г.А. Зорин классифицирует эти следственные ошибки так:

1) ошибочное дробление, расчленение целостного объекта, явления, события на не связанные между собой части;

См. *Берназ В. Д.* К вопросу о логических ошибках при решении криминалистических задач // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики на современном этапе: Сб. науч. трудов. Одесса, 1993. С. 230—231.

2) ошибочное объединение различных, не связанных объектов, явлений, фактов в общее целое, как-то эти факты в действительности не были;

3) ошибочное преувеличение реальных параметров и характеристик проявления событий и действий,

4) ошибочное преуменьшение этих параметров и характеристик;

5) ошибочное убавление и наделение описываемых событий, действий, предметов мнимыми и не свойственными им признаками, чертами, особенностями поведения;

6) ошибочное устранение, изъятие, пропуски в описании событий, действий и предметов за счет опущения их признаков, свойств, деталей, проявлений;

7) ошибочная перестановка, замещение реальных объектов, признаков, свойств или действий другими, смещение во времени или перенос в пространстве;

8) ошибочная трансформация, т.е. искажение формы, структуры, последовательности реального события, явления, действия;

9) ошибочное отождествление, усмотрение сходства или различие (ошибки распознавания);

10) ошибочное понимание сказанного в процессе речевого контакта участников расследования¹.

Ошибки в содержательном и оценочном познании обычно связаны между собой: познание какого-либо факта, явления, процесса сопровождается оценкой полученной информации в аспекте доказывания. Содержательная ошибка становится исходной для ошибки оценочной.

Рассмотрим наиболее распространенные объекты ошибочного познания.

Следственная ситуация и ее компоненты. Типичные ошибки мышления следователя:

- ошибочная оценка ситуации как благоприятной или неблагоприятной для расследования;
- преуменьшение или преувеличение степени ос-

¹ См. Зорин Г. А. Криминалистическая методология Минск, 2000 С 271—272

ведомленности противостоящих следствию лиц о действиях и решениях следователя;

- преуменьшение или преувеличение следователем степени значимости неиспользованных источников доказательственной информации и ее содержания;

- ошибочная оценка ситуации как конфликтной или бесконфликтной, преувеличение или преуменьшение остроты конфликта между следователем и противостоящими ему лицами; ошибка в выборе путей разрешения конфликта;

- ошибки в эмпирическом предвидении поведения и действий проходящих по делу лиц, последствий планируемых следственных действий;

- ошибочная оценка следствий разглашения следственной тайны;

- ошибочные тактические решения, связанные с неполным или неточным учетом объективных и субъективных факторов, влияющих на процесс практического познания следователем ситуации, дефицит времени; дефицит исходной информации; противодействие расследованию; недостаточный уровень профессиональной подготовки; отсутствие необходимой поисковой или исследовательской техники; ложные стереотипы поведения; консерватизм практики; конкуренция взаимодействующих при расследовании лиц и др.

Кроме того, на следователя влияет чувство ответственности за исход расследования, значительная степень эмоционально-волевого воздействия обстановки, необходимость рисковать, неумение сознательно применять законы и формы мышления и просто их незнание и др.

Следственные действия. Ранее я привел классификацию Г.А. Зорина для следственных ошибок, относящихся к следственным действиям. Полагаю, что дополнением к ней может служить включение некоторых других, также связанных со следственными действиями ошибок:

- 1) ошибки при исследовании и оценке информации, содержащейся в оперативных источниках при

Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня
проведении оперативно-розыскных мероприятий обеспечения характера;

2) ошибки в структуре и целях тактической комбинации (операции);

3) ошибки в определении следственных действий как элемента оперативно-тактической комбинации;

4) ошибки в выборе путей и форм реализации оперативной информации при расследовании;

5) ошибочные поступки участников следственного действия, оставшиеся без должного реагирования со стороны следователя.

Доказательства. Имеются в виду следственные ошибки, допускаемые на всех стадиях процесса доказывания: при собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств. Здесь возможны и логические, и предметные ошибки.

При собирании доказательств одной из распространенных ошибок является стремление расширить круг источников одной и той же информации, например, не оправданное обстоятельствами расширение круга свидетелей одного и того же факта, явления или стремление изъять как можно больше предметов с материальными следами, не задумываясь об их относимости к делу. Противоположной ошибкой становится неоправданное сужение круга таких источников, убеждение в том, что для дела достаточно их минимума.

При исследовании и оценке доказательств типичные ошибки порождает не критическое отношение к источникам доказательств.

Об ошибках в источниках вербальной информации немало сказано в специальной литературе. Эти ошибки могут быть результатом добросовестного заблуждения свидетелей, потерпевших и даже подозреваемых и обвиняемых. Но они могут быть и действительно ошибками следователя при его не критическом отношении к показаниям, сознательно искажающим действительность, ложным или ни на чем не основанным и являющимся плодом фантазии или предположением, выдаваемым за реальность.

Особо следует остановиться на оценке следователем заключения специалиста или эксперта.

Источником следственной ошибки могут стать ошибочная консультативная деятельность специалиста и ошибки при производстве так называемых предварительных исследований, осуществляемых как оперативно-розыскное мероприятие до возбуждения уголовного дела. При их производстве возможны ошибки в объекте и методах исследования, в интерпретации его результатов, не вызванное необходимостью полное уничтожение исследуемых объектов и т.п.

Ошибки при исследовании и оценке заключения эксперта целесообразно разделить на две группы: 1) ошибки, связанные с отсутствием объективной возможности оценить заключение эксперта по существу, и 2) ошибки, связанные с использованием заключения эксперта.

К первой группе могут быть отнесены:

- ошибочная оценка компетентности эксперта (следователь судит о ней по скупым данным, приводящимся в заключении: характер образования и стаж практической работы эксперта — ни то ни другое не дает объективных оснований для утверждения о компетентности эксперта: образование может быть некачественным или соответствующим предмету экспертизы лишь чисто номинально; стаж работы никак не свидетельствует об опытности эксперта в решении именно данных задач);
- ошибочная оценка примененных экспертом методов исследования как удовлетворяющих требованиям науки и практики (для действительно критической оценки этих методов следователь не обладает соответствующими специальными познаниями);
- ошибочная оценка промежуточных выводов эксперта как вытекающих из проведенного исследования (правильная оценка опять-таки требует специальных познаний; это же можно сказать и об оценке окончательных выводов);

- ошибочная оценка доказательственного значения категорических выводов и игнорирование (в соответствии со сложившимися стереотипами) вероятных.

Ко второй группе могут быть отнесены:

- ошибочные представления о возможностях данного рода, вида судебных экспертиз (следствием этого может быть назначение экспертизы без учета реальных возможностей данного рода, вида экспертизы или необоснованное назначение повторной экспертизы в расчете на получение нужных выводов от "более компетентного" эксперта или технически лучше оснащенного экспертного учреждения);

- ошибочная недооценка экспертной инициативы и возможностей ее использования при расследовании;

- ошибочное использование в системе доказательств заключения эксперта, содержащего выводы о фактах, не имеющих отношения к расследуемому делу; ошибочное использование этого заключения в итоговых процессуальных документах.

Ошибки при исследовании и оценке материальных источников информации как предположительных вещественных доказательств заключаются:

- в ошибочном представлении об их пригодности для решения конкретных экспертных задач или, наоборот, их полной непригодности для этих целей;

- в ошибках при отборе проб, эталонов и т.п. для исследования;

- в ошибках при получении иных образцов для сравнительного исследования в силу заблуждения, что соблюдать те или иные рекомендации и не обязательно;

- в ошибочном представлении об относимости (неотносимости) объектов к делу;

- в ошибочных действиях с объектами, которые ранее в следственной практике не встречались и потому правила обращения с ними еще не выработаны.

Следствием всех этих ошибок и могут стать односторонность и существенная неполнота исследования обстоятельств дела, влекущие негативные процессуальные последствия: необоснованное возбуждение или

прекращение уголовного дела; принятие ошибочного решения об объединении или выделении уголовных дел, о приостановлении производства по делу и т.п.

Особую роль играют следственные ошибки в уголовно-правовой квалификации деяния. Это логические ошибки оценочного характера, которые отражаются в таких важных процессуальных документах, как постановление о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительное заключение. И тот и другой документ, неся в себе следственные ошибки, могут их усугубить вытекающими из содержания этих документов следствиями: необоснованным избранием меры пресечения, наложением ареста на имущество и т.п. — вплоть до существенных судебных ошибок.

Деятельностные ошибки связаны с ошибками гносеологическими, когда представляют собой реализацию ошибочных результатов познания тех или иных фактов или явлений, принятых на основе этого решений. Но они могут и не быть связаны с гносеологическими следственными ошибками, выражаясь в ошибочном выборе варианта действий по реализации верных результатов познания обстоятельств дела.

Как правило, при реализации ошибочного решения действия, которые ему адекватны, нельзя называть ошибочными: они именно таковы, какими должны быть для достижения намеченной цели. Но при ошибочном решении могут оказаться ошибочными и действия следователя, что усугубляет ситуацию в целом. Например, следователем было принято ошибочное решение задержать подозреваемого. Ошибочным оно было потому, что для этого еще не было достаточных оснований и сам факт задержания раскрывал тактический замысел следователя преждевременно, ибо успешная реализация этого замысла требовала наличия определенных условий, которых к моменту намеченного задержания еще не возникло. В силу неумелой организации и неквалифицированных действий задержание осуществить не удалось. Одна ошибка — деятельностная — наложилась на Другую — логическую

От подобных ошибок не застрахована реализация и верных решений. Здесь возможны два варианта:

а) в тех случаях, когда у субъекта действий имеется выбор, он выбирает ошибочный вариант — и действия не достигнут цели,

б) в тех случаях, когда такого выбора нет и возможно лишь определенное действие, ошибка заключается в неправильном выборе средств действия или отказе от рекомендуемой процедуры его осуществления и т.п.

В общем виде деятельности следственные ошибки могут заключаться в следующем:

1) ошибочный выбор действия из имеющихся вариантов;

2) совершение действий на авось, без предварительной подготовки, анализа возможных результатов;

3) ошибки, допускаемые вследствие незнания рекомендованной методики осуществления действия, алгоритма его осуществления, необходимых для его успешности условий;

4) ошибки в выборе средств действия или использование непригодных либо неисправных средств;

5) ошибки при комплексировании приемов и средств осуществления деятельности — вариантами таких ошибок бывают:

- ложное представление о смысле тактической комбинации, когда ею именуют простую очередность тех или иных приемов или средств, которые практически не связаны друг с другом, например, именуют тактической комбинацией (операцией) совокупность приемов и средств отождествления личности погибшего, когда решение задачи одним из них делает ненужными все остальные, содержащиеся в этой совокупности, в этом перечне;

- нарушение необходимой последовательности запланированных действий;

- некритический подбор исполнителей действий, входящих в комплекс, и, как следствие, неквалифицированность этих действий;

б) ошибки в действиях как следствие ошибок в рефлексии,

7) непринятие надлежащих мер по минимизации тактического риска;

8) действия без учета вероятного противодействия расследованию

Деятельностные ошибки — вследствие реальности, а порой и необратимости результатов — с трудом могут быть нейтрализованы и поэтому весьма опасны.

Обнаружение следственных ошибок, их ликвидация или нейтрализация. Следственные ошибки могут быть обнаружены прежде всего самим следователем. Это происходит, во-первых, при анализе и переоценке следственной ситуации. Необходимость в такой переоценке может возникнуть при определении путей расследования и планировании начального этапа расследования, когда обнаруживается, что данные о следственной ситуации не стыкуются, носят противоречивый характер и тем самым порождают сомнения в правильности оценки ситуации.

Во-вторых, ошибки могут быть обнаружены на любой стадии следственного действия' при его подготовке, осуществлении и оценке полученных результатов. Например, при оценке результатов следственного эксперимента выясняется, что не было достигнуто необходимого сходства в условиях исследуемого и экспериментального событий.

В-третьих, ошибки могут быть обнаружены при анализе хода и результатов следственного действия, осуществляемого в условиях тактического риска и завершившегося негативным результатом. Цель такого анализа и заключается в установлении, в чем была ошибка, которая привела к этому результату, несмотря на принятые меры по минимизации или нейтрализации возможного риска.

В-четвертых, ошибки могут быть обнаружены при формировании доказательственной базы по делу, когда проверяется относимость и допустимость доказательств.

Наконец, в-пятых, ошибки могут быть обнаружены следователем при составлении итоговых процессуальных документов.

Другие субъекты обнаружения следственных ошибок — руководитель следственного подразделения и прокурор, надзирающий (или руководящий) за производством предварительного следствия и утверждающий обвинительное заключение. Эти лица могут дать следователю указания об исправлении допущенных ошибок, возвратить ему дело для производства дополнительных следственных действий в связи с неполнотой исследования обстоятельств события и даже передать дело другому следователю для исправления допущенных ошибок и восполнения обнаруженных пробелов.

Обнаружение следственных ошибок защитником может иметь двоякие последствия. В лучшем случае адвокат укажет на эти ошибки следователю или руководителю расследованием. В худшем — умолчит об ошибках до тактически выгодного ему момента, вплоть до судебного разбирательства, в надежде использовать их для того, чтобы "развалить дело" и добиться либо оправдательного приговора, либо его направления на новое судебное рассмотрение или на доследование, рассчитывая, что дело будет прекращено ввиду невозможности исправления допущенных ошибок (например, допроса уже умершего свидетеля или потерпевшего, повторного опознания).

Обнаружение существенных следственных ошибок судом влечет те же последствия.

Предупреждение следственных ошибок. Г.А. Зорин справедливо считает, что снизить вероятность следственных ошибок возможно путем выполнения комплекса профилактических мероприятий:

"1. Выявить ошибки, которые могут быть совершены при выполнении предстоящего следственного действия, с учетом индивидуальных особенностей участников будущего действия". Это предполагает: "а) установление традиционно совершаемых типичных ошибок (рассмотреть возможность их совершения в реальном действии); б) определение индивидуальных для ситуации условий, при которых может быть совершена следственная ошибка; в) выявление возможностей со-

четания оснований для типовой следственной ошибки и индивидуальной (оригинальной) ошибки., т.е. речь может идти о суммировании возможностей совершения ошибки.

2. Определить этапы развития предстоящей следственной ситуации, на которых могут быть допущены ошибки, т.е. время и место, когда совершение следственной ошибки наиболее вероятно...

3. Определить степень влияния возможных следственных ошибок на планируемое следственное мероприятие.

4. Установить причины следственной ошибки...

5. Определить пути, средства и методы предотвращения ошибок и их возможных последствий"¹.

Первые три пункта действительно направлены на предупреждение следственных ошибок; в четвертом речь уже идет о допущенной ошибке; но пятый пункт вызывает недоумение: разве все сказанное в первых трех пунктах не преследует ту же цель?

Весьма абстрактно выглядят и рекомендуемые Г. А. Зориным специальные меры профилактики следственных ошибок: "повышение качества стандартных следственных действий; повышение эффективности и результативности следственных действий, что фактически то же самое, что и повышение их качества; постоянный инициативный поиск ситуаций, в которых возможны ошибки, и прогнозирование развития таких ситуаций; снижение возможности возникновения проблемных ситуаций и использование разработанных логических методов поиска решений таких проблемных ситуаций"².

На мой взгляд, если уж говорить о профилактике следственных ошибок, то она заключается в:

1) повышении профессионального уровня следователей, их знаний о том, как следует поступать в типичных и нетипичных ситуациях, чтобы не совершить ошибок;

¹ Зорин Г. А. Теоретические основы криминалистики Минск, 2000 С 289—290

² Там же. С. 296—297.

- 2) принятии мер к упрощению следственной ситуации, снятии содержащихся в ней проблем;
- 3) предельной минимизации необоснованного тактического риска путем разработки правил такой минимизации для типичных рискованных ситуаций;
- 4) разработке системы алгоритмов действий следователя в типичных и нетипичных ситуациях;
- 5) разработке общепринятой классификации следственных ошибок, их причин, мер предупреждения и обнаружения.

4. Экспертные ошибки

Доказательственная значимость экспертного заключения зависит от его истинности, внутренней непротиворечивости, точности и достоверности всех действий, оценок и выводов эксперта. Допущенные экспертом в ходе и результатах проведенного исследования ошибки могут сделать этот источник доказательств ничтожным.

Экспертная ошибка, как и ошибка следственная, — результат добросовестного заблуждения. Иногда в литературе она трактуется иначе, как "его выводы, не соответствующие действительности, а также неправильности в действиях или рассуждениях, отражающих процесс экспертного исследования, — в представлениях, суждениях, понятиях"¹. Но в этом определении отсутствует основной признак ошибки: ошибка — результат добросовестного заблуждения эксперта. Именно этот признак отличает экспертную ошибку от совершаемого экспертом преступления против правосудия — заведомо ложного заключения.

Заведомая ложность заключения эксперта может выражаться в сознательном игнорировании или умалчивании при исследовании существенных фактов и признаков объектов экспертизы, в искаженном описа-

¹ Грановский Г. Л. Природа, причины экспертных ошибок и пути их устранения // Новые разработки и дискуссионные проблемы теории и практики судебной экспертизы. М., 1983. С. 2.

нии этих фактов и признаков, заведомо неправильной их оценке или заведомо неверных действиях и операциях по их исследованию, умышленно неверному выбору экспертной методики или ее применению. Осознание ложности своих выводов или неправильности действий исключают заблуждение как такое психическое состояние, при котором субъект не осознает неправильности своих суждений или действий, искренне полагает, что он мыслит и действует правильно. Н.И. Клименко также считает, что ошибка — результат добросовестного заблуждения, но при этом допускает, что ошибка может быть и следствием сознательного нарушения экспертом требований методики исследования¹. Невольно возникает вопрос: не противоречит ли последнее утверждение представлению об ошибке как о добросовестном заблуждении? Думаю, что не противоречит, но требует пояснения.

Даже если эксперт сознательно отступит от рекомендованной методики, это может быть расценено как заблуждение. Суть в том, что он отступает от методики, искренне полагая, что действует для пользы дела, и в этом он добросовестно заблуждается. Ошибка вовсе не заключается в неких бессознательных действиях, и суждения и действия осознаются — не осознается лишь их ошибочный характер.

Я уже упоминал свою классификацию экспертных ошибок, их подразделение на процессуальные, гносеологические и деятельностные (операционные).

Ошибки процессуального характера заключаются в нарушении экспертом процессуального режима и процедуры экспертного исследования. К их числу относятся: выход эксперта за пределы своей компетенции, в частности, вторжение его в сферу вопросов права; выражение экспертной инициативы в не предусмотренных законом формах; обоснование выводов не результатами исследования, а материалами дела и т.п. Ошибки процессуального характера могут являть-

¹ См.. *Клименко Н. И.* Экспертные ошибки и их причины // Криминалистика и суд. экспертиза. Вып. 37. Киев, 1988. С. 38.

Криминалистика' проблемы сегодняшнего дня
ся следствием не критического отношения к формулировке или сущности экспертного задания либо неверных действий руководителя экспертного учреждения.

Гносеологические (логические и предметные) экспертные ошибки коренятся в сложностях экспертного познания. Деятельностные ошибки связаны с осуществляемыми экспертом операциями, порой весьма сложными, и процедурами с объектами исследования. Они могут иметь место при проведении любых исследований или экспертиз какого-либо рода, вида. В современных условиях ошибки такого рода нередко связаны с нарушениями правил эксплуатации сложных технических устройств и приборов или с их неисправностью.

Причины экспертных ошибок. Они могут быть двоякого рода: объективные, т.е. не зависящие от эксперта как субъекта экспертного исследования, и субъективные — коренящиеся в образе мышления и/или действиях эксперта. Такое деление причин экспертных ошибок носит условный, методический характер, поскольку, как правильно отмечается в литературе, "субъективные ошибки сами имеют объективное основание"¹. Но из этого, верного в основе, тезиса порой делается неправильный вывод о том, что "происхождение экспертных ошибок может быть обусловлено двумя факторами: 1) объективными условиями, затрудняющими и усложняющими сам процесс экспертного исследования и формулирования вывода, что создает реальную возможность экспертной ошибки, и 2) субъективными причинами, превращающими возможность экспертной ошибки в действительность"².

Эта позиция фактически исключает существование объективных причин экспертных ошибок, ибо предполагает, что объективно существует лишь возможность ошибки, а причина ее коренится в мышлении или действиях субъекта исследования. Экспертная же практика свидетельствует о том, что объективная возможность

¹ Каплунов И. М. Объективные и субъективные причины экспертных ошибок (методические рекомендации). Ташкент, 1977. С. 1.

² Там же.

ошибки может стать действительностью и по причине, не зависящей от эксперта, т.е. объективной.

Поскольку дать исчерпывающий перечень причин экспертных ошибок не представляется возможным, ограничусь указанием лишь наиболее распространенных или типичных.

1. Объективные причины экспертных ошибок:

- отсутствие разработанной методики экспертного исследования данного рода, вида объектов;
- несовершенство используемой экспертной методики;
- применение ошибочно рекомендованных методов;
- отсутствие полных данных, характеризующих идентификационную или диагностическую ценность признаков, устойчивость их отображений в следах;
- использование приборов и инструментов, неисправных или не обладающих достаточной разрешающей способностью;
- использование неадекватных математических моделей и компьютерных программ.

2. Субъективные причины экспертных ошибок:

- профессиональная некомпетентность эксперта, проявляющаяся, помимо прочего, в его попытках решить вопросы, относящиеся к той области специальных познаний, которыми он профессионально не владеет¹;
- профессиональные деформации личности эксперта: поверхностность проводимого исследования, пренебрежение методическими рекомендациями и т.п.;
- дефекты органов чувств эксперта и его неординарные психические состояния (стресс, конфликт в коллективе, усталость и т.п.);
- характерологические черты личности эксперта: неуверенность или, наоборот, преувеличенная уверен-

¹ Справедливости ради отметим, что границы области компетентности эксперта бывают достаточно размыты, так 4ТQ эксперт может и не осознавать, что выходит за ее пределы (см/ *Белкин А. Р. Теория доказывания.* М, 1999 С. 258).

ность в своих знаниях, опыте, умениях, повышенная внушаемость, мнительность, конформизм и др.;

- влияние материалов дела, в том числе заключения предшествующей экспертизы или авторитета проводившего ее эксперта, поведения следователя, руководителя экспертного учреждения;

- стремление проявить экспертную инициативу без достаточных для того оснований, утвердить свой приоритет в применении нетривиальных методов, отличаться новизной и дерзостью решения, оригинальностью суждений и выводов;

- логические дефекты умозаключений эксперта;

- дефекты в организации и планировании экспертного исследования.

Причина ошибочного заключения эксперта не всегда лежит в области допущенных им ошибок. Экспертное исследование может быть проведено безупречно и сделанные выводы полностью соответствовать полученным результатам, но если исходные для экспертизы данные были ошибочными или фальсифицированными, либо исследуемые объекты не имели отношения к делу, заключение — в аспекте установления истины по делу — окажется ошибочным. В этом случае не может быть речи об экспертной ошибке, поскольку это либо ошибочные действия органа, назначившего экспертизу, либо его умышленно неправильные действия.

Несколько по-иному подошел к проблеме экспертных ошибок и упущений А.Р. Белкин. Рассмотрев их причины с позиций теории искусственного интеллекта и когнитивной психологии, он выделил две большие группы свойств, присущих эксперту и могущих повлечь экспертные ошибки. К первой группе свойств им были отнесены характеристики, свойственные человеческой природе эксперта вообще, ко второй — характеристики реального, "неидеального" эксперта. В итоге первая группа свойств порождает в основном ошибки объективного характера, вторая — субъективного¹. Отметим, однако, что понятие "эксперт" при этом трактуется

¹ См.: Белкин А. Р. Теория доказывания М, 1999 С. 253—269

А.Р. Белкиным очень широко, гораздо шире, чем это необходимо для наших целей; кроме того, проведение различия между ошибками и упущениями не входило в его планы.

Обнаружение экспертных ошибок может иметь место:

- при проверке самим экспертом хода и результатов экспертного исследования на любой его стадии, и в особенности на стадии формулирования выводов;
- при анализе и обсуждении результатов исследования, осуществляемого комиссией экспертов;
- при анализе заключений предшествующих экспертиз;
- при проверке хода и результатов исследования руководителем экспертного учреждения, подразделения;
- при оценке заключения следователем или судом.

Наконец, экспертные ошибки могут быть обнаружены при обобщении экспертной практики в научных или практических целях. Существенное для судопроизводства значение имеет обнаружение лишь тех ошибок, которые повлекли неправильный вывод эксперта и остались незамеченными при оценке заключения следователем и судом. Если такое заключение легло в основу процессуального решения, определяющего судьбу дела (постановление о прекращении уголовного дела или приговор), руководитель экспертного учреждения обязан поставить в известность об обнаруженной экспертной ошибке и ее значении орган, назначивший экспертизу, или суд, рассматривающий дело по существу, а после вынесения приговора — соответствующую судебную инстанцию или прокуратуру.

5. Судебные ошибки

Литература вопроса значительно беднее, нежели по проблематике следственных и даже экспертных ошибок. Мне известно лишь о двух целенаправленных исследованиях судебных ошибок, проведенных в 1960-х гг. авторским коллективом Воронежского госуниверситета в

Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня
составе В.Е. Чугунова, Г.Ф. Горского и Л.Д. Кокорева и
в 1970-х гг. — большим коллективом московских уче-
ных под руководством И.Л. Петрухина. Причем если в
первом случае исследование проводилось на основе
изучения 842 уголовных дел, то во втором — преиму-
щественно на основе государственной судебной стати-
стики в Верховном Суде СССР и Министерстве юсти-
ции СССР¹.

Исследователи разделили судебные ошибки на
две группы: процессуальные и уголовно-правовые.
О том, как трактуется понятие судебной ошибки, ста-
новится ясным из опубликованного в работах по ре-
зультатам исследований перечня ошибок обоих видов:

1. Процессуальные ошибки:

- односторонность или неполнота предварительного
или судебного следствия;
- несоответствие выводов суда фактическим обсто-
ятельствам дела;
- существенные нарушения уголовно-процессуаль-
ного закона;
- неправильное установление какого-либо элемен-
та предмета доказывания.

2. Уголовно-правовые ошибки:

- неправильная квалификация деяния;
- неправильное избрание вида и меры наказания.

Из приведенного перечня нетрудно убедиться, что
в нем идет речь не только о собственно судебных ошиб-
ках, но и о профессиональных упущениях судей, кото-
рые никак нельзя относить к добросовестным заблужде-
ниям, определяющим сущность ошибки в судопроизвод-
стве. На мой взгляд, нельзя считать судебной ошибкой
односторонность или неполноту судебного следствия или
существенные нарушения процессуального закона; не
всегда являются судебной ошибкой и неправильно опре-
деленные вид и мера наказания.

¹ См.: *Петрухин И. Л.* Статистический анализ структуры судеб-
ных ошибок по уголовным делам // -Вопросы судебной экспер-
тизы. Баку, 1974. № 17. С. 186—208.

Думаю, что природа судебных ошибок не отличается от природы ошибок следственных или экспертных. Это — ошибки гносеологические и деятельностные. Из числа перечисленных к первым можно отнести несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела и неправильное установление того или иного элемента предмета доказывания. Односторонность или неполнота судебного следствия — это не ошибки, а либо упущения, либо результат совершенных судом ошибок.

В приведенном перечне отсутствуют деятельностные судебные ошибки. Между тем они также могут иметь место. Это:

- совершение действий для получения избыточной информации, например допрос свидетелей, в чьих показаниях заведомо для суда не содержится новой информации;
- назначение без достаточных оснований повторных судебных экспертиз, тогда как интересующие суд вопросы могут быть выяснены путем допроса эксперта;
- неустановление важных для дела обстоятельств при исследовании доказательств;
- ошибочно избранный порядок исследования доказательств;
- ошибочные представления суда о возможностях того или иного рода или вида экспертизы и — как следствие — постановка вопросов, которые по объективным причинам эксперт решить не может;
- поручение производства экспертизы некомпетентному эксперту;
- удовлетворение необоснованных и ненужных для установления истины ходатайств подсудимого и сторон.

Это лишь некоторые из деятельностных ошибок суда. Их результатом, помимо названных профессиональных упущений, как правило, бывает неоправданное затягивание судебного разбирательства, напрасная трата времени и средств и даже названные серьезные процессуальные последствия, касающиеся судьбы дела.

Судебные ошибки до сих пор не привлекали внимания криминалистов. Видимо, не последнюю роль в этом сыграло (в свое время) отрицательное отношение некоторых научных авторитетов к необходимости разрабатывать специально для суда криминалистические средства, приемы и методические рекомендации. Между тем проблема "судебной криминалистики" сейчас, пожалуй, становится весьма актуальной в связи с расширением сферы реализации принципа подлинной состязательности уголовного судопроизводства, вплоть до возникновения уже упоминавшейся выше идеи "криминалистики защиты" в противовес "криминалистике обвинения-".

Глава IX. "Санитары" судопроизводства

Цель уголовного судопроизводства — установление истины по делу. Лишь тогда можно считать, что цель достигнута, когда с этим согласны или вынуждены согласиться стороны — как обвинения, так и защиты. Такое возможно лишь в том случае, если стороны обладают равными возможностями достижения этой цели, если они состязаются в установлении истины *на равных*. Состязание на равных и есть реализация одного из краеугольных принципов процесса — принципа состязательности, который в отечественном судопроизводстве декларируется, но еще далек от полного и действительного воплощения. Причин тому много: это и неполная обеспеченность его реализации в правовом отношении, это и косность, приверженность старым взглядам на роли обвинителя и защитника определенной части практиков, это и слабость многих представителей адвокатского сословия, не умеющих использовать в целях действительного установления истины даже те небогатые возможности, которые им предоставляет действующий уголовно-процессуальный закон. Неудивительно, что в силу своей зачастую невысокой профессиональной квалификации именно как защитников адвокаты озабочены в первую очередь поисками не истины, а упущений, пробелов, ошибок следствия, доказательством не истины, а того, что она не установлена обвинением. Их цель, как говорят профессионалы, "развалить дело", показать несостоятельность обвинения и добиться в лучшем случае оправдательного приговора, а в худшем — направления дела на дополнительное рассле-

дование, в процессе которого дело умрет своей смертью" — будет прекращено и обвинению придется прилюдно посыпать главу пеплом, признавая свою несостоятельность.

Обвинять адвокатов в подобных стремлениях несправедливо, да и неправомерно: они не обязаны способствовать утверждению той истины, на которой настаивает обвинение, они ищут "свою" истину, а найдя, стремятся убедить, что это и есть то, что соответствует действительности, или на худой конец продемонстрировать бесплодность предпринятых поисков истины стороной обвинения.

Да простит мне славное адвокатское сословие сравнение, не очень благозвучное по форме, но очень верное по существу.

Известно, что волков называют "санитарами леса". Они нападают на свою жертву не для забавы и развлечения, а для того, чтобы жить, выбирая лишь слабых, больных, не приспособленных к жизни животных, освобождая от них стадо и обеспечивая тем самым здоровую и жизнеспособную популяцию этих животных. Уголовное дело, изобилующее следственными ошибками, упущениями, пробелами в системе доказательств, — "больное", нежизнеспособное дело, оно не должно иметь жизненной перспективы, оно обречено стать "добычей" адвоката — "санитара" судопроизводства.

Признаки "больного" дела — неполнота предварительного следствия, его предвзятость, односторонность, процессуальные упущения и ошибки. Это относится к делу в целом, и "профилактика" подобного "заболевания" заключается в неукоснительном соблюдении требования закона: принять все меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела в точном соответствии с установленной законом процедурой их применения и использования полученных результатов.

Если "болезнь" дела заключается в сказанном и ее "симптомы" очевидны, то обвинению остается лишь уповать на некомпетентность и несообразительность

защиты, оставившей эти "симптомы" без внимания и должного реагирования. Но если признаки "болезни" неочевидны, то адвокат, естественно, будет стремиться их найти. Как свидетельствует практика, сделать это легче всего путем компрометации доказательств. Я не буду сейчас рассматривать такие аргументы защиты, которые связаны с неполнотой следствия (не допрошены те или иные лица, не истребованы какие-то документы, проигнорировано заявление обвиняемого об алиби и т.п.) или нарушением процессуального закона: все это — вопрос факта, аргумент либо принимается и влечет соответствующие последствия, либо отвергается. Остановиться следует на тех "болевых точках" дела, указание на которые защитой способно разрушить всю выстроенную обвинением систему доказательств. Итак:

1. Заявление обвиняемого (подсудимого) о вынужденном под давлением следствия признании вины и об отказе ввиду такого неправомерного воздействия от этого признания — полностью или в части.

Такое заявление не должно быть неожиданным для следователя или стороны обвинения в суде. Распространенность подобных отказов настолько велика, что ее обязаны учитывать сразу же, как последует признание вины.

Отказаться от признания может рекомендовать защитник, обнаруживший, что оно никак не подтверждено материалами дела. Отказ от признания может быть результатом изменения показаний соучастников или свидетелей под воздействием тех или иных обстоятельств (уговоры, подкуп, угроза и др.). Предотвратить или нейтрализовать подобное изменение позиции обвиняемого (подсудимого) можно следующими путями

а) подтвердить признание объективными данными невербального характера, вещественными доказательствами, заключением эксперта, результатами проверки показаний на месте, следственного эксперимента;

б) подтвердить признание аналогичными показаниями соучастников, результатами очных ставок;

в) подтвердить признание системой косвенных доказательств, не допускающей иного, кроме признания, истолкования;

г) фиксацией с помощью технических средств обстоятельств, в которых было получено признание. Такими средствами могут быть видео- и звукозапись существенных для обвинения обстоятельств, в том числе уличающих телефонных переговоров.

2. Компрометация вещественных доказательств обвинения. Здесь у защиты два пути: опровержение их допустимости или относимости к делу.

Заявление о недопустимости использования вещественных доказательств основывается на упущениях и ошибках следствия при собирании и фиксации доказательств или их последующем использовании. Чаще всего это:

а) получение доказательств из непризнанного законом источника. Нередко это вещи, предметы, добытые оперативным путем и не получившие должного процессуального статуса. Никакие ссылки на конспиративность источника не меняют существа дела: они не могут быть признаны вещественными доказательствами. Аналогичная ситуация складывается и при использовании результатов так называемых предварительных исследований, особенно в тех случаях, когда исследуемый объект (в силу технологии его исследования) был уничтожен или существенно изменен;

б) грубые нарушения криминалистических правил работы с вещественными доказательствами, дающие основания усомниться в подлинности последних, неизменности их свойств и признаков, наличии должных условий для их дальнейшего исследования. Это использование приемов обнаружения объектов, не обеспечивающих неизменяемость их состояния; то же самое в отношении приемов сохранения и транспортировки таких объектов. Вопиющим примером подобного обращения с материальными объектами служит направление эксперту предметов, на которых предположительно имеются микрочастицы, свидетельствующие о факте их контактного взаимодействия в общей упаковке;

в) опровержение либо компрометация экспертного заключения в целом или отдельных его результатов, выводов, методов исследования.

Заключение эксперта действительно бывает уязвимым звеном в системе доказательств по делу. Оспорены могут быть:

любые выводы эксперта, если они не имеют достаточных оснований по результатам исследования;

категорические выводы, которые, по мнению защиты, должны носить лишь вероятный, предположительный характер;

методы исследования, которые, опять-таки по мнению защиты, не позволяют получить достоверные выводы;

средства исследования, сомнительные по своей разрешающей способности, точности получаемых результатов и т.п.

Ситуация приобретает значительно более острый характер, когда в соответствии с принципом самостоятельности защита получит право самостоятельно назначать экспертизу, не ходатайствуя об этом перед следователем. Можно предвидеть, что возникнет институт конкурирующей экспертизы, к взаимоотношениям с которым нынешние государственные эксперты и сами экспертные учреждения не готовы и не предвидят возможных сложностей. Главная из них состоит в том, что тогда заключение эксперта, фигурирующее в качестве обвинительного доказательства, уже будет оцениваться не следователем, который, как неоднократно отмечалось, должным образом сделать это не в состоянии, а специалистом, равным, а возможно, и превосходящим по компетентности и профессиональному уровню эксперта, производившего исследование.

3. Опровержение либо компрометация вербальной информации или ее носителей, фигурирующей в системе обвинительных доказательств. Чаще всего речь идет о компрометации свидетельских показаний и показаний потерпевших, содержащих уязвимые с позиции защиты места. Это могут быть неустраненные

противоречия с показаниями иных лиц, показания, дающие основания предположить предвзятость или какую-либо заинтересованность допрашиваемого, наконец, явно сомнительные с точки зрения достоверности показания (по условиям и полноте восприятия обстоятельств, возможности столь долгого удержания воспринятого в памяти, сомнительной детальности и полноты воспроизведения и т.п.).

Эту "болевую точку" дела следователь не только может, но и обязан предвидеть. А предвидя, должен: внимательно проанализировать собранную информацию, устранить все имеющиеся противоречия или должным образом и логично объяснить их существование и невозможность устранения. Доказать, что противоречия не влияют на окончательные выводы по Делу;

проверить (и перепроверить) условия формирования показаний и при неустранимых сомнениях либо заменить их достоверными показаниями, либо изменить их оценку с категорической на вероятную по степени доказательственности.

4. Обвинительное заключение в целом или его отдельные части, в том числе и в особенности уголовно-правовая квалификация инкриминируемого обвиняемому деяния. "Болевыми точками" служат помимо сомнительности квалификации деяния убедительность приведенных в заключении доказательств, связь этих доказательств друг с другом и с формулой обвинения и т.п.

5. "Болевыми точками" могут быть: различные процессуальные и тактические решения, отраженные в материалах дела; решения об избрании меры пресечения или ее отмене по групповым делам, о производстве обыска, оказавшегося безрезультатным, выемке документов, которые в связи с их информационной "пустотой" или выявившейся неотнормированностью к делу возвращены владельцу; решения о соединении и выделении дел, о выделении материалов в отдельное производство и др. Рецепт нейтрализации действий защитника, использующего ошибки

следствия в ходе принятия подобных решений, может быть только один: безукоризненно соблюдать все требования закона.

Роль "санитаров" судопроизводства невозможно переоценить. Именно от них законодатель ждет своеговременного предотвращения судебных ошибок, когда к ответственности привлекается невиновный, когда наказание не соответствует степени общественной опасности содеянного, когда следователь или суд игнорируют обстоятельства, исключающие возможность уголовного преследования или смягчающие наказание. Одной из важнейших задач судебной реформы следует признать создание условий для полной реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве и расширении возможностей защиты в полном объеме реализовывать свою процессуальную функцию.

Но укрепление и расширение гарантий института защиты по уголовным делам нельзя отрывать от усиления требований к самим защитникам, требований моральной безупречности и чистоты, соблюдения законности в их деятельности. Речь, естественно, не идет о преступлениях адвокатов — мошенничестве, вымогательстве, участии во взяточничестве и др., за которые они должны нести ответственность на общих основаниях. Имеются в виду такие их действия, которые находятся на грани с правонарушением или противоречат общепринятым нормам морали. Г.А. Зорин называет подобные приемы защиты:

"затянуть следствие до состояния потери актуальности;

усложнить новыми, но нереальными эпизодами, рассчитанными на длительные и непродуктивные потери времени и сил;

"загрузить" следователя трудоемкими для выполнения ходатайствами, которыми впоследствии можно манипулировать при аргументации пассивности следователя..;

создать конфликтогенные условия общения со следователем в расчете на разрушение психологической защиты следователя..;

накапливать информацию об ошибках следователя: организационно-тактических, процессуальных, следственно-экспертных и иных, чтобы в суде "выплеснуть" ошибочные результаты дефектных действий, а вместе с "грязной водой" и "младенца", олицетворяющего собой позитивные результаты расследования;

принять версию следователя, изображая покорность и согласие, но только для того, чтобы сыграть в известную ситуацию "допущение легенды" следователя, которая впоследствии будет промываться через сито доказательств"¹.

Балансируя на грани дозволенного, защитник может попытаться скомпрометировать потерпевшего, используя его виктимное поведение и криминогенные формы деятельности. Г.А. Зорин называет и такой тактический прием защиты, как возбуждение ходатайства о приостановлении производства по делу в связи с розыском соучастников, в то время как у него есть информация об их гибели или нахождении в таком месте, которое недоступно для следствия².

"Санитар" должен быть именно санитаром, а не могильщиком судопроизводства; путь к истине должен быть праведным, и давно уже сказано, что цель оправдывает не всякие средства ее достижения.

Одно из важнейших научных направлений, которое весьма плодотворно разрабатывается Г.А. Зорин и его учениками и последователями, — тактика защиты по уголовным делам. Именно это направление должно сыграть важную роль в совершенствовании и развитии криминалистической тактики и методики, избавить от известной "обвинительной" акцентуации их положения и рекомендации.

¹ Зорин Г. А. Криминалистическая методология. Минск, 2000. С 548—549

² Там же. С 549—550

Глава X. Процессуальные ловушки и криминалистические хитрости

Примитивная формула, выражающая связи криминалистики и уголовного процесса (процесс — формы деятельности, криминалистика — содержание этой деятельности), конечно, лишь приблизительно характеризует эти связи, но зато позволяет по-простому разобраться в "нестыковках" процесса и криминалистики. Причины этих "нестыковок" чаще носят процессуальный характер, но в чем-то виновна двусмысленность некоторых криминалистических рекомендаций, своеобразный "эксцесс исполнителя", когда следователь или оперативный сотрудник трактует эти рекомендации или разработанные криминалистикой правила, алгоритмы деятельности так, как ему это выгодно в данный момент, оправдываясь мнимыми интересами дела, заведомо нарушая криминалистические предписания.

Возникающие коллизии между процессуальной формой и криминалистическим содержанием для криминалистики представляют интерес в двух аспектах: когда форма стесняет, искусственно ограничивает содержание, сдерживая его развитие, и когда форма просто-напросто бессодержательна или обладает надуманным, нереальным содержанием, т.е. практически опять-таки бессодержательна. Разумеется, все, что далее будет сказано, относится к ныне действующему УПК, однако ознакомление с предложенными проектами нового УПК не внушает особенных надежд на радикальное изменение сложившейся ситуации.

1. Когда форма стесняет содержание-

Широко известна длящаяся уже много лет дискуссия о возможности назначать хотя бы некоторые виды судебных экспертиз в стадии возбуждения уголовного дела. Известны и аргументы спорящих сторон, и их взаимная оценка, так что не будем их повторять. Интерес представляет тот способ, к которому прибегают криминалисты-практики, чтобы преодолеть формально непреодолимую по букве закона процессуальную ловушку. Способ этот прост и даже по-своему элегантен.

Если для решения вопроса о возбуждении либо об отказе от возбуждения уголовного дела необходимо установить природу имеющихся в распоряжении органов дознания в этот момент объектов, например, ответить на вопрос, являются ли они наркотиками, проводятся так называемые предварительные исследования, фигурирующие как оперативно-розыскные мероприятия в соответствии с законом "Об ОРД". Проводит такое исследование, как правило, штатный сотрудник экспертно-криминалистической службы органа внутренних дел, выступая в качестве специалиста. Может случиться и так, что объект в соответствии с существующей методикой подобного исследования будет уничтожен. Результаты исследования оформляются справкой или подобным документом, не имеющим доказательственного значения. К делу этот документ не приобщается.

Вот тут и срабатывает процессуальная ловушка источник информации есть, а доказательств нет, а может, нет и материального носителя информации.

- Но голь на выдумки хитра. Тот же сотрудник, который проводил исследование, но теперь уже в качестве эксперта, назначенного законным путем, переписывает свою справку на бланк заключения эксперта при молчаливом согласии следователя — и все становится на свои места: на свет появился законный источник доказательств и задним числом легализованы основания для возбуждения уголовного дела. Но фактически совершена фальсификация доказательств, по существу — преступление против правосудия.

Криминалистами неоднократно предлагалось два варианта выхода из подобных щекотливых ситуаций: либо разрешить в подобных случаях назначение экспертиз в стадии возбуждения уголовного дела, либо легализовать справку специалиста, отнеся ее к "иным документам", предусмотренным ст. 88 УПК. Процессуалисты отвергают оба.

Еще одна процессуальная ловушка связана с контролем за качеством судебных экспертиз. Ловушка эта заключается в провозглашенной законом (и совершенно правильно!) независимости эксперта. Эксперт свободен в своей профессиональной деятельности, в выборе методов исследования и в интерпретации полученных результатов, его внутреннее убеждение должно быть свободным от влияний и давлений со стороны. Все это — расхожие, неоспариваемые истины.

Но у эксперта, работающего в государственном учреждении, есть начальник — руководитель судебно-экспертного учреждения или подразделения экспертной службы ведомства. И от начальника ведомство требует, чтобы экспертизы были качественны и не вызывали сомнений у органа, их назначившего. Иными словами, требуют контроля за качеством экспертиз, что и выражается в соответствующих ведомственных нормативных актах или инструкциях. Возникает процессуальная ловушка: контроль необходим, но он противоречит процессуальному статусу эксперта.

Ловушек на практике избегают разными путями, они известны, и я на них останавливаться не буду. Но все они, по сути, представляют нарушение закона: убеждение, а то и давление на эксперта, чтобы он изменил заключение, назначение руководителем СЭУ повторной экспертизы, на что он не имеет по закону права, и др.

Решение, как избежать процессуальной ловушки, неоднократно предлагавшееся криминалистами, лежит на поверхности: производство экспертизы от имени не только физического, но и юридического лица — экспертного учреждения. За качество экспертизы будет напрямую нести ответственность руководитель, а орга-

ну, назначившему экспертизу, будет безразлично, сформулированы ли экспертные выводы одним или несколькими экспертами, в результате дискуссии или повторного исследования объектов и т.п. Признаков принятия этого предложения пока не усматривается.

Ряд процессуальных ловушек прямо связан со средствами доказывания, разрабатываемыми криминалистикой.

УПК содержит исчерпывающий перечень технических процедур при работе с доказательствами. Их можно пересчитать по пальцам: фотографирование, киносъемка, магнитная запись, получение слепков и оттисков следов, составление планов и схем. При молчаливом согласии участников процесса допускается стенографирование показаний, машинопись.

Ловушка обнаруживается тотчас же, как возникает вопрос о применении нового технического средства, новой исследовательской процедуры, и тут достаточно одного возражения: "законом не предусмотрено" — и вопрос может быть снят с повестки дня. Наглядные примеры таких процессуальных ловушек — применение одорологической выборки и полиграфа.

И одорология, и полиграф были предметом ожесточенных дискуссий между их сторонниками, главным образом криминалистами, и противниками, среди которых большинство составляют процессуалисты. После того как последние исчерпают все свои аргументы, им достаточно вспомнить сакраментальную фразу: "законом не предусмотрено" — и дискуссия сама собой прекращается.

Криминалисты неоднократно предлагали легальный путь преодоления ловушки: в законе следует сформулировать не исчерпывающий перечень средств доказывания и сопутствующих технических процедур, а *общие принципы* их допустимости в судопроизводстве. Но пока все попытки были тщетны.

Тогда прибегли к хитрости. В результате серьезных исследований были разработаны гарантии получения надежных запаховых проб, процедуры использования запаховых следов, обеспечивающих объектив-

ность и достоверность одорологической выборки, и после этого, воспользовавшись тем, что процессуальный закон разумно не содержит перечня допустимых судебных экспертиз, стали напрямую удовлетворять потребности в одорологических экспертизах следствия и суда. По имеющейся информации, эта хитрость негативных последствий не повлекла.

Для того чтобы открыть дорогу в судопроизводство полиграфу, приходится избирать более извилистый путь. Благодаря усилиям ряда криминалистов-практиков, при поддержке криминалистов-ученых не так давно полиграф был "допущен" в оперативно-розыскную деятельность. Можно надеяться, что это первый шаг и по направлению к судопроизводству: иногда обходный путь может в конечном счете оказаться более легким, чем прямой.

Еще одна процессуальная ловушка связана с тем, что действующий УПК содержит опять-таки исчерпывающий перечень, но уже не технических процедур, а следственных действий.

Речь идет о так называемом выходе на место со свидетелем или обвиняемым, который в криминалистике получил более привлекательное название проверки и уточнения показаний на месте. Суть этого следственного действия всем известна и не требует пояснений.

Дискуссия о нем приобрела публичный характер после статьи С.С. Степичева, опубликованной в 1959 г. в журнале "Социалистическая законность". Сразу же нашлись ярые противники этой новеллы, которых возглавил признанный лидер отечественных процессуалистов М.С. Строгович. Результатом дискуссии стало признание этого следственного действия процессуальными законами пяти бывших союзных республик; России среди них не было. Игнорируется это следственное действие в нашем УПК и поныне, но оно уже значится в проекте нового УПК.

Следственная практика и не думала отказываться от выхода на место, несмотря ни на его критику, ни на молчание УПК. Был найден хитрый выход: еде-

лать вид, что подобного следственного действия не существует, и проводить его под "чужим именем": как следственный эксперимент, допрос на месте и т.п. Криминалисты же продолжали разрабатывать своеобразную тактику именно этого следственного действия и даже защищали диссертации о его научных основах и практике проведения. Хитрость удалась, все смотрели на эти псевдоэксперименты и псевдодопросы сквозь пальцы и с пониманием, дискуссии утихли, острота вопроса сошла на нет. Искать решения теперь нет необходимости: оно найдено в проекте УПК России. К этому следует добавить, что такое решение уже принято в новых УПК Казахстана, Узбекистана и Киргизии.

2. Когда форма бессодержательна».

Процессуальная форма может не только пеленать криминалистику по рукам и ногам, всячески препятствуя использованию в судопроизводстве современных достижений научно-технического прогресса, но и создавать видимость предоставления криминалистике режима наибольшего благоприятствования, открывая мнимые возможности наполнять эту форму актуальным содержанием. Облекаются, например, процессуальным статусом так называемые понятые, и криминалистам предоставляется возможность расписывать, чем они могут способствовать расследованию, какие ошибки следователя в состоянии предотвратить и т.п.

Но тут случается то, что в стрелковом деле называют осечкой, — слышен звук, а выстрела не происходит: никакой реальной роли в правосудии понятые не играют и играть не могут.

Институт понятых в российском процессе появился во времена Уложения 1649 г. царя Алексея Михайловича. Через двести лет при подготовке судебной реформы в 60-х гг. XIX в. он чуть было не прекратил своего существования. Против оставления его в Уставе уголовного судопроизводства выступали видные

ученые-процессуалисты. Так, И.Я. Фойницкий считал институт понятых признаком недоверия полицейской власти и с переходом следствия к судебным следователям полагал целесообразным его ликвидацию. Но творцы судебной реформы во многом из популистских соображений и стремления утвердить "особый" путь развития судопроизводства в России этот институт сохранили как "народное представительство" при судебной власти, и он получил свое место в Уставе уголовного судопроизводства.

Авторы советских УПК, во многом заимствовавших положения Устава, руководствуясь классовыми соображениями, не захотели, а может быть, не посмели удалить "представителей трудящихся масс" из процесса, и институт понятых дожил до нашего времени, имея реальные шансы пережить всех его противников.

Процессуалисты стран бывшего социалистического содружества, которые до начала 1950-х гг. не имели представления о понятых (а этого института нет вообще в развитых странах), под советским влиянием постепенно проникались сознанием судьбоносности этого института и включали его в свои УПК (сейчас активно идет обратный процесс, и полагаю, что скоро в их законодательстве не останется и следа от понятых).

Обязанности понятого закон излагает в лаконичной форме: "Понятой обязан удостоверить факт, содержание и результаты действий, при производстве которых он присутствовал" (ст. 135 УПК). Удостоверяет понятой своей подписью в протоколе следственного действия. Нужен ли такой контроль за деятельностью следователя и возможен ли он реально?

В современных условиях практически все следственные действия, за исключением, может быть, допроса, проводятся помимо следователя еще несколькими участниками. В некоторых случаях закон прямо предписывает привлекать к участию в следственном действии иных, кроме следователя, лиц, например, при осмотре некоторых объектов, предъяв-

лении для опознания людей, производстве обыска. В остальных случаях необходимость такого привлечения диктуется тактикой следственного действия (задержание, следственный эксперимент и др.). Понятых криминалистическая тактика сознательно обходит молчанием в связи с тем, что они *фактически* никакой роли в расследовании не играют. Следственная практика не знает примеров отказа понятых от подписи протокола и тем более внесения в него каких-либо замечаний.

При изложении рекомендуемой тактики проведения следственных действий криминалистическая наука настойчиво советует следователю максимально сокращать число участников, чтобы застраховаться от их негативных для результатов следственного действия поступков, эффективнее осуществлять намеченные меры. Понятых обычно просят "постоять в сторонке", что попросту означает не путаться под ногами. Удостоверять действия следователя обычно есть кому и без них.

Да и могут ли они это делать осознанно, с пониманием происходящего? Думаю, что, как правило, нет.

Понятые — случайные люди из числа тех, кто "подвернулся под руку следователю". Учитывая весьма распространенное в наши дни нежелание людей принимать участие в работе правоохранительных органов, приискание понятых может оказаться сложной задачей. Соглашаются зачастую пенсионеры или празднующиеся, и уж ни о каком специальном отборе говорить не приходится. Зато встречаются случаи, когда понятым приглашается сам преступник: уж он-то не отказывается от возможности понаблюдать за следователем, чтобы получить представление, чем будет располагать следствие.

Предвидя сложность поиска понятых, когда ситуация требует проведения следственных действий в ночное время или в безлюдной местности, следователь заранее "запасается" понятыми, в качестве которых фигурируют технические служащие с его места работы или, что еще сомнительнее, сотрудники милиции, лица, обнаружившие преступление, и т.п.

Я не аргументирую свое неприятие института понятых такими характеристиками следователя, как его добросовестность, уважение закона, объективность, чувство долга, которые должны внушать доверие к его действиям. Следователь тоже нуждается во взгляде со стороны. Вопрос следует решать прагматически: приносит ли пользу институт понятых? Полагаю, что добросовестным, профессиональным и взвешенным может быть только отрицательный ответ.

У сторонников понятых есть один, неопровержимый с их точки зрения, аргумент: понятые в состоянии предотвратить фальсификацию следователем доказательств. Это уже явное недоверие следователю, но дело даже не в том. Все, что было сказано ранее, свидетельствует, что, во-первых, реальность подобного предупреждения *обычными* понятыми — скорее всего миф. А во-вторых, как ни печально это признавать, практика показывает, что чаще всего (и легче всего) фальсифицируются показания, результаты допроса, т.е. действия, при производстве которых ни закон, ни криминалистика даже не помышляют об участии третьих лиц, кроме ограниченного числа случаев.

Позиция криминалистов: институт понятых следует упразднить или, во всяком случае, свести его к участию понятых только при обыске, да и то не для того, чтобы защитить закон от следователя, а чтобы защитить следователя от оговора в том, что он что-то подбросил на место обыска и потом "обнаружил" это или что он что-то унес с места обыска и не отметил этого в протоколе.

Высказывалось и такое пожелание: предоставить следователю самому решать, нужно ли ему пригласить понятых или нет.

Пессимистически глядя в будущее, я почти уверен, что глас криминалистов окажется гласом в пустыне и институт понятых в российском законодательстве благополучно доживет до следующей правовой реформы и, может быть, переживет и ее.

Еще один пример бессодержательности процессуальной формы — установленное ст. 190 УПК право

следователя присутствовать при производстве экспертизы.

Криминалисты, занимающиеся теорией и практикой судебной экспертизы, так и не могут решить обусловленные этим правом вопросы.

- с какой целью следователь может присутствовать при производстве экспертизы?

- какие возможности предоставляет ему такое присутствие?

О цели, которой руководствовался законодатель, устанавливая для следователя право присутствовать при производстве экспертизы, можно только гадать. В реальной же жизни очевидно предположить, что следователю тем самым предоставляется возможность наблюдать за действиями эксперта. И тут придется рассмотреть варианты ответа на второй поставленный мною вопрос: какими возможностями обладает следователь, чтобы оправдать это свое присутствие?

Следователь может просто наблюдать за действиями эксперта, никак на них не реагируя. Но удовлетворенное таким образом любопытство ничего не дает следствию. Очевидно, что предполагается наблюдение с какой-то целью. Какой же именно? Вариантов возможных результатов подобного наблюдения немного. Это:

- обращение к эксперту с просьбой разъяснить смысл и цель предпринимаемых им действий;

- обращение внимания эксперта на допущенные, по мнению следователя, ошибки;

- рекомендации эксперту применить тот или иной метод исследования или не применять какой-то метод;

- требование изменить примененную методику исследования (полностью или частично); иные императивные требования к эксперту.

Просьба дать какие-то разъяснения не выглядит противозаконной. Но, отвлекая внимание эксперта, она нарушает процесс исследования, а иногда, когда такое отвлечение может сорвать проводимый в этот момент экспертом эксперимент или иную операцию, грозит привести и к негативным для результатов эк-

спертизы последствиям. Попутно замечу, что подобное наблюдение возможно в очень редких случаях, как правило, при судебно-медицинском исследовании трупа или экспертизе живых лиц, если освидетельствуемый того же пола, что и следователь. Подавляющее большинство всех иных экспертиз, проводящихся в лабораторных условиях с применением специальной аппаратуры, рассчитанной на сугубо индивидуальное пользование, вообще не оставляет возможности следователю наблюдать что-либо существенное.

Три других варианта действий следователя могут быть однозначно оценены как посягательство на независимость эксперта, его процессуальный статус: никто не вправе давать рекомендации или предъявлять к эксперту какие-либо требования при производстве им экспертизы. Не может следователь ставить перед экспертом и какие-либо дополнительные вопросы, не указанные в постановлении о назначении экспертизы: подобная ситуация разрешается только путем официального назначения дополнительной экспертизы.

Такова фактическая бессодержательность этой процессуальной нормы, практически ловушки для следователя.

Еще одной процессуальной ловушкой, причем, на первый взгляд, никак не заслуживающей такого названия, служит требование оценки заключения эксперта, полностью соответствующее и принципам доказывания, и теории свободной оценки доказательств.

Если обратиться к содержанию ст. 191 УПК, в которой говорится о содержании экспертного заключения, то нетрудно определить, что должно оцениваться органом, назначившим экспертизу. Объектами оценки служат:

- личность эксперта;
- основания производства экспертизы;
- использованные экспертом материалы;
- содержание произведенных исследований;
- мотивированность ответов эксперта.

Реально ли требовать от следователя (суда) объективной и компетентной оценки всех этих элементов

Криминалистика проблемы сегодняшнего дня
экспертного заключения? Со всей ответственностью можно заявить, что это требование нереально.

Данные о личности эксперта, которые содержатся в заключении: образование, ученая степень, стаж работы по специальности, чисто формальны и явно недостаточны для вывода о компетентности. Они не позволяют судить о качестве и профиле профессиональной подготовки эксперта, о том, имеется ли у него практический опыт решения именно данных задач.

Основания назначения экспертизы формулируются в постановлении. Поэтому их может оценивать только вышестоящая следственная или судебная инстанция. Их оценка возможна, но это не оценка заключения по существу.

Оценить достаточно квалифицированно и *со знанием дела* последующие три объекта ни суд, ни следователь не в состоянии, поскольку для этого необходимо обладать теми же специальными познаниями, которыми обладает эксперт. Следователь действительно может оценить, все ли представленные материалы использованы экспертом, но он не может сделать вывод, правильно ли они использованы, почему какие-то из них не использованы, почему использованы какие-то иные материалы. Он не может квалифицированно судить о содержании проведенных исследований, поскольку для этого следует оценить примененные экспертом методы и методики, иметь представление о разрешающей способности, эффективности и точности методов, об апробации и научности методик и т.п. Точно так же дело обстоит и с мотивированностью экспертных методов. Следователь может судить только о полноте этих выводов, т.е. о том, на все ли поставленные вопросы эксперт дал ответ.

Так что же, получается, что были правы процессуалисты Миттермайер и Владимиров, которые еще в конце XIX в. выступили с теорией "эксперта — научного судьи", согласно которой заключение эксперта по изложенным мотивам не подлежит оценке следователем или судом, а должно приниматься ими как свое-

образный научный приговор факта, подлежащий использованию в первоизданном виде в качестве бесспорно установленной истины? Но эта теория явно противоречила теории свободной оценки доказательств, по причине чего она была отвергнута тогда и не может быть принята сейчас. Возникла еще одна процессуальная ловушка: закон требует невыполнимого.

Конечно, не всякое заключение эксперта недоступно для оценки. В ряде случаев она не требует каких-то специальных познаний. Достаточно, например, сопоставить следы на экспериментальной гильзе со следами на гильзе с места происшествия, чтобы сделать вывод, что эксперт прав, утверждая, что обе они выстрелены из одного и того же экземпляра оружия. Так же обстоит дело и с оценкой ряда других экспертиз, результаты которых настолько наглядны, что убеждают в их правильности. Но речь идет о сложных экспертных исследованиях с использованием современных методов, отнюдь не отличающихся наглядностью и доступностью для простого наблюдения результатов, когда на десятках страниц, заполненных формулами и расчетами, описывается процесс экспертного исследования. Для следователя это — сушая головоломка, в которой ему не под силу разобраться. И не мудрено поэтому, что оценка заключения чаще всего сводится в подобных случаях к проверке, на все ли поставленные вопросы эксперт ответил и какой характер — вероятный или категорический — носят эти ответы.

Для выхода из процессуальной ловушки криминалисты пошли на очередную хитрость. Опираясь на то, что УПК на этот раз, к счастью, не содержит исчерпывающего перечня случаев, когда следователь или суд могут призвать на помощь специалиста, предложили при затруднениях с должной оценкой экспертного заключения приглашать для консультации специалиста соответствующего профиля и квалификации.

А если такого специалиста, как говорится, под рукой в этот момент нет? Тут уже и криминалистическая хитрость бессильна, поскольку другого способа избежать этой процессуальной ловушки, по-моему,

просто не существует. Разве что прибегнуть к вере в авторитет эксперта.

Но бессодержательной может быть не только процессуальная ловушка, но и следственная, точнее, криминалистическая хитрость, которая фактически не способствует достижению целей доказывания, хотя и рассчитана на пополнение доказательственной базы по делу.

Одна из них заключается в так называемом закреплении показаний, в том числе и содержащих признание вины конкретным лицом. Критики выхода на место как раз и основывались на порочной практике подобного "закрепления" признания, когда субъект говорил: "Вот здесь я совершил нападение" или "Вот здесь у меня возник умысел совершить кражу" и т.п., и на фотографии его запечатлевали с указующим на это место перстом. Естественно, что подобный "выход на место" ничего не закреплял и никакого доказательственного значения не имел. Сейчас подобная практика не встречается, но появились иные ухищрения:

1) допрос проводится с использованием звукозаписи — этот прием психологически затрудняет субъекту изменение показаний, но и только: у него остается возможность заявить о даче показаний по принуждению или в силу обещанных следователем послаблений и др.;

2) допрос повторяется в присутствии третьих лиц: оперативного сотрудника, машинистки, стенографа и др. в расчете, что они при необходимости подтвердят содержание данных показаний (на деле этот прием также никакому "закреплению" не способствует);

3) собственноручное изложение показаний — последствия могут быть теми же;

4) проведение очной ставки между лицами, дававшими порознь одинаковые показания, — это вообще противозаконно, поскольку очную ставку закон требует проводить лишь при наличии существенных противоречий в показаниях.

Другая хитрость заключается в организации "явки с повинной" в расчете на последующую бесконфликтность расследования.

Явка с повинной представляет собой добровольный акт признания причастности к совершенному преступлению и может свидетельствовать о раскаянии лица в содеянном. Искреннее и деятельное раскаяние при этом расценивается уголовным законом как смягчающее вину обстоятельство. Это значение явки с повинной хорошо известно криминальным элементам, тем не менее действительно добровольная явка с повинной — не слишком частое явление. Чаше же происходит следующее.

Допрашиваемый подозреваемый (или даже обвиняемый) упорно отрицает причастность к преступлению. Следователь изобличает его во лжи, психологически он уже готов дать правдивые показания, и следователь, уловив этот момент, протягивает ему лист бумаги и произносит примерно такую фразу: "Хватит валять дурака, все ведь уже ясно, пиши-ка явку с повинной!" Это очевидный намек, что следователь готов облегчить будущую судьбу признавшего свою причастность к преступлению человека. Конечно же, это никакая не явка с повинной, как ее понимает законодатель, это даже не ее иллюзия, а в известном смысле соглашение следователя с допрашиваемым, когда в обмен на правдивые показания искусственно создается смягчающее вину обстоятельство. Явка с повинной не может быть результатом торга даже во имя праведной цели, это хитрость, уловка. Полученная при подобных условиях "явка с повинной" теряет свое процессуальное и правовое значение.

В заключение еще об одной бессодержательной процессуальной ловушке.

Часть 2 ст. 70 УПК гласит: "Доказательства могут быть представлены подозреваемым, обвиняемым, защитником, обвинителем, а также потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком и их представителями и любыми гражданами, предприятиями, учреждениями и организациями". Это общая декларация, но в ряде статей предусматривается *право* тех или иных участников процесса представлять доказательства (ст. 46, 51, 52, 53, 54, 55). Для того из них,

кто задумает воспользоваться таким правом, станет ясно, что он попал в процессуальную ловушку: гарантированному ему праву не соответствует ничья *обязанность* обеспечить возможность его реализации. Но право без соответствующей ему обязанности — это фикция, что-то вроде ловушки для простаков.

Реализация принципа состязательности в судопроизводстве — как одно из направлений судебной реформы — требует обязательного и полного равенства сторон. Защита должна обладать такими же возможностями для осуществления своей деятельности, как и обвинение, и воплощение этих гарантированных законом возможностей не должно зависеть от усмотрения органов дознания, предварительного следствия и прокурорского надзора.

Глава XI. Фантомы криминалистики

С начала 1980-х гг. в криминалистической науке стала особенно отчетливо появляться опасная тенденция: в монографиях и статьях и уж, как правило, в диссертационных исследованиях сплошь и рядом декларировалось возникновение, формирование новой теории — иногда частной, а то и общей. Это стало уже своеобразным "знаком качества" диссертации: куда годится такое исследование, если его автор не сформировал новую теорию!

Чаше всего эти открытия представляли собой своеобразные криминалистические фантомы¹, игру ума амбициозного автора, пытающегося таким путем оставить свой след в науке. Как правило, эти иллюзии либо вообще не находили отклика у научной общественности (их молчаливо игнорировали как простительную слабость неофита), либо вызывали появление двух-трех второстепенных статей сочувствующих автору знакомцев. Затем — полное забвение, и даже сам творец предпочитает не вспоминать о своем эпохальном открытии.

Но случаются и иные метаморфозы, когда реальная идея или концепция, дружно поддержанная многочисленными сторонниками, привлекает целую армию последователей, активно разрабатывается, рождает иллюзии широкого практического использования, а затем, иногда по прошествии значительного времени, оказывается типичным фантомом. Но у нее уже про-

¹ Фантом (фр. *fantome*, от греч. *phantasma* — призрак) — причудливое видение, призрак, создание воображения, вымысел, иллюзия.

росли глубокие корни, и далеко не всякий, даже из тех, кто понял иллюзорность возлагавшихся на эту теорию или концепцию надежд, рискнет попытаться выкорчевать эти корни и доказать мудрость известного выражения: "А король-то голый!"

С описания одной подобной метаморфозы я и начну эту главу.

1. Криминалистическая характеристика преступления — реальность или иллюзия?

30 с лишним лет назад в научный обиход криминалистов вошел термин "криминалистическая характеристика преступления". Его автор А.Н. Колесниченко в автореферате своей докторской диссертации писал, что к числу наиболее существенных положений, общих для всех частных методик, относится "общая криминалистическая характеристика данного вида преступлений", и далее, что "преступления имеют и общие черты криминалистического характера"¹. И хотя больше он в диссертации на этом вопросе не останавливался, семя упало на благодатную почву: десятки авторов — от самых именитых до начинающих — стали разрабатывать эту идею. В короткий срок появилась значительная литература вопроса, возникли различные определения криминалистической характеристики, различные структуры ее содержания². С публикацией работ Л.Г. Видонова, объявившего об установлении корреляционных связей между элементами криминалистической характеристики убийств, разработка проблем криминалистической характеристики получила новый импульс. Н.А. Селиванов в этой связи писал: "Значительный научный и практический интерес представляет анализ следственной практики, направлен-

¹ Колесниченко А. Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений / Автореф. дисс. .. докт. юрид. наук Харьков, 1967. С 10, 14.

² Подробнее об исследованиях в области криминалистической характеристики см.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 3. С. 306—319.

ный на выявление количественных показателей закономерных связей между различными элементами криминалистических характеристик применительно к разным видам преступлений. В связи с этим надо сказать об исследовании Л.Г. Видонова. На основе примерно одной тысячи уголовных дел¹ он выявил зависимости между некоторыми элементами криминалистических характеристик умышленных убийств, получив ценные данные, касающиеся как условно-однозначных, так и вероятностно-статистических закономерных связей". Далее он приводит примеры таких корреляционных связей: "выявление подобных связей следует осуществить и применительно к криминалистическим характеристикам иных преступлений" и заключает: "Объективные показатели закономерных связей призваны ознаменовать качественно более высокую ступень в развитии частных методик расследования"².

Время шло, множились работы, в которых на все лады говорилось о криминалистической характеристике самых различных преступлений. Но примеру Л.Г. Видонова никто не последовал, и это понятно: легче описывать элементы характеристики, да еще по собственной схеме, чем заниматься весьма трудоемким процессом выявления корреляционных зависимостей между ними.

Сложилось парадоксальное положение: сам по себе комплекс сведений о преступлениях, составляющих содержание криминалистической характеристики, ничего нового для науки и практики не давал. Мало того, что эти данные и их значение для следственной практики издавна были известны, но суть дела заключалась в том, что такой комплекс, даже названный криминалистической характеристикой, приобретал практическое значение лишь в тех случаях, когда

¹ В 1996 г. в работе "Криминалистика и паракриминалистика" А. М. Ларин поставил под сомнение репрезентативность исследований Л. Г. Видонова.

² Селиванов Н. А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования // Соц. законность. 1977. № 2. С. 57.

между его составляющими установлены корреляционные связи и зависимости, носящие закономерный характер. Тогда и только тогда следователь получал обоснованный ориентир для выдвижения следственных версий. В противном случае криминалистическая характеристика лишалась всякого смысла, поскольку сводилась к повторению общеизвестных истин¹.

В последнее время в литературе все чаще раздаются голоса о необходимости дополнения криминалистических характеристик перечнями обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретным категориям уголовных дел. Косвенно эти предложения свидетельствуют о разочаровании в криминалистической характеристике, не способной на практике служить даже ориентиром в расследовании и требующей хотя бы такой модернизации.

Для того чтобы моя позиция по рассматриваемому вопросу была достаточно убедительной, обратимся к практике изложения криминалистических характеристик в современных вузовских учебниках. Схема такого изложения типична и включает:

1) данные об уголовно-правовой квалификации преступления;

2) криминологические данные о личности типичного преступника и типичной жертвы преступления, о типичной обстановке совершения преступления (время, место, условия); типичном предмете посягательства;

3) описание типичных способов совершения и сокрытия данного вида преступлений и типичной следовой картины (последствий), характерной для применения того или иного способа².

Если провести операцию по удалению из такой характеристики данных уголовно-правового и крими-

¹ См. об этом: *Белкин Р. С., Быховский И. Е., Дулов А. В.* Модное увлечение или новое слово в науке? // *Соц. законность.* 1987. № 9.

² Примерно по такой схеме излагаются криминалистические характеристики во всех без исключения учебниках по криминалистике 1995—2000 гг.

нологического характера, то в ней окажется лишь один действительно криминалистический элемент — способ совершения и сокрытия преступления и оставляемые им следы. Не мудрено, что такая характеристика не дает исчерпывающего ответа на вопрос о специфике предмета доказывания, что и требует, помимо нее, приводить в методике перечень обстоятельств, подлежащих установлению по данной категории уголовных дел.

Но стоит ли *из-за* этого огород городить и именовать традиционные для криминалистики данные о способе преступления как-то иначе? А о том, что способ преступления издавна находится в центре внимания ученых, занимающихся проблемами частной методики, свидетельствует вся история возникновения и развития этого раздела криминалистической науки.

Я убежден, что криминалистическая характеристика преступления, не оправдав возлагавшихся на нее надежд и ученых, и практиков, изжила себя, и из реальности, которой она представлялась все эти годы, превратилась в иллюзию, в криминалистический фантом¹.

Остается сделать еще одно доброе дело: предупредить от совершения подобной ошибки наших коллег — специалистов в области теории оперативно-розыскной деятельности.

В последние два-три года в литературе по теории ОРД стал мелькать новоявленный термин: "оперативно-розыскная характеристика". На проверку оказывается, что содержание этой "характеристики" еще более эклектично, нежели характеристики криминалистической. Здесь данные и уголовного права, и криминологии, включая даже уголовную статистику о динамике преступлений конкретного вида, что уж никак не должно иметь места в научной абстракции (а всякая характеристика преступления — это научная абстракция, поскольку отражает только типичное и

¹ Должен признаться, что к формированию этого фантома приложил руку и я в "Курсе криминалистики" и в учебнике 1999 г., вышедшем под моей редакцией

устойчивое в преступлении), и практически в полном объеме то, что составляет стержень криминалистической характеристики — данные о типичных способах преступления и их следах. Ничего оперативно-розыскного такая характеристика не содержит, она не имеет не только практического, но и научного смысла.

2. Иллюзорные криминалистические концепции и теории

Работая над своим "Курсом криминалистики", я с большой осторожностью относился к решению вопроса о включении в приведенный перечень той или иной криминалистической теории. Ориентиром служила коллективная оценка такой теории, несостоятельность существующих возражений против такого ее признания. Ряд объявленных теоретических построений, на мой взгляд, не соответствовал понятию частной криминалистической теории и поэтому в перечень не включен. На них более подробно останавлиюсь далее. Ознакомление же с некоторыми современными источниками внушает тревогу в связи с той легкостью, с какой ранг частной криминалистической теории иной раз присваивается либо недостаточно аргументированно, либо вообще малоизвестным теоретическим конструкциям. Разительный пример этого — перечень новых теорий, заслуживающих, по мнению Г.А. Зорина, несомненного признания. Вот этот перечень:

- "криминалистическая эйдология (теория рождения, развития, оформления и практического использования криминалистических идей);
- криминалистическая фактология (частная криминалистическая теория о фактах — "родителях" доказательств и системах криминалистической аргументации);
- криминалистическая эвристика (частная криминалистическая теория о процессах преобразования информации при ее поиске, анализе, переработке, использовании в нестандартных криминалистических ситуациях);

• криминалистическая феноменология (подход к преступлению как оригинальному явлению, единственному в своем роде феномену);

• криминалистическая интерпретация;

• криминалистическая системотехника;

• криминалистическое программирование экспертно-креативных систем и др.¹.

Я с большим уважением отношусь к Г.А. Зорину — несомненно, одному из самых талантливых и плодотворных представителей нашей науки. Но порой, как мне кажется, фантазия увлекает его в мир "чистой" науки — и он забывает, что такое криминалистика и для чего она существует. Не довольствуясь приведенным перечнем, он считает, что пришло время говорить "в порядке постановки проблемы" о развитии новых отраслей криминалистики: криминалистике обвинения, "колыбели" всех остальных криминалистических отраслей; криминалистике защиты; криминалистике уголовного розыска; криминалистике хозяйственной деятельности. Можно пойти еще дальше и выделить подотрасли криминалистики: криминалистика убийств (палитра которых перекрывает все разделы криминалистики); экономическая криминалистика (отражает закономерности фантастического роста экономических преступлений)... международная криминалистика; транснациональная криминалистика; трансграничная криминалистика².

Объективная оценка всех этих новаций требует вдумчивого анализа, но даже на первый взгляд вызывает сомнение самостоятельное существование именно криминалистической эйдологии или криминалистической эвристики. Что же касается криминалистической фактологии, то не проще ли, чем ее конструировать, обратиться к теории доказывания, где эти "родители" нашли себе место со времен Бентама? Еще в средние века английский философ Оккам, ло-

¹ Зорин Г. А. Теоретические основы криминалистики. Минск, 2000. С. 19.

² Там же. С. 19—21.

гик и схоласт, сформулировал принцип, получивший название "бритвы Оккама": "Не следует умножать сущности без необходимости". Думается, что всякую новацию целесообразно проверять этой "бритвой".

Оставив на совести автора эйдологию и эвристику, обратимся к некоторым весьма живучим или ново-рожденным криминалистическим фантомам.

Двадцать лет назад И.Ф. Герасимов выдвинул идею формирования "общей теории раскрытия преступлений"¹. Идею подхватил его земляк Л.Я. Драпкин, который посчитал, что такая теория должна включать основы преодоления проблемных ситуаций в расследовании, эвристический процесс построения и проверки версий, логико-информационные этапы раскрытия преступлений². В 1991 г. И.Ф. Герасимов предложил структурную схему этой теории, состоящую из следующих частей: 1) криминалистическое понятие раскрытия преступлений; 2) следственные и тактические ситуации; 3) система деятельности по раскрытию преступлений; 4) организационные и тактические основы деятельности по раскрытию преступлений.

В курсе криминалистики раздел, посвященный этой теории, должен был, по мнению автора, находиться между тактикой следственных действий и методикой расследования отдельных видов преступлений³. В 1992 г. эту идею поддержал И.Р. Искандеров с той лишь разницей, что он посчитал общую теорию раскрытия преступлений частью общей теории криминалистики⁴.

¹ Герасимов И. Ф. Проблемы общей теории раскрытия преступлений и криминалистическая тактика // Актуальные проблемы советской криминалистики. М., 1979. С. 51.

² См.: Драпкин Л. Я. Проблемы общей теории раскрытия преступлений и криминалистическая тактика // Теоретические проблемы криминалистической тактики Свердловск, 1981. С. 31–39.

³ См.: Герасимов И. Ф. О перспективах развития и структуре криминалистики // Перспективы развития криминалистики. Свердловск, 1991. С. 12.

⁴ См.: Искандеров И. Р. Содержание общей теории криминалистики // Актуальные проблемы борьбы с правонарушениями. Екатеринбург, 1992. С. 4.

Идея создания общей теории раскрытия преступлений совпала по времени с предложением И.Ф. Пантелеева считать криминалистику "наукой о раскрытии преступлений". Он обосновывал это тем, что расследование преступлений — категория процессуальная, из чего неизбежно вытекает отнесение к предмету криминалистики процессуальных, уголовно-правовых и криминологических проблем. Криминалистика же учит не тому, как расследовать преступления, а тому, как их раскрывать; а раскрытие преступлений может осуществляться как процессуальным, так и оперативно-розыскным путем¹.

Аргументы И.Ф. Пантелеева без труда были опровергнуты². Аналогичной участи, по-моему, заслуживает и "общая теория раскрытия преступлений". Если сопоставить идеи Пантелеева и Герасимова, то напрашивается вывод, что теория раскрытия — это теория предмета науки. Если же проанализировать содержание данной теории, то также оказывается, что оно охватывает чуть ли не всю криминалистику, поскольку все ее разделы работают на раскрытие преступлений, а не только те, которые Герасимов включил в содержание этой теории. Кроме того, "система деятельности по раскрытию преступлений" — это просто-напросто аналог доказывания — в процессуальном плане, а в плане криминалистики — опять-таки иное название содержания криминалистики. Наконец, раскрытие преступления, как ни трактовать это понятие, — всегда элемент, часть расследования. Таким образом, мы возвращаемся к давно отвергнутому определению криминалистики как науки о расследовании преступлений (Е.У. Зицер, 1938).

"Теория раскрытия" показалась привлекательной В.К. Гавло, но "при всей привлекательности этой теории, — писал он, — полагаем, исходя из нашей концепции, возможным вести речь об учении о расследо-

¹ См.: *Пантелеев И. Ф.* Теоретические проблемы советской криминалистики. М., 1980. С. 11—18.

² См.: *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. Т. 1. М., 1997. С. 109—111.

вании преступлений в рамках общей теории криминалистики. Оно может быть укрупнено (в отличие от известных 4 учений, предложенных Р.С. Белкиным) и состоять из двух частей: учение о преступлении, что соответствовало бы понятию "криминалистическая характеристика преступлений", и учение о расследовании преступлений, что соответствовало бы предлагаемому понятию "криминалистическая характеристика расследования преступлений"¹.

Поддержка В.К. Гавло "теории раскрытия" сама по себе едва ли усиливает аргументацию И.Ф. Герасимова. Но не следует оставлять без внимания его попытку обогатить криминалистику еще двумя фантомами: учением о преступлении и учением о расследовании.

Что может представлять собой криминалистическое "учение о преступлении"? Поскольку нас интересует только функциональная сторона преступной деятельности, которая полностью отражена существующей криминалистической категорией "механизм преступления", в подобном учении просто нет необходимости, имея при этом в виду, что все остальные аспекты преступления составляют предмет уголовно-правового учения о преступлении. Что же касается того, что криминалистическая характеристика преступления и есть "учение о преступлении", то такое утверждение просто не соответствует понятию и содержанию криминалистической характеристики, представляющей собой научную абстракцию, типизацию лишь *некоторых* признаков преступлений определенного рода или вида.

Об иллюзорности и надуманности "учения о расследовании" свидетельствует все то, что мною сказано о "теории раскрытия".

Мысль о формировании частной криминалистической теории классификации преступлений впервые

¹ Гавло В. К. О предмете криминалистики и сфере приложения ее научного потенциала // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики на современном этапе. Одесса, 1993. С. 112—113.

мимоходом была высказана В.Г. Танасевичем и В.А. Образцовым в их совместной статье¹, а затем получила развитие в монографии В.А. Образцова "Криминалистическая классификация преступлений"². Он писал, что "объектами криминалистической классификации преступлений как подсистемы деятельности являются: преступления; определенные группы криминалистически сходных видов и уголовно-правовые роды преступлений; отдельные виды преступлений; определенные уголовно-правовые подвиды (разновидности) преступлений; определенные группы преступлений, выделяемые на основе криминалистической классификации уголовно-правовых видов и подвидов указанных явлений"³.

Слов нет, проблемы классификации преступлений существенны для криминалистической науки, но требуют ли они формирования специальной частной теории? Полагаю, что в этом нет никакой необходимости.

Если обнажить корни предлагаемых В.А. Образцовым классификаций, то становится ясным, что их основаниями служат либо уголовно-правовая классификация преступлений, либо классификация по тем или иным криминалистически значимым признакам, например по способу совершения преступления. На практике классификация преступлений не вызывает трудностей; в криминалистической методике она также реализуется достаточно просто, а в научном плане достаточно сказать, что предмет этой гипотетической теории полностью охватывается общей теорией криминалистики⁴.

¹ См.. *Танасевич В. Г., Образцов В. А.* Методика расследования и криминалистическая классификация преступлений // Криминалистические характеристики в методике расследования преступлений. Свердловск, 1978.

² См.. *Образцов В. А.* Криминалистическая классификация преступлений. Красноярск, 1988.

³ Там же С. 61

⁴ См.. *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. Т. 1. М., 1997. Гл. 7.

Фантазия творцов заурядных частных теорий бледнеет перед взлетом воображения В.С. Зеленецкого, предложившего создать общую теорию вообще всей и всякой борьбы с преступностью. Идею эту он облек в форму докторской диссертации "Концептуальные основы общей теории борьбы с преступностью", которую успешно и защитил в совете бывшего Харьковского юридического института (ныне Национальная юридическая академия им. Ярослава Мудрого). По его собственной оценке, проектируемая теория является не какой-нибудь там частной, а *метатеорией*. Правда, по отношению к теории государства и права она является частной теорией.

Предмет проектируемой метатеории описан автором достаточно многословно и туманно: "Предметом общей теории борьбы с преступностью является деятельность правоохранительных и других государственных органов, учреждений и. предприятий, общественных организаций и граждан по борьбе с преступностью; правовая регламентация этой борьбы и тех отношений, которые являются объектом защиты от преступных посягательств; сферы и среда борьбы с преступностью; достижения других наук для использования в научных разработках и практике борьбы с преступностью; анализ и критическая оценка полученных данных; корректировка и определение перспектив развития теории, выявление новых тенденций и закономерностей борьбы с преступностью с целью разработки более эффективных рекомендаций для оптимизации деятельности практических органов по борьбе с преступностью"¹.

Не буду заниматься критическим разбором этого в высшей степени эклектического определения предмета, в которое автор умудрился впрячь "коня и трепетную лань". Видимо, для читателя должно быть достаточно, что автор оценил ее "объективно истинной,

¹ Зеленецкий В. С. Концептуальные основы общей теории борьбы с преступностью / Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Харьков, 1989. С. 9.

конкретно-научной, комплексно-правовой материалистической теорией социалистического типа"¹. Для меня в этом плане важно другое: пока криминалисты спорили о том, существует или нет та или иная частная криминалистическая теория, они чуть было не потеряли своего научного суверенитета, превратившись в одну из многих специальных наук в системе общей теории борьбы с преступностью. Заступиться за криминалистику, как и за уголовный процесс, которому была уготована та же участь, было некому: ни один из официальных оппонентов эти науки не представлял.

К счастью для наших наук, после того, как эта метатеория выполнила свою основную и единственную функцию (диссертационную), о ней не вспоминал, кажется, даже сам творец. Но появилось то, чем можно пугать перед сном молодых криминалистов и процессуалистов. Но я отвлекся, поскольку это не криминалистический фантом, а некий *метафантом* сразу для всего научного сообщества.

Еще одним явным криминалистическим фантомом является частная криминалистическая интегративная теория общения, изобретенная В.Г. Лукашевичем². Интегративность этой теории заключается в объединении в рамках ее содержания данных криминалистической тактики и психологии, причем данных достаточно известных и используемых на практике. Не берясь судить о психологической составляющей этой теории, полагаю, что криминалистика в такой специальной теории не нуждается: для криминалистической тактики вполне достаточно психологических основ общения.

Проблемы криминалистического исследования микрообъектов вполне детально исследовались в нескольких отраслях криминалистической техники. Обстоятельно рассматривались они и в докторских диссертациях М.Б. Вандера, К.К. Бобева, Н.П. Майлис, Л.В. Веницкого и других ученых. Поэтому появление

¹ Зеленецкий В. С. Указ. соч. С. 9—10.

² См.: Лукашевич В. Г. Основы теории профессионального общения следователя / Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Киев, 1993.

еще одной докторской диссертации — А.А. Кириченко — вызвало естественное удивление, а декларирование диссертантом создания новой частной криминалистической теории — криминалистической микрологии — скептическое недоумение.

Вот как определяет автор криминалистическую микрологию: "частное криминалистическое учение, которое на основе познания закономерностей возникновения, собирания, исследования микрообъектов, оценки и использования микрологической информации (*sic!*), имеющей значение для решения задач уголовного судопроизводства, разрабатывает технические средства, тактические приемы и методические рекомендации по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений"¹. О том, что речь идет о микрологии, свидетельствует лишь единственное слово — "микрообъекты". Если его заменить на другое, например, на "материальные следы-отображения" или "документы", оно годится и для определения других отраслей криминалистической техники.

Микрология как частная криминалистическая теория — несомненный фантом, иллюзия, а вот микрология как составляющая криминалистической техники — реальность. Кстати, термин "криминалистическая микрология", используемый именно в этом последнем смысле, а не как наименование теории, встречается в литературе. Так, например, назвал свою главу в коллективной монографии А.А. Топорков, и речь в этой главе идет, естественно, не о высотах теории, а о будничной работе с микрообъектами².

В 1970 г. И.Ф. Герасимов выдвинул идею создания такой частной криминалистической теории, как учение о следственных действиях. Он аргументировал эту идею следующим образом.

1. В процессуальной и криминалистической литературе нет четкого определения понятий следственно-

¹ Кириченко А. А. Основы криминалистической микрологии / Автореф дисс. ... докт. юрид. наук. Харьков, 1996. С 17.

² См.: Итоги. М.; Иркутск, 1999. Гл. 13.

го действия, системы следственных действий, их видов и разновидностей, их участников.

2. Отсутствие четкого представления о том, какие действия относятся к числу следственных, приводит к игнорированию проблемы разработки тактики таких действий, как, например, предъявление обвинения, избрание меры пресечения, ознакомление обвиняемого с материалами дела, составление обвинительного заключения.

3. Создание учения о следственных действиях позволит не только ликвидировать эти пробелы в науке и тем оказать помощь практике, но и будет способствовать повышению эффективности следственных действий.

"Думается, что учение о следственных действиях, — писал далее И.Ф. Герасимов, — должно формулировать наиболее общие закономерности, черты и условия их производства, наметить пути и определить содержание развития новых следственных действий, обратить особое внимание на вопросы повышения эффективности следственных действий вообще и по отдельным категориям расследуемых преступлений в частности. Требуется более широкое изучение и вопрос о значении и роли различных следственных действий в предупреждении и предотвращении преступлений"¹.

Думается, что И.Ф. Герасимов при выдвижении своей теории должен был учитывать, что и в криминалистической, и в процессуальной литературе давно существуют четкие понятия следственного действия, их системы, видов и разновидностей и т.п. Чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к работам И.Е. Быховского, А.И. Михайлова, С.А. Шейфера и ряда других авторов. Господствующим и в криминалистике и в уголовно-процессуальной науке является мнение, что следственными именуются только те процессуальные действия, целью которых служит собирание, исследо-

¹ Герасимов И. Ф. Некоторые проблемы криминалистической тактики // Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики. Свердловск, 1972. С. 28

вание, оценка и использование доказательств, т.е. работа с доказательствами. Ни о какой тактике речь не идет при выполнении таких процессуальных процедур, о которых пишет И.Ф. Герасимов.

Идея И.Ф. Герасимова, четверть века считавшаяся угасшей, неожиданно была реанимирована, правда, без ссылки на ее автора, в докторской диссертации А.А. Протасевича.

В научном докладе, выполняющем функции автореферата, учению о следственном действии посвящен девятый раздел: "Концепция, основные положения криминалистического учения о следственном действии"¹. По словам автора, созданию такого учения "могут способствовать разработанные и реализованные им новые подходы к изучению и научному обеспечению следственного действия в рамках оригинальной концепции, предполагающей рассмотрение каждого следственного действия в качестве, с одной стороны, системы деятельностиного типа, с другой стороны, как процесса информационного взаимодействия следователя с объектами (людьми, предметами и т.д.) его организационно-тактического воздействия"².

В чем же заключается "оригинальность" предлагаемой автором концепции? Оказывается, в построении системы криминалистических моделей следственного действия: общей для всех следственных действий, моделей групп следственных действий, моделей отдельных видов следственных действий, указанных в УПК, и моделей разновидностей следственных действий.

Итогом этого моделирования является представление каждого следственного действия в виде системы актов, отражающих подготовку и проведение следственного действия. Оригинальность же концепции заключается, насколько можно понять, в наименова-

¹ Протасевич А. А. Проблемы предмета и средств раскрытия серийных преступлений, сопряженных с насилием / Дисс. ... докт. юрид. наук в форме научного доклада. Воронеж, 1999. С. 53.

² Там же. С. 53—54.

нии этапов деятельности, которые именуются подготовительным, производственным и постпредметным — вместо привычных подготовки, проведения, фиксации хода и результатов следственного действия и оценки этих результатов¹. Все остальное в изложенной концепции — усложненный модной терминологией пересказ той части "общих положений криминалистической тактики", которые составляют содержание вводной главы к разделу тактики в любом учебнике по криминалистике.

Родился еще один криминалистический фантом, существующий лишь в воображении его творца, который никак не украшает действительно серьезного ученого.

Отрицание необходимости подобной теории вовсе не умаляет важности комплексного изучения системы следственных действий криминалистами, процессуалистами, психологами, специалистами в области НОТ следователя. Но оно не должно заключаться в построении абстрактных моделей, якобы отвечающих потребностям практики. Его результатами должны быть общепонятные рекомендации о том, как следует подготовить и провести то или иное следственное действие, как избежать ошибок и получить достоверные результаты и как правильно и полно оценить эти результаты в аспекте процесса установления истины по делу.

В заключение еще об одной концепции, которая на первый взгляд — главным образом в связи с ее претенциозным названием — может показаться очередным фантомом, хотя таковым, бесспорно, не является. Речь идет о комплексном медико-криминалистическом учении о трупе, названном (очевидно, для большей солидности) с использованием латинского термина *cadaver* — труп, мертвое тело — криминалистической кадаврологией². Но речь идет не столько о названии, сколько о

¹ См.: Протасевич А. А. Указ. соч. С. 57.

² См.: Мелтонян С. А. Криминалистическая кадаврология // Итоги. М.; Иркутск, 1999. Гл. 14.

возможности считать это учение криминалистическим, притом что его существеннейшую часть составляют данные судебной медицины. Полагаю, что это прилагательное сразу же рождает ряд ненужных вопросов и вызывает сомнение о правомерности включения кадаврологии в систему криминалистики. Думаю, что междисциплинарный характер учения о трупе (вполне пристойное без всяких претензий название) допускает традиционное рассмотрение вопросов судебно-медицинского исследования трупа в судебной медицине, но с необходимыми дополнениями криминалистическими данными, и наоборот — в криминалистике.

Ставшее популярным у криминалистов оперирование терминами "деятельность", "деятельностный подход" породило еще одну иллюзию — о существовании некоей криминалистической деятельности.

Впервые термин "криминалистическая деятельность" читатель мог встретить в работах рижского криминалиста Р.Г. Домбровского, который писал: "... понятием "криминалистика" также обозначается не только определенная область знания, наука, но и определенная практическая деятельность... Вполне логично рассматриваемую деятельность именовать криминалистической деятельностью"¹. Эта деятельность предполагает, по его мнению, наличие криминалистических отношений. Криминалистические отношения — это отношения между правонарушителем и следователем, выражающие связь между способом совершения и сокрытия преступлений и способом их раскрытия и расследования, причем для их существования "не имеет значения то обстоятельство, что между действиями правонарушителя и действиями следователя может быть разрыв во времени и отсутствие непосредственного контакта"².

¹ Домбровский Р. Г. Криминалистическая деятельность и криминалистические отношения // Учен зап Латвийского ГУ, т 1888 Рига, 1973. С 118.

² Там же С 130

Свое отрицательное отношение к этим псевдоновациям я выразил уже в те годы¹. Нет и не может быть никакой "криминалистической деятельности" в процессе расследования, помимо деятельности процессуальной, оперативно-розыскной или административно-правовой. И уж тем более не существует никаких "криминалистических отношений" в уголовном процессе, что вообще не требует никаких доказательств в связи с явной бессодержательностью допущения их наличия. К чести наших ученых, следует признать, что об этих отношениях никто, кроме их автора, никогда не вспоминал, и этот фантом исчез бесследно. Но вот фантомная "криминалистическая деятельность" нет-нет да и упоминается, сопровождаемая еще одним фантомом — "криминалистической информацией".

Как и криминалистическая деятельность, термин "криминалистическая информация" бессодержателен и беспредметен. Он не несет никакой смысловой нагрузки, поскольку невозможно определить, какая информация является криминалистической, а не процессуальной или оперативной, каковы исключительно ее источники. В природе не существует такой информации, а есть лишь криминалистически значимая информация, которая означает любую информацию, используемую для решения криминалистических задач, вне зависимости от ее рода и источника. А с точки зрения средств, задач и целей доказывания, информация может быть только доказательственной или ориентирующей.

¹ См. *Белкин Р. С.* Курс советской криминалистики. Т. 1. М., 1977. С. 32—35.

Р. С. Белкин
Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня
Злободневные вопросы российской
криминалистики

Издательство НОРМА
Лицензия № 064250 от 6 октября 1995 г.
109544, Москва, Школьная ул., 36-38
Тел./факс (095) 912-97-21
Подписано в печать 10.11.00.
Формат 84*108/32. Усл. печ. л. 12,6
Тираж 3 000 экз.
Заказ \ 998

Издательский Дом ИНФРА • М
Лицензия № 070824 от 21 января 1993 г.
127214, Москва, Дмитровское ш., 107
Тел. (095) 485-70-63; 485-76-18

Отпечатано в ООО
'типографии «ПОЛИМАГ»
127247, Москва, Дмитровское шоссе, 107